

ISSN 2413-8584

ЭКОНОМИКА ПРОФЕССИЯ БИЗНЕС

---

e-mail: epb@asu.ru сайт: <http://journal.asu.ru> 2021. № 3

ECONOMICS PROFESSION BUSINESS

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2021

Научный рецензируемый журнал. Издается с 2014 г. Выпускается 4 раза в год

Учредитель

ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет»

Главный редактор

В. В. Мищенко, доктор экономических наук, профессор

Редакционный совет

Е. А. Ан, д-р экон. наук (г. Алматы, Казахстан);
А. М. Асалиев, д-р экон. наук, проф. (г. Москва);
П. А. Ореховский, д-р экон. наук, проф. (г. Москва);
Ю. В. Рагулина, д-р экон. наук, проф. (г. Москва);
В. И. Суслов, д-р экон. наук, проф., чл.-корр. РАН
(г. Новосибирск);
Сюй Линьши, д-р экон. наук, проф. (г. Харбин, Китай);
В. И. Тинякова, д-р экон. наук, проф. (г. Москва).

Редакционная коллегия

В. И. Беляев, д-р экон. наук, проф.;
С. Н. Бочаров, д-р экон. наук, проф.;
И. Н. Дубина, д-р экон. наук, проф.;
С. В. Лобова, д-р экон. наук, проф.;
С. И. Межов, д-р экон. наук, проф.;
В. Л. Татаринцев, д-р сельскохозяйств. наук, проф.;
Е. Е. Шваков, д-р экон. наук, проф.

ISSN 2413-8584

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Регистрационный номер ПИ № ФС77-77154 от 10 декабря 2019.

Индекс в каталоге российской прессы «Почта России» — П 2848. Цена свободная.

Журнал «Экономика Профессия Бизнес» включен в Перечень российских рецензируемых научных журналов, рекомендованных высшей аттестационной комиссией Министерства науки и высшего образования Российской Федерации для опубликования основных научных результатов диссертаций на соискание ученых степеней доктор и кандидат наук по специальности 08.00.05 — Экономика и управление народным хозяйством.

Статьи журнала включаются в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), доступный в Интернете по адресу: <http://www.elibrary.ru> (Научная электронная библиотека)

Все права защищены. При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Founder

Federal state budgetary educational institution of higher education “Altai State University”

Editor-in-Chief

V. V. Mishchenko, Prof.

Editorial Council

E. A. An, Prof. (Almaty, Kazakhstan);
A. M. Asaliyev, Prof. (Moscow);
P. A. Orehovskii, Prof. (Moscow);
Yu. V. Ragulina, Prof. (Moscow);
V. I. Suslov, Prof., Corresponding member of RAS (Novosibirsk);
Sui Linshi, Prof. (Harbin, China);
V. I. Tinyakova, Prof. (Moscow).

Editorial Board

V. I. Belyaev, Prof.;
S. N. Bocharov, Prof.;
I. N. Dubina, Prof.;
S. V. Lobova, Prof.;
S. I. Mezhev, Prof.;
V. L. Tatarintsev, Prof.;
E. E. Shvakov, Prof.

The journal is registered in the Federal Service for supervision of communications, information technology and mass media. The Certificate of Registration PI № FS 77-77154 issued on December 10, 2019.

The journal “Economics Profession Business” is included in the “List of Russian peer-reviewed scientific journals recommended by the higher attestation Commission of the Ministry of science and higher education of the Russian Federation for the publication the main scientific results of dissertations for the degrees of Doctor and Candidate of Sciences in the specialty 08.00.05 — Economics and National Management of People Economy.

The articles published in the journal are included in the Russian Science Citation Index, available at the Internet address <http://www.elibrary.ru> (Scientific Electronic Library).

All rights reserved. Reference to the journal is required when using any part of the content.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Алябьева М. В., Алябьева Т. М.</i> САМООРГАНИЗАЦИЯ КАК ОСНОВА ЭВОЛЮЦИИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ	5
<i>Ануфриева И. Ю.</i> ТРАНСФОРМАЦИЯ ВНУТРИОРГАНИЗАЦИОННОГО НОРМИРОВАНИЯ ТРУДА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ.....	12
<i>Бажанов В. А.</i> КЛАСТЕРЫ СИБИРИ: ВЛИЯНИЕ НА РЕГИОНАЛЬНУЮ ЭКОНОМИКУ.....	19
<i>Белоусова С. В.</i> ВОПРОСЫ ПОСТРОЕНИЯ МОДЕЛИ КООПЕРАТИВНОГО ФЕДЕРАЛИЗМА В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ	28
<i>Беляев В. И., Кузнецова О. В.</i> СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ — СУЩНОСТНАЯ ОСНОВА ИНСТИТУТОВ ЗАНЯТОСТИ	38
<i>Бутакова М. М., Соколова О. Н.</i> ЭКСПОРТНЫЕ ПОЗИЦИИ РОССИИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: РЕАЛИИ И ПРОБЛЕМЫ	48
<i>Вдовкина Е. Г., Исаева О. В., Шаповалова С. В.</i> УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ РЕГИОНА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ (НА ПРИМЕРЕ АЛТАЙСКОГО КРАЯ)	53
<i>Гришина Е. Н., Лантева И. П.</i> ТЕНДЕНЦИИ И ДЕТЕРМИНАНТЫ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В РОССИИ	61
<i>Крылова Н. П., Степанова А. А.</i> ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ РЕГИОНАЛЬНОГО ПОТРЕБИТЕЛЬСКОГО РЫНКА.....	70
<i>Пиньковецкая Ю. С.</i> ОЦЕНКА ЗАТРАТ НА ФИНАНСИРОВАНИЕ ИННОВАЦИЙ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ	78
<i>Пяткова О. Н.</i> УПРАВЛЕНИЕ ИЗМЕНЕНИЯМИ: МЕТОДИКА ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ	85
<i>Семиколенова М. Н., Семина Л. А., Землякова С. Н.</i> ТЕНДЕНЦИИ И ФАКТОРЫ РАЗВИТИЯ АГРОПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА АЛТАЙСКОГО КРАЯ В СИСТЕМЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РЕГИОНА	92
<i>Самсонов И. И.</i> ФИЗИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА И СПОРТ КАК СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИ ЗНАЧИМЫЙ ВИД ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	98
<i>Степаненко Д. А., Ермолина А. А.</i> НЕКОТОРЫЕ ПОДХОДЫ К ГОСУДАРСТВЕННОМУ СТИМУЛИРОВАНИЮ ИННОВАЦИОННОЙ АКТИВНОСТИ ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ	106
<i>Тарасов Д. О., Дубина И. Н.</i> ИННОВАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ НАЦИОНАЛЬНЫХ ЭКОНОМИК: СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ	116
<i>Троцкий А. Я.</i> ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В РАБОТАХ РОССИЙСКИХ РЕГИОНАЛИСТОВ: НАРРАТИВНЫЙ ОБЗОР.....	125
<i>Шавандина О. А., Коваленко Е. Ю.</i> ЗАРАБОТНАЯ ПЛАТА СПОРТСМЕНОВ: ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ И РЕГУЛИРОВАНИЯ	133
НАШИ АВТОРЫ	142
ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ СТАТЕЙ В НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ «ЭКОНОМИКА ПРОФЕССИЯ БИЗНЕС»	144

CONTENTS

<i>Alyabyeva M. V., Alyabyeva T. M.</i> SELF-ORGANIZATION AS THE BASIS OF EVOLUTION SOCIO-ECONOMIC SYSTEMS	5
<i>Anufrieva I. Yu.</i> TRANSFORMATION OF INTERNAL ORGANIZATIONAL RATING OF LABOR IN THE CONDITIONS OF DIGITALIZATION	12
<i>Bazhanov V. A.</i> SIBERIAN CLUSTERS: IMPACT ON THE REGIONAL ECONOMY.....	19
<i>Belousova S. V.</i> QUESTIONS OF BUILDING A MODEL OF COOPERATIVE FEDERALISM IN THE CONTEXT OF LOCAL SELF-GOVERNMENT DEVELOPMENT	28
<i>Belyaev V. I., Kuznecova O. V.</i> SOCIAL AND LABOR RELATIONS — THE ESSENTIAL BASIS OF EMPLOYMENT INSTITUTIONS	38
<i>Butakova M. M., Sokolova O. N.</i> EXPORT POSITIONS OF RUSSIA IN CENTRAL ASIA: REALITIES AND PROBLEMS	48
<i>Vdovkina E. G., Isaeva O. V., Shapovalova S. V.</i> SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF THE REGION IN THE CONDITIONS OF DIGITALIZATION OF THE ECONOMY (ON THE EXAMPLE OF THE ALTAI TERRITORY)	53
<i>Grishina E. N., Lapteva I. P.</i> TRENDS AND DETERMINANTS OF DEMOGRAPHIC PROCESSES IN RUSSIA.....	61
<i>Krylova N. P., Stepanova A. A.</i> FEATURES OF THE REGIONAL CONSUMER MARKET DEVELOPMENT	70
<i>Pinkovetskaia I. S.</i> ASSESSMENT OF THE COSTS OF FINANCING INNOVATIONS: REGIONAL ASPECT.....	78
<i>Pyatkova O. N.</i> CHANGE MANAGEMENT: METHODOLOGY OF INSTITUTIONAL TRANSFORMATION OF SOCIAL AND LABOR RELATIONS.....	85
<i>Semikolenova M. N., Semina L. A., Zemlyakova S. N.</i> TRENDS AND FACTORS IN THE DEVELOPMENT OF THE AGRO-INDUSTRIAL COMPLEX ALTAI REGION IN THE REGION'S ECONOMIC SECURITY SYSTEM	92
<i>Samsonov I. I.</i> PHYSICAL CULTURE AND SPORT AS A SOCIALLY — ECONOMICALLY SIGNIFICANT TYPE OF ACTIVITY	98
<i>Stepanenko D. A., Ermolina A. A.</i> APPROACHES TO STATE STIMULATION OF INNOVATIVE ACTIVITY OF INDUSTRIAL ENTERPRISES	106
<i>Tarasov D. O., Dubina I. N.</i> INNOVATION POTENTIAL OF NATIONAL ECONOMIES: A COMPARATIVE ANALYSIS.....	116
<i>Trotsky A. Ya.</i> SPATIAL STUDIES IN THE RUSSIAN REGIONALISTS WORKS: A NARRATIVE REVIEW	125
<i>Shavandina O. A., Kovalenko E. Y.</i> SALARIES OF ATHLETES: FEATURES OF FORMATION AND REGULATION.....	133
OUR AUTHORS.....	142
ARTICLE SUBMISSION GUIDELINES FOR «ECONOMIS PROFESSION BUSINESS»	144

САМООРГАНИЗАЦИЯ КАК ОСНОВА ЭВОЛЮЦИИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ

М. В. Алябьева, Т. М. Алябьева

Белгородский университет кооперации, экономики и права (Белгород, Россия)

Любые социально-экономические системы по мере своего функционирования подвержены различным изменениям, и в них на определенном этапе развития происходят процессы самоорганизации. В методологии эволюционно-синергетического направления системного анализа экономических систем проблемы самоорганизации занимают центральное место. Особую значимость для запуска процессов самоорганизации имеет возникновение новых потребностей или творческая креативность социума. В статье рассматриваются теоретические основы процессов самоорганизации в социально-экономических системах, обосновано, что такие системы находятся под воздействием фундаментальных факторов и энергетических взаимодействий. Авторами построена схема движения социально-экономической системы к самоорганизации, рассмотрены варианты развития социально-экономических систем на уровне предприятия в состояниях, близких к точкам бифуркации, выделены основные аттракторы их самоорганизации. Обосновано также возникновение синергетического эффекта при совместном влиянии аттракторов на развитие социально-экономических систем и определены основные положения социально-экономической синергетики.

Ключевые слова: самоорганизация, социально-экономические системы, точки бифуркации, хаос, социально-экономическая синергетика.

SELF-ORGANIZATION AS THE BASIS OF EVOLUTION SOCIO-ECONOMIC SYSTEMS

M. V. Alyabyeva, T. M. Alyabyeva

Belgorod University of Cooperation, Economics and Law (Belgorod, Russia)

Any socio-economic systems, as they function, are subject to various changes and self-organization processes occur in them at a certain stage of development. In the methodology of the evolutionary-synergetic direction of the system analysis of economic systems, the problems of self-organization occupy a central place. The emergence of new needs or the creative creativity of society is of particular importance for launching the processes of self-organization. The article deals with the theoretical foundations of the processes of self-organization in socio-economic systems, it is proved that such systems are under the influence of fundamental factors and energy interactions. The authors construct a scheme of the movement of the socio-economic system to self-organization, consider the options for the development of socio-economic systems at the enterprise level in states close to the bifurcation points, and identify the main attractors of their self-organization. The author also substantiates the emergence of a synergistic effect in the joint influence of attractors on the development of socio-economic systems and defines the main provisions of socio-economic synergetics.

Keywords: self-organization, socio-economic systems, bifurcation points, chaos, socio-economic synergy.

Введение. В современных условиях экономического развития большое значение приобретает познание процессов самоорганизации в социально-экономических системах.

Такие системы являются открытыми неравновесными системами, динамично развиваются и могут при отсутствии созидательных энергетических воздействий либо разрушаться, либо при влиянии

определенных аттракторов приобретать совершенно новые системные устойчивые формы, то есть самоорганизовываться. Процессы самоорганизации способны вывести систему на новый, более высокий уровень, то есть предотвратить разрушение системы.

В экономической и естественно-научной литературе вопросам самоорганизации в различных системах уделяется значительное внимание. Так, развитие процессов самоорганизации и условия ее возникновения исследовались в трудах М. А. Дерябиной [1], К. В. Рябова [2], Г. Хакена [3]. Исследованию самоорганизации на уровне предприятия посвящены научные работы Г. Н. Ильиной [4], А. Н. Кузьминова [5], Е. В. Шестакова [6]. Вопросы синергетики рассматривались в трудах И. Р. Пригожина [7], Г. Г. Малинецкого [8, 9] и других. В исследованиях ученых неоднократно подчеркивается значимость изучения процессов самоорганизации, поскольку эти процессы являются по сути двигателем прогрессивного развития общества в целом и повышения эффективности его систем.

Цель исследования — рассмотрение процессов самоорганизации в социально-экономических системах, исследование их природы и условий осуществления.

Методы исследования. Методологической основой исследования явились научные труды ведущих ученых в области экономики, естественных наук, теории синергетики. В качестве способов исследования использовались общенаучные методы диалектики, анализа и синтеза, индукции и дедукции, сравнения, абстрагирования, аналогии и др.

При обобщении и обработке научной информации использовались системный и графический подходы. Также при проведении исследования применялся концептуальный подход, представляющий собой основополагающую идею (взгляд) на процессы самоорганизации в социально-экономических системах.

Результаты исследования. Давно замечено, что при всем многообразии явлений и процессов окружающего нас мира он системен. В общей теории систем, основные принципы которой были сформулированы еще австрийским биологом Л. фон Берталанфи, были сделаны попытки классификации различных типов систем, выделения тех общих закономерностей и принципов, по которым они построены, а также разработки математического аппарата описания различных типовых систем и установления изоморфизма между ними.

Человек, сам являясь системой, постоянно погружен в мир самых разнообразных систем — статических и динамических, закрытых и открытых, развивающихся и неразвивающихся. Говоря о социально-экономических системах, следует отме-

тить, что каждая из них находится под влиянием факторов внешнего воздействия. Кроме того, внутри социально-экономических систем протекают самые разнообразные процессы, которые определяют их развитие, или так называемый жизненный цикл.

Социально-экономические системы постоянно взаимодействуют друг с другом, обмениваются с окружающим их миром информацией, ресурсами и энергией, то есть являются открытыми системами. Они характеризуются разнообразием, неустойчивостью и неравновесностью, в отличие от закрытых систем, обладающих противоположными характеристиками. Следовательно, поведение открытых систем нельзя рассматривать на основе детерминированных законов, которым подчиняются закрытые системы.

Равновесные системы при небольших воздействиях изменяют свое состояние пропорционально приложенному воздействию, при исчезновении воздействия система возвращается в исходное состояние. Эти системы не изменяют своего состояния неопределенно долгое время и в них реализуется максимальная энтропия при данных условиях.

Неравновесные системы при небольших воздействиях могут скачкообразно существенно изменять свое состояние, а при небольших надпороговых воздействиях — даже полностью разрушиться. Эти системы хотя и могут существовать довольно долгое время, но они потенциально неустойчивы. Примеров неравновесных систем очень много: фактически все, что создано человеком, неравновесно и, в конечном итоге, разрушается или при определенных условиях приобретает совершенно новые системные формы. Социально-экономические системы также относятся к числу открытых динамических систем, то есть неравновесны.

Особенностью неравновесных систем является то, что на определенных участках они развиваются как линейные, то есть достигаемый эффект пропорционален затраченным усилиям. К примеру, в нормальной рыночной экономической системе приращение спроса пропорционально приращению предложения. Если же рассматривать существование системы не локально, а в целом, то ее развитие может быть и нелинейным.

Потеряв линейную зависимость, социально-экономическая система может, претерпев хаотичный распад, или исчезнуть, или внутри системы произойдут процессы самоорганизации, возникнут новые упорядоченные структуры, которые могут вывести систему на новый оптимальный режим функционирования.

Графически это можно изобразить следующим образом (рис. 1).

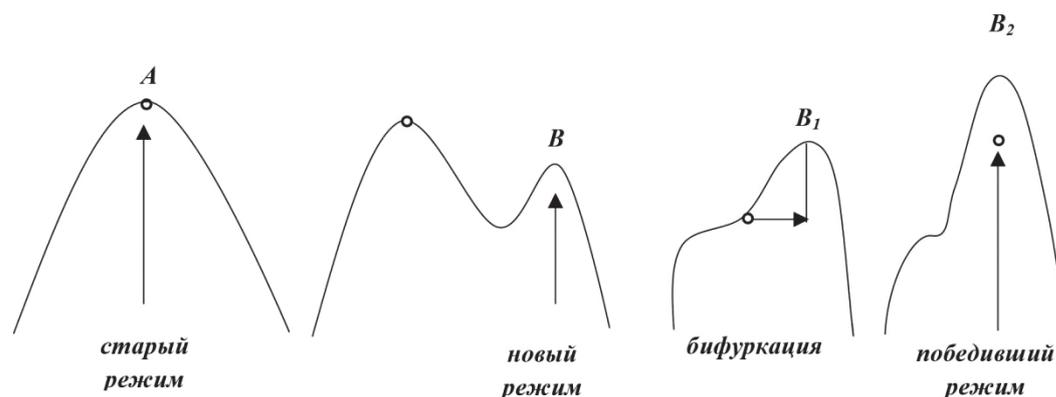

Рис. 1. Процессы самоорганизации в развивающейся социально-экономической системе

В процессе своего функционирования социально-экономическая система достигает определенного оптимального состояния (А). Далее в этой системе может возникать хаос, происходить движение к критическому состоянию и образовываться некий локальный минимум. Одновременно возникает побочный максимум (В), то есть новый оптимальный режим, который не всегда является лучшим. В процессе дальнейшего развития системы побочный максимум обгоняет исходный (B_1). В результате образуется новый, более оптимальный режим функционирования системы, но он сопровождается необходимостью резкого переключения — «бифуркации». В дальнейшем исходное локально-оптимальное состояние исчезает и новый режим становится неизбежным (B_2). Таким образом, за счет самопроизвольного упорядочивания внутренней структуры системы происходит процесс самоорганизации, появляются новые взаимосвязи между ее структурными элементами, и система развивается по новому пути.

Процессу самоорганизации предшествует такое состояние системы, когда в ней усиливается хаос, возрастает энтропия, появляются флуктуации, приводящие затем из-за внутренней перестройки системы к возникновению упорядоченных структур, способствующих уменьшению энтропии, а значит, возникновению нового порядка. Именно самоорганизация, возникающая в глубине хаоса, позволяет объяснить смысл совершенствования и эволюции сложных систем, в том числе и социально-экономических [2, 3, 7].

Чтобы понять процессы самоорганизации, необходимо знать количественные характеристики таких фундаментальных понятий, как «хаос» и «порядок», которые пришли к нам из естествознания.

Как известно, мерой беспорядка в системах является энтропия (S). Величина энтропии, согласно уравнению Л. Больцмана, связана с термодинамической вероятностью (W) соотношением:

$$S \approx \ln W. \quad (1)$$

Переменная W представляет собой число способов, с помощью которых можно осуществить то или иное состояние.

Например, в газах каждое новое состояние достигается бесконечным числом способов, в этом случае $S = \max$. Кристаллы, наоборот, имеют четко «выстроенную» молекулярную структуру, и данное состояние достигается только одним способом, когда $W = 1$ и, соответственно, $S \approx \ln 1 = 0$.

С понятием энтропии связан второй закон термодинамики, согласно которому в изолированной системе энтропия принимает максимальное значение, что указывает направление самопроизвольных процессов в мире — они все стремятся к максимуму энтропии, то есть к хаосу. Таким образом, хаос в любой социально-экономической системе самопроизволен и наиболее вероятен.

Действием данного закона объясняется не вечность существования любых, в том числе социально-экономических, систем. Любая система, имеющая определенную упорядоченность, потенциально неустойчива и стремится перейти в наиболее вероятное состояние с максимумом энтропии.

Итак, мы имеем второе начало термодинамики — самопорождение хаоса, стремление систем к равновесию с максимумом энтропии, а с другой стороны наблюдается возникновение и длительное существование упорядоченных структур — бактерий, растений, жизни. В свое время это служило основанием для утверждения существования Бога-творца, потом — существования некой особой «воли к жизни», как утверждал А. Шопенгауэр в своих трудах по «философии воли», потом — некой витальной (жизненной) силы. Достижения науки последних десятилетий прояснили кажущееся здесь противоречие [3, 7]. Согласно современным концепциям, причиной самоорганизации любых хаотических систем является внешний поток энергии и (или) вещества, который «уносит» возникаю-

щую в системе энтропию или подпитывает систему негэнтропией (упорядоченностью, то есть энтропией со знаком «-»).

Источником потока энергии на Землю служит Солнце. Величина потока этой энергии (Q) и температура солнца (T), равная 7000 К, позволяют, согласно формулам термодинамики, определить энтропию:

$$S = \frac{Q}{T}. \quad (2)$$

Следовательно, энтропия солнца ($S_{\text{солн.}}$) = $\frac{Q}{7000}$.

Земля поглощает энергию (Q) и переизлучает ее в космос уже с температурой, равной 300 К, следовательно, энтропия земли ($S_{\text{земли}}$) = $\frac{Q}{300}$.

Отсюда очевидно, что $S_{\text{солн.}} < S_{\text{земли}}$.

Таким образом, во вселенском масштабе Солнце служит источником отрицательной энтропии

и компенсирует возрастание энтропии на Земле за счет всех процессов самоорганизации. Именно так, в самом общем виде, решается вопрос о причинах возникновения и существования самоорганизованной материи — живого на Земле.

Социально-экономическая система, как и любая открытая динамическая система, также находится под влиянием этих фундаментальных факторов и энергетических взаимодействий. Любую выстроенную социально-экономическую систему, в которую вложен огромный энергетический потенциал общества, могут привести к критическому состоянию самые разнообразные факторы: общее снижение энергии и желаний социума, а для подсистем, таких как предприятие, этими факторами могут являться неэффективный менеджмент, низкий уровень квалификации персонала, нерациональная структура управления, смена приоритетных целей предприятия, агрессивная конкурентная среда и т. п.

Фактически к самоорганизации через критическое состояние социально-экономическая система движется в соответствии со схемой (рис. 2).

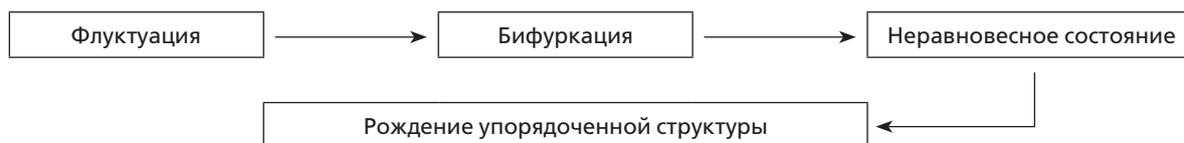

Рис. 2. Схема движения социально-экономической системы к самоорганизации

Для начала процесса самоорганизации и образования новой, более совершенной структуры, система должна пройти через критическое состояние с максимумом энтропии, а возникшая неравновесность послужит толчком для новых конфигураций. Для поддержания новых структур, которые зарождаются внутри возникающего хаоса, потребуется значительно больше энергии, чем для поддержания тех структур, на смену которым они приходят.

В социально-экономических системах роль такого источника энергии играет энергия человеческого духа, его воли и желания.

Для создания мощной социально-экономической системы (формации) необходим энергетический приток созидательной энергии или отдельной личности, или группы единомышленников, а в перспективе — энергии всего социума.

В качестве движущей силы для образования таких центров формирования новых структур на уровне предприятия может выступать идея, или цель, которую предприятие ставит на определенном этапе своего развития и которая направит разрозненные действия коллектива в единую систему. Новое устойчивое состояние возникает в результате сочетания новых управляющих па-

раметров со случайными событиями. Как следствие, такое сочетание приводит к появлению новых свойств и отношений между элементами системы.

Исходными центрами такого структурирования (кристаллизации) могут также выступать желания нового, возникновение новых потребностей или творческая креативность социума, выражающаяся в желании создания более совершенных порядков. В любом случае структуризация хаоса несет в себе прежде всего эндогенный потенциал развития и высвобождения социальной энергии.

Следует отметить, что в процессе между бифуркациями поведение социально-экономической системы детерминировано, то есть предопределено и предсказуемо, а после прохождения точек бифуркации ее развитие носит случайный характер и может происходить по траектории с уменьшением энтропии только под воздействием совокупности определенных аттракторов. Под аттракторами в данном случае понимаются факторы саморазвития социально-экономической системы, влияющие на ее самоорганизацию и приводящие к взаимодействию ее составных элементов. Они по сути являются совокупностью

внутренних и внешних условий, которые приводят самоорганизующуюся систему к идеальному устойчивому состоянию.

Если рассматривать социально-экономические системы на уровне предприятия, то можно выделить основные аттракторы их самоорганизации:

- новые инновационные решения, направленные на рост конкурентоспособности предприятия и повышение его финансовой устойчивости;
- смена руководства предприятия на новое, более креативно мыслящее и не боящееся перемен;
- новая идея или цель вывода бизнеса на новый уровень развития, достижения первенства предприятия в отрасли или на региональном рынке;
- возникновение новых потребностей лиц, непосредственно осуществляющих руководство предприятием;
- появление пассионарных личностей и (или) высококвалифицированных специалистов, с помощью энергетических и интеллектуальных способностей которых можно реализовать определенные стратегии развития предприятия;
- экзогенные условия функционирования предприятия, способствующие возникновению тех или иных идей в области ведения бизнеса (снижение налоговых ставок, дотации и (или) льготы по определенным видам деятельности, ограничения и преференции осуществлении в экспортно-импортной деятельности и т. п.).

Эффект самоорганизации в экономике чаще всего возникает, когда та или иная система полностью исчерпала свой ресурс. В точках бифуркации и в близком к ним состояниях любые, даже малейшие изменения в системе могут предопределить траекторию ее дальнейшего развития.

Так, в состояниях, близких к точкам бифуркации, когда система находится в состоянии максимального хаоса, например, на уровне предприятия, возможны следующие варианты дальнейшего развития:

- продолжение движения в том же направлении, придерживаясь использования всех имеющихся ресурсов на том же уровне, не предпринимая никаких особых усилий и при отсутствии аттракторов саморазвития. Такая траектория движения приведет в конечном итоге к полному исчерпанию ресурсов предприятия и оно столкнется с точкой бифуркации, после прохождения которой произойдет раздвоение путей дальнейшего развития: либо полный упа-

док и ликвидация либо реструктуризация и новый подъем (самоорганизация);

- смена направления движения путем усиления экономии всех ресурсов, усиления интенсификации труда и повышения квалификации персонала, диверсификации деятельности и т. п. В данном случае предприятие может столкнуться с недовольством со стороны работников и неприятием ими перемен, рискуя потерять часть персонала за счет перетекания его к конкурентам;
- движение в «обход» критического состояния посредством временного решения возникающих проблем, например, путем получения кредита, займов или привлечения совместного имущества за плату. Такие действия только отодвигают точку бифуркации и усиливают проблемы в поиске выхода из предбифуркационного кризиса;
- ожидание эффекта самоорганизации, достигаемого посредством усиления влияния аттракторов, способствующих переходу от стадии «хаоса» к «новому» порядку.

Все социально-экономические системы можно отнести к разряду сложных открытых саморазвивающихся систем. При этом такая сложная система имеет синергетическое поведение, а ее развитие основано на хаотических механизмах генерации новых идей и последующем их отборе [1]. Следовательно, на функционирование социально-экономической системы можно распространить методологию эволюционно-синергетического направления системного анализа экономических систем.

Доказанные в естественных науках математическим путем синергетические процессы в настоящее время все глубже проникают в экономику и приводят к радикальному изменению представлений о классической картине мира [10] и возникновению такого направления, как социально-экономическая синергетика.

При этом если в рамках естественнонаучной синергетики исследуются общие закономерности развития процессов самоорганизации в живой природе, то в рамках социально-экономической синергетики рассматриваются такие закономерности в экономике на уровне всех ее систем и подсистем. Синергетический эффект в социально-экономических системах возникает за счет усиления совокупного влияния аттракторов на траекторию развития такой системы, если они воздействуют на нее одновременно. При этом совместное действие аттракторов существенно превосходит влияние каждого из них в отдельности.

Существование процессов перехода от хаоса к порядку (самоорганизации) и обратно, которые

как раз и изучает социально-экономическая синергетика, приводит к глубоким изменениям в теории анализа и управления. Новая парадигма управления сейчас должна быть основана на системных концепциях сложности и развития, то есть глубоком изучении организованных систем.

Изучение процессов самоорганизации позволило определить следующие основные положения социально-экономической синергетики:

- развитие социально-экономических систем имеет синергетическую природу и должно изучаться в рамках синергетической парадигмы;
- социально-экономические системы характеризуются неравновесным состоянием, что объясняется противоречивостью человеческой природы: с одной стороны, человек стремится к абсолютной свободе действий, а с другой — имеет природно-физиологическую ограниченность;
- направленность диссипативных процессов от хаоса к новому, более совершенному порядку (самоорганизации), и их содержание зависят от творческой креативности социума и прочих аттракторов, которые при совместном воздействии приводят к синергетическому эффекту;
- независимо от масштаба любые социально-экономические системы являются вторичными по отношению к общей макросоциальной системе (обществу в целом, его

социальным институтам и т. п.), а значит, должны объясняться и зависеть от траектории развития последней;

- в развитии социально-экономических систем существует дихотомия между порядком и хаосом, поскольку, с одной стороны, достижение новых целей невозможно при наличии хаоса, а с другой — развитие новых потребностей и целей как раз возникает по причине хаоса. Поэтому социум эволюционирует как бы зигзагообразно, притягиваясь больше либо к полюсу «порядка», либо к полюсу «хаоса» [1].

Заключение. Таким образом, эволюционно-синергетический аспект самоорганизации открывает принципиально новые возможности в понимании социально-экономических систем. Дезорганизации, кризисы и даже хаос, которые в рамках классической парадигмы признавались как антиподы порядка, сегодня рассматриваются как условие выхода систем на новый, более высокий уровень развития. Процессы самоорганизации, возникающие из состояний, близких к точке бифуркации, уменьшают энтропию социально-экономической системы, снижают степень неопределенности и выводят систему в устойчивое равновесное состояние. Процесс самоорганизации в сложных социально-экономических системах происходит за счет структурирования сначала простых подсистем, а затем перестройки всей системы и образования новой.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Дерябина М. А. Теоретические и методологические основания самоорганизации // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2017. № 5. С. 95–103.
2. Рябов К. В. Самоорганизация в социально-экономических системах // Транспортное дело в России. 2008. № 6. С. 60–61.
3. Хакен Г. Информация и самоорганизация: макроскопический подход к сложным системам: пер. с англ. М., 1991. 240 с.
4. Ильина Г. Н. Самоорганизация как управленческий ресурс предприятий // Философия хозяйства. 2003. № 5 (29). С. 195–202.
5. Кузьминов А. Н., Ковтун М. Е. Когнитивное моделирование влияния факторов самоорганизации на устойчивость предприятия // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2017. № 128. С. 342–353.
6. Шестакова Е. В. Содержание интегрированного механизма самоорганизации предприятия // Экономика и предпринимательство. 2014. № 4–2 (45). С. 490–494.
7. Пригожин И., Стенгерс И. Время. Хаос. Квант. К решению парадокса времени. (Серия «Синергетика»: от прошлого к будущему»). М., 2007. 342 с.
8. Малинецкий Г. Г. Математические основы синергетики. (Серия «Синергетика: от прошлого к будущему»). М., 2007. 308 с.
9. Малинецкий Г. Г. Синергетика — от прошлого к будущему // Сложность. Разум. Постнеклассика. 2012. № 1. С. 25–46.
10. Шамис А. Л. Пути моделирования мышления: монография. М., 2006. 336 с.

REFERENCES

1. Deryabina M. A. Theoretical and methodological foundations of self-organization // Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. 2017. № 5. Pp. 95–103.
2. Ryabov K. V. Self-organization in socio-economic systems // Transport business in Russia. 2008. № 6. Pp. 60–61.
3. Haken G. Information and self-organization: a macroscopic approach to complex systems: trans. from English. M., 1991. 240 p.
4. Ilyina G. N. Self-organization as a management resource of enterprises // Philosophy of the economy. 2003. № 5 (29). Pp. 195–202.
5. Kuzminov A. N., Kovtun M. E. Cognitive modeling of the influence of self-organization factors on the stability of the enterprise // Polythematic network electronic scientific journal of the Kuban State Agrarian University. 2017. № 128. Pp. 342–353.
6. Shestakova E. V. Content of the integrated mechanism of self-organization of the enterprise // Economy and Entrepreneurship. 2014. №. 4–2 (45). Pp. 490–494.
7. Prigogine I., Stengers I. Time. Chaos. Quantum. Towards a solution to the paradox of time. (Series “Synergetics”: from the past to the future «). M., 2007. 342 p.
8. Malinetskiy G. G. Mathematical foundations of synergetics. (Series “Synergetics: from the past to the future”). M., 2007. 308 p.
9. Malinetskiy G. G. Synergetics — from the past to the future // Complexity. Mind. Postnonclassics. 2012. №. 1. Pp. 25–46.
10. Shamis A. L. Ways of modeling thinking: monograph. M., 2006. 336 p.

Поступила в редакцию: 28.05.2021.

Принята к печати: 18.06.2021.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ВНУТРИОРГАНИЗАЦИОННОГО НОРМИРОВАНИЯ ТРУДА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

И. Ю. Ануфриева

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

Статья посвящена актуальным проблемам нормирования труда в организациях реального сектора экономики. Вначале автор раскрывает значение и сущность нормирования труда, приводит ретроспективу подходов к нормированию труда, уточняет понятие и содержание внутриорганизационного нормирования труда в современных условиях. С учетом возможностей применения современных информационно-коммуникационных технологий в организации нормированию труда не уделяется должного внимания. В связи с этим в ведущих организациях различных видов деятельности Алтайского края были изучены особенности и современные проблемы внутриорганизационного нормирования труда. Рассмотрены обеспеченность штата и условия подготовки специалистов — нормировщиков по труду в организациях, используемые нормативные справочники, применяемые методы нормирования труда, оценен уровень качества действующих норм труда. Автором систематизированы традиционные и современные отечественные и зарубежные методики микроэлементного нормирования труда. По результатам исследования представлены конкретные рекомендации по построению микроэлементной нормативной базы организации в условиях цифровизации. Среди них заслуживают наибольший интерес, по мнению автора, конкретные автоматизированные системы и программы по нормированию труда, а также графоаналитический метод и метод К. Гаусса.

Ключевые слова: нормирование труда, нормы труда, нормативы по труду, микроэлементное нормирование труда, цифровизация.

TRANSFORMATION OF INTERNAL ORGANIZATIONAL RATING OF LABOR IN THE CONDITIONS OF DIGITALIZATION

I. Yu. Anufrieva

Altai State University (Barnaul, Russia)

The article is devoted to topical problems of labor rationing in organizations of the real sector of the economy. First, the author reveals the meaning and essence of labor rationing, gives a retrospective of approaches to labor rationing, clarifies the concept and content of intra-organizational labor rationing in modern conditions. Taking into account the possibilities of using modern information and communication technologies in the organization of labor rationing, due attention is not paid. In this regard, the leading organizations of various types of activities of the Altai Territory studied the features and modern problems of intra-organizational regulation of labor. The provision of the staff and the conditions for training specialists — work rate setters in organizations, the used normative reference books, the applied methods of work rate setting, assessed the quality level of the current labor standards. The author has systematized traditional and modern domestic and foreign methods of microelement rationing of labor. Based on the results of the study, the author presents specific recommendations for building a microelement regulatory framework for an organization in the context of digitalization. Among them deserve the greatest interest, according to the author, specific automated systems and programs for the rationing of labor, as well as the graphic-analytical method and the Gauss method.

Keywords: labor rationing, labor standards, labor standards, microelement labor rationing, digitalization.

Если бы мы обратились к практике внутриорганизационного управления трудом и кадрами в советских организациях 40–50 лет назад, то обнаружили бы во всех крупных и средних организациях реального сектора экономики, а также во многих социальных учреждениях наличие экономического отдела по труду или специалиста, выполняющего только функции по организации и нормированию труда. В 1985 г. в стране нормированием труда было охвачено 86,2% всех занятых в народном хозяйстве. И как могло быть иначе, если у наших иностранных конкурентов нормирование труда всегда традиционно рассматривалось как важнейший элемент эффективного внутриорганизационного управления. Например, в США нормированием труда охвачено свыше 80% организаций промышленности и строительства [1].

С распадом СССР и после очередного экономического кризиса в развитии отечественной экономики наблюдается ухудшение состояния нормирования труда по ряду причин. Нестабильные условия производства, изменения конъюнктуры рынка, колебания объемов спроса на товары и услуги, новые прорывные направления развития российской экономики сегодня пополнились еще и вынужденным освоением новых методов хозяйствования в условиях пандемии. Несмотря на все указанные факторы, назначение внутриорганизационного нормирования труда остается неизменным для любого периода развития экономики. По мнению В. Б. Бычина и Е. В. Новиковой, в организации «нормирование является основой планирования и организации производства, формирования системы оплаты труда, мотивации роста производительности труда и повышения эффективности производства» [2, с. 83].

По темпам среднегодового прироста и уровню производительности труда Россия значительно отстает от других стран с развитой экономикой. Например, в 2010 г. производительность труда в производстве цемента в США превышала в 11 раз российский показатель, а в Европе — в 2,8, а в электроэнергетике — в США в 18,6 раза. Среднегодовой темп прироста производительности труда составляет менее 1,5% за последние 5 лет [3, с. 40]. Россия лидирует по количеству отработанных фактически часов одним среднестатистическим работником. Например, в 2018 г. этот отечественный показатель превышал аналогичный зарубежный более чем на треть в Германии, Люксембурге, Ирландии, Дании и Норвегии [4]. Почему такое происходит? По нашему мнению, из-за повсеместного сворачивания работ по организации и нормированию труда с 1990-х гг. до недавнего времени.

Ситуация должна измениться с запуском Национального проекта «Производительность труда»

в 2018 г. и успешной реализацией во многих отечественных крупных организациях промышленности, строительства, транспорта, банковской сферы внутрифирменных программ по организации и нормированию труда. Во многих из них прирост производительности труда за год достиг 15–20%, а охват нормированием труда — свыше 80% [5].

Благодаря нормированию труда устанавливаются научно обоснованные затраты рабочего времени на производство единицы товара работником (группой работников) конкретной категории в конкретных условиях организации. Применение нормирования труда должно обеспечивать рост его производительности, но не всегда должна быть увязано со сдерживанием роста его оплаты или экономией — высвобождением численности работников. Учитывая реальный потребительский спрос на конкретном рынке товаров и услуг, в организации при отсутствии необходимости значительного увеличения объемов производства за счет роста производительности труда возможно не пересматривать и снижать автоматически тарифные ставки и расценки при повышении норм труда, а возможно нетрадиционное экономическое поощрение работников (например, свободным временем, гибким режимом труда и отдыха).

Другими словами, современное нормирование труда позволяет вскрыть резервы повышения конкурентоспособности производства, экономии самых разнообразных ресурсов организации, повысить научную организацию и безопасность труда в организации [6].

Однако именно вопросам нормирования труда, на наш взгляд, уделяется недостаточно внимания. Поэтому целью исследования является оценка состояния нормирования труда в организациях в современных условиях и определение основных направлений и рекомендаций по его развитию в условиях цифровизации. Весной 2021 г. в отдельных организациях г. Барнаула было проведено исследование методом наблюдения трудовых процессов, изучения документов организаций по нормированию труда и социологический опрос соответствующих специалистов. Учеными Международного института экономики, менеджмента и информационных систем ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет» и 17 экспертами-практиками были изучены основные черты и проблемы нормирования труда. В качестве экспертов выступили руководители высшего и среднего уровня, а также ведущие специалисты экономических и производственных структурных подразделений организаций (АО «Барнаульский комбинат железобетонных изделий-2», ИСК «Союз», Барнаульская ТЭЦ-2 (АО «Барнаульская генерация») и др.).

По результатам исследования состояния нормирования труда были выявлены следующие его особенности и недостатки.

Установлено, что в организациях полностью отсутствуют штатные единицы специалистов по нормированию труда. Старение опытных кадров «советской подготовки» и повальное сокращение нормировщиков в 90-е и нулевые годы привели к тому, что функции нормировщика, как правило, выполняют сейчас молодые специалисты отдела труда и заработной платы, и без того чрезмерно загруженные своими прямыми обязанностями. Около $\frac{3}{4}$ специалистов отмечают реальную потребность в изучении нормативно-методических основ регламентации и нормирования труда в соответствии с требованиями экономики в условиях цифровизации.

Подавляющее большинство экспертов отметило, что долгие годы специалисты по социально-экономическим и трудовым вопросам не имели возможности повысить свою квалификацию или пройти переподготовку по нормированию труда. Как показала практика, в ведущих вузах Алтайского края почти не ведется подготовка специалистов по данному или смежному профилю. Не на всех экономических и управленческих направлениях изучается студентами научная дисциплина «Нормирование труда», а модный «Тайм-менеджмент» просто подменяет организационно-психологическими установками действенные мотивы и методы нормирования труда.

Алтайский рынок дополнительных образовательных услуг, наоборот, наполнен предложениями профессиональной подготовки и повышения квалификации специалистов по программам «Организация и нормирование труда», «Оплата и нормирование труда» и т. д. с самым широким диапазоном расценок оплаты и условий дистанционного и смешанного обучения. Однако содержание многих программ зачастую сводится к изучению отдельных теоретических направлений нормирования труда и/или самостоятельной ориентации в действующих российских нормативных документах в рамках конкретной сферы деятельности. На наш взгляд, на региональном рынке выделяются особые две организации, занимающиеся дополнительным профессиональным образованием по экономике, организации и нормированию труда: Центр переподготовки и повышения кадров «Экономика, бизнес и управление персоналом» ФГБОУ ВО «АлтайГУ» и Автономная некоммерческая организация дополнительного профессионального образования «Учебно-методический центр Союза промышленников». Обучение в этих центрах, как правило, проходит очно с корпоративными группами слушателей и с частичной консалтинговой адаптацией программ обучения под требования конкретной

организации, ориентируя слушателей на изучение практических методик нормирования труда.

Большой проблемой в настоящее время является отсутствие централизованной разработки и доступного/бесплатного распространения нормативных материалов по труду с учетом отраслевой специфики для многих сфер деятельности. В 1957 г. было образовано Центральное бюро нормативов по труду при НИИ труда, масштабы и направления работы которого позволили нормировать труд почти 90% работников в стране [1]. Однако в 2010 г. организация была преобразована в коммерческую консалтинговую компанию, оказывающая исключительно платные услуги крупному бизнесу и государственным структурам.

Прекращение централизованной разработки нормативных материалов по труду в экономике в 90-е годы отрицательно сказывается на трудоемкости и качестве самостоятельной установки норм труда и их пересмотре в организациях. Наибольшее количество нормативных материалов в виде сборников было разработано в 2012 и 2020 гг., но не в реальном секторе экономики, а преимущественно в здравоохранении, или по оптимизации нормативной численности работников [7]. Как показало исследование, в организациях также пытались применять нормативные материалы 80–90-х годов. Условия труда и производства, требуемые в этих устаревших нормативных сборниках, уже давно не соответствуют действующим стандартам и характеристикам современного поколения оборудования (табл. 1).

Таблица 1

Средний возраст нормативных материалов по труду в России по отдельным видам деятельности

Вид деятельности	Средний возраст, лет	Последнее изменение
Обрабатывающая промышленность	35	2004 г.
Строительство	37	2020 г.
Электроснабжение	32	2014 г.
Торговля и услуги	34	2018 г.

Источник: составлено автором по данным Нормы труда (URL: <http://www.consultant.ru/>)

Эксперты отмечают трудность прочтения таких сборников, например, поправочные коэффициенты на занятость рабочего конкретным видом работы на единице оборудования или сложность трудовых операций [8]. Если учесть, что старые нормативно-методические сборники были ориентированы исключительно на ручную работу по установлению норм труда по громоздким формулам, то становится понятным, что их современная ценность сводится

к определению только укрупненных внутрисменных нормируемых затрат времени на отдых и личные надобности, время обслуживания или подготовительно-заключительное время.

Как следствие, современные организации вынуждены самостоятельно и все еще вручную проводить исследования трудовых операций и затрат рабочего времени, рассчитывать нормы труда или заказывать платные услуги по их проведению у местных частных консалтинговых агентств. По мнению экспертов, регулярность проведения исследований и разработки норм труда осуществляется в среднем не чаще одного раза в год с учетом изменяющихся организационно-технических условий труда и производства. Если трудовой процесс претерпевает изменения в связи с освоением нового производства или изменением рыночной конъюнктуры, то необходимо заново проводить мониторинговые исследования изменения затрат рабочего времени и корректировать норму времени, а зачастую и оптимизировать численность работников. Например, отсутствие такого мониторинга и «слепая» ориентация на фактические измерения затрат рабочего времени привели к снижению численности занятых рабочих на производстве пластиковых окон одной из организаций только за год его освоения в 2 раза. Нетрудно представить, какие социально-экономические последствия это повлекло для обоих участников трудовых отношений. Поэтому каждая современная организация должна обладать собственными актуальными внутриорганизационными нормативно-методическими разработками, методиками и нормативными справочниками.

По мнению экспертов, наиболее эффективными используемыми методами изучения затрат рабочего времени являются хронометраж и индивидуальная фотография рабочего времени. Но в силу трудоемкости данных наблюдений, как правило, специалисты по труду проводят замеры значительно меньшее количество раз, чем рекомендуется согласно особенностям видов работ, типа производства и продолжительности элементов трудовых операций. Не всегда учитывается и период вработываемости наблюдаемого исполнителя в начале рабочей смены и снижение его работоспособности в конце.

Как выход, нам представляется наиболее подходящим в современных условиях микроэлементное нормирование труда. Суть этого метода сводится к подробному предварительному анализу рациональных и нерациональных составных элементов трудовой операции (вплоть до микродвижений, которые уже невозможно разбить на части) и проведению исследований затрат рабочего времени на каждый элемент в приведенных к стандарту условиях труда и производства. Полученная внутриорганизационная база нормативных данных может использоваться многократно на аналогичных трудовых операциях с незначительными изменениями. К большому сожалению, в советской практике метод не получил широкого распространения в организациях из-за трудоемкости проведения исследований, обработки результатов и дальнейших громоздких расчетов, но современные условия цифровизации позволяют использовать богатейший мировой и отечественный опыт в установлении научно обоснованных норм труда [9–11] (табл. 2).

Таблица 2

Развитие методик микроэлементного нормирования труда

Дата разработки	Название методики	Особенности методики
1915–1920-е гг.	Методика Ф. и Л. Гилбрейт	Разделение трудовых приемов и процессов на элементарные операции и движения, их оптимизация
1920–1930-е гг.	Методики НИИ труда (А. К. Гастев, В. М. Иоффе)	Оптимизация микроэлементов приемов труда по видам работ, их длительности и условиям выполнения
1940-е гг.	МТА, Work-factor, DMT, ВМТ	Микроэлементное нормирование труда по элементам трудовых операций, видам деятельности (отраслям)
1948 г.	МТМ (Х. Майнард, Г. Стегемертен и Д. Шваб)	Более универсальная и упорядоченная система микроэлементов труда
1966 г.	Modapts	Более укрупненная система трудовых нормативов, единица измерения — мод (последовательность движений), простота применения
1982 г.	БСМ (НИИ труда)	Универсальная, межотраслевая, подробная система микроэлементных нормативов по труду с факторными поправочными коэффициентами
1989 г.	БСМ-1 (НИИ труда)	Доработанная версия БСМ, расширение сфер применения
1990-е гг.	УСМ-1, БСМ-2, БСМ-3 (НИИ труда)	Укрупненные системы нормативов рабочего времени
2000–2010-е гг.	ErgoSAM, ERGO-MTM	Доработанная система МТМ с учетом физического напряжения, усталости и эргономических требований к нагрузке работника

Источник: составлено автором [9–11].

В условиях соблюдения многочисленных стандартов и трудовых соглашений, с одной стороны, и нестабильности потребности рынка — с другой, довольно тяжело удержать качество норм труда, их напряженность на высоком уровне (табл. 3). Перевыполнение норм труда должно быть экономически выгодным и рабочим, и работодателям. Удерживать этот баланс интересов очень трудно. Рабочий заинтересован в росте заработной платы, но ориентация организации на рыночный спрос может ограничивать или стимулировать уровень выполнения нормы труда. По мнению экспертов, это влечет за собой учет только технических и экономических (зарплатных) факторов, а также упрощения расчетной работы при установлении норм труда на конкретном рабочем месте.

Таблица 3

**Уровень выполнения норм труда,
определяющий их качество**

Процент отклонения от 100% выполнения нормы труда	Качество нормы труда	Рекомендации по проведению мероприятий
До 3–5	Качественная норма	
6–15	Средненапряженная норма	Исследование динамики выполнения нормы труда
Свыше 15	Слабонапряженная норма	Исследование динамики и пересмотр нормы труда

Источник: составлено автором по результатам проведенного исследования.

Нормы труда, действующие в исследуемых организациях, не допускают перевыполнение более чем на 3–5% в среднем. Научно обоснованная норма труда предполагает всестороннее многофакторное обоснование при ее установлении, в том числе и организационное, и социально-психологическое. По мнению экспертов, к таким факторам следует отнести развитие благоприятных условий труда, безопасность и резервы его интенсификации. Погоня за производительностью труда на деле может обернуться для рабочего функциональной нагрузкой на пределе своих возможностей и нарушением производственной и трудовой дисциплины. В то же время не все организации в условиях жесткой конкуренции могут значительно увеличивать объемы производства товаров и услуг. Новые цифровые возможности позволяют изменить подходы к внутрифирменному нормированию труда, более точному, прозрачному, гибкому по расчету сезонных норм и менее трудоемкому с учетом всех меняющихся факторов обоснования. Как показало проведенное исследование, в организациях при наличии шта-

та профессиональных программистов отсутствует практика цифровизации работ по нормированию труда. В редких случаях предварительная громоздкая ручная работа по сбору и первичной обработке результатов наблюдений, промежуточные и последующие расчеты норм труда сводятся в электронные статистические формы документации организации.

В условиях цифровизации, по нашему мнению, современное нормирование труда должно ориентироваться на использование специально разработанных программ, позволяющих не только сформировать собственную внутриорганизационную базу нормативов по труду, но и автоматизировать саму работу нормировщиков по расчету новых и уточнению действующих норм труда (например, при освоении производства новых товаров, при изменении условий исполнения планируемого портфеля заказов и т. п.).

Такие программы могут установить функциональные зависимости конечного результативного показателя нормы времени от одного или нескольких переменных показателей, влияющих на время исполнения работы в различных условиях, обеспечивая многовариантность и оптимальность норм труда.

В отечественной практике уже применяются разнообразные автоматизированные системы и программы, связанные со сбором, обработкой и интерпретацией данных исследований по нормированию труда. Например: DATAMYTE, POT, Lotub, Vultplan, Calcstar, Supercalo и др. Нами рекомендуется их использование как для представления результатов исследования затрат рабочего времени на трудовые операции (например, LietmateWorhStudySystem — при проведении хронометража), так и для разработки внутриорганизационной системы микроэлементных нормативов по труду и установления норм труда (например, Synthia). Интересен также расчет зарплатных тарифных ставок и расценок (например, Comet), отечественные внутриорганизационные разработки (например, «Программный комплекс автоматизированной обработки информации и первичной документации») [12, с. 40–41].

При ограничении финансовых и временных возможностей в организации проведение исследования и разработка собственной нормативной базы возможны с применением системы MS Excel. Необязательно разработка или использование дорогостоящего программного обеспечения. Если в организации имеется достаточно высококвалифицированный штат программистов, то он без труда справится самостоятельно, благодаря стандартизации и универсальности процедур нормирования труда.

Необходимо понимать, что специалистам по организации и нормированию труда предстоит

самостоятельная тотальная предварительная работа по хронометражу всех видов работ производственных и основных рабочих, первичному сбору исходных данных. В этом случае нами были рекомендованы к использованию методы, которые позволят цифровизировать процесс расчета норм труда, не прибегая к проведению практических измерений путем непосредственного наблюдения: графоаналитический метод (упрощенный вариант метода Н. Софинского и Р. Миусковой) и метод К. Гаусса (метод наименьших квадратов) [13–15].

В первом методе по результатам замеров величины рабочего времени при одном переменном значимом факторе (или нескольких) рассчитываются три промежуточных средних значения величин в каждой группе показателей. Затем по ним строится график (графики) на оси координат и определяется формула функциональной линейной (или более сложной) зависимости результативного значения нормы времени от переменного значения фактора (факторов).

Во втором методе также устанавливается формула функциональной зависимости значения нормы времени от переменных показателей через решение системы квадратных уравнений.

В каждом случае рекомендована обязательная апробация нормы труда на практике и ее корректировка в конкретных производственно-технических условиях организации с учетом уровня квалификационной подготовки рабочего и его способностей.

Норма труда становится мерилем научно обоснованных затрат труда на единицу работы, то есть не в угоду субъективных интересов работодателя или работника. В условиях цифровизации общества роль нормирования труда возрастает, поскольку «нормирование позволяет определить «архитектуру» трудового процесса, детально анализировать и моделировать его, служит основой рационального планирования и оперативного управления» [2, с. 79].

Таким образом, трансформация внутриорганизационного нормирования труда в условиях цифро-

визации должна осуществляться по следующим основным направлениям:

1. Выделение организации и нормирования труда в отдельную функцию управления трудом и персоналом во всех исследуемых организациях, штатную единицу.

2. Использование при наличии актуальных межотраслевых или отраслевых научно-методических рекомендаций по нормированию труда в организациях.

3. Разработка электронных внутриорганизационных систем микроэлементного нормирования труда, установление на их основе соответствующих норм с применением цифровых технологий.

4. Разработка внутриорганизационных инструкций по проведению наблюдений в строгом соответствии научным рекомендациям (фотографии рабочего времени и хронометража). Использование современных технических возможностей (например, удобная электронная собственная система видеонаблюдения).

5. Регулярный пересмотр норм при изменении факторов труда и производства.

6. Увеличение охвата нормированием труда различных категорий работников организаций и видов работ.

7. Обеспечение гибкости управления нормированием труда в организации при установлении баланса интересов всех участников трудового процесса (экономического стимулирования труда, ценнообразования и рыночного спроса).

Внедрение вышеуказанных рекомендаций руководителями и специалистами исследуемых организаций уже сейчас позволяет достичь следующих результатов: рационализации структуры трудовых операций; установление научно обоснованных затрат рабочего времени на их выполнение; использование выявленных резервов роста производительности труда; оптимизации численности работников организации; усилению экономического стимулирования и экономии ресурсов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Центральное бюро нормативов по труду. Официальный сайт. URL: <https://cbnt.ru/> (дата обращения: 20.04.2021).
2. Бычин В. Б., Новикова Е. В. Нормирование труда как элемент эффективного внутрифирменного управления в современных условиях // Экономика труда. 2018. Т. 5. № 1. С. 77–86.
3. Омельченко И. Б. Влияние нормирования труда на рост его производительности // Социально-трудовые исследования. 2019. № 1. С. 31–43.
4. Производительность труда в Российской Федерации. URL: <https://ac.gov.ru/> (дата обращения: 20.04.2021).
5. Пилипчук Н. В., Забелина О. В. Отечественный опыт развития системы нормирования труда и передовые практики // Вестник Тверского государственного университета. Серия Экономика и управление. 2018. № 4. С. 272–278.

6. Никольский А. В. Ознакомление работника производства с системой организации и нормирования труда // Экономика труда. 2016. Т. 3. № 2. С. 107–118.
7. Нормы труда / Официальный сайт Консультант плюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_148265/ (дата обращения: 20.04.2021).
8. Методические основы нормирования труда рабочего в народном хозяйстве. М., 1987. 226 с.
9. Базовая система микроэлементных нормативов времени (БСМ-1). Методические и нормативные материалы. М., 1989. 124 с.
10. Максимов Д. Г., Перевошиков Ю. С. Становление и развитие микроэлементных нормативов: МТМ // Вестник Удмуртского университета. Серия: Экономика и право. 2019. Т. 29. Вып. 1. С. 42–47.
11. Сайфулина Л. Д. Роль и значение микроэлементного нормирования труда в системе организации труда персонала // Фундаментальные исследования. 2019. № 12. С. 170–174.
12. Фадеева И. Е., Андреев А. А. Совершенствование системы нормирования труда промышленного предприятия // Вестник Астраханского государственного технического университета. Серия: Экономика. 2019. № 3. С. 39–47.
13. Софинский Н., Миускова Р. Разработка нормативов времени по микроэлементам // Человек и труд. 2006. № 1. С. 82–85.
14. Софинский Н., Миускова Р. Разработка нормативов времени по микроэлементам // Человек и труд. 2006. № 2. С. 80–83.
15. Миускова Р. Проблемы нормирования труда на этапе освоения производства // Человек и труд. 2006. № 11. С. 75–80.

REFERENCES

1. Central Bureau of Labor Standards. Official site. URL: <https://cbnt.ru/> (date of access: 04.20.2021).
2. Bychin V. B., Novikova E. V. Labor rationing as an element of effective internal management in modern conditions // Labor economics. 2018. Vol. 5. No. 1. Pp. 77–86.
3. Omel'chenko I. B. Effects of labor normalization on increase in labor productivity // Social and labor studies. 2019. No. 1. Pp. 31–43.
4. Labor productivity in the Russian Federation. URL: <https://ac.gov.ru/> (date of access: 04.20.2021).
5. Pilipchuk N. V., Zabelina O. V. Domestic experience in the development of the system of labor rationing and advanced practices // Bulletin of the Tver State University. Series: Economics and Management. 2018. No. 4. Pp. 272–278.
6. Nikolsky A. V. Familiarization of the production worker with the system of organization and regulation of labor // Labor Economics. 2016. Vol. 3. No. 2. Pp. 107–118.
7. Labor standards / Official website Consultant plus. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_148265/ (date of access: 04.20.2021)
8. Methodological foundations for the regulation of the work of a worker in the national economy. М., 1987. 226 p.
9. Basic system of microelement time standards (BSM-1). Methodical and normative materials. М., 1989. 124 p.
10. Maksimov D. G., Perevoshchikov Yu. S. Establishment and development of microelement work standards: МТМ // Bulletin of the Udmurt University. Series: Economics and Law. 2019. Vol. 29. No. 1. Pp. 42–47.
11. Sayfullina L. D. The role and value of microelement norming in the personnel labor organization system // Fundamental research. 2019. No. 12. Pp. 170–174.
12. Fadeeva I. E., Andreev A. A. Improving labor standardization system of industrial enterprise // Bulletin of the Astrakhan State Technical University. Series: Economics. 2019. No. 3. Pp. 39–47.
13. Sofinsky N., Miuskova R. Development of time standards for microelements // Man and labor. 2006. No. 1. Pp. 82–85.
14. Sofinsky N., Miuskova R. Development of time standards for microelements // Man and labor. 2006. No. 2. Pp. 80–83.
15. Miuskova R. Problems of labor rationing at the stage of production development // Man and labor. 2006. No. 11. Pp. 75–80.

Поступила в редакцию: 18.05.2021.

Принята к печати: 12.08.2021.

КЛАСТЕРЫ СИБИРИ: ВЛИЯНИЕ НА РЕГИОНАЛЬНУЮ ЭКОНОМИКУ

В. А. Бажанов

Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН (Новосибирск, Россия)

В статье дается попытка ответа на вопрос: произошли ли какие-либо положительные сдвиги в экономике регионов, на территории которых сформировались и формируются экономические кластеры к 2020 г. Приводятся данные из различных источников о числе кластеров в стране и в Сибирском федеральном округе. Оценка сдвигов осуществляется с помощью обобщенных показателей, рассчитанных методом главных компонент. В качестве исходных данных для расчетов использовались показатели, представленные в статистических сборниках «Регионы России. Социально-экономические показатели» за период 2005–2018 гг. Полученные результаты для сибирских регионов сравнивались по двум годам рассматриваемого периода: 2014 и 2019 гг. Выводы об уровне влияния деятельности кластеров на экономику регионов осуществлялись по изменению позиций регионов в общем их списке. Как показал анализ результатов компонентного анализа, для рассматриваемых сибирских регионов характерным являлось либо сохранение позиций, либо их потеря в сторону снижения рейтинга регионов. Исключение составил Красноярский край, показавший положительные сдвиги по трем из четырех компонент. По отдельным компонентам положительные сдвиги можно было заметить у Алтайского края и Новосибирской области. Попытка определить полноценное влияние деятельности кластеров на экономику регионов только по имеющейся государственной статистике не привела к желаемым результатам.

Ключевые слова: экономический кластер, влияние на экономику региона, метод главных компонент, Сибирский федеральный округ, регионы СФО, компоненты.

SIBERIAN CLUSTERS: IMPACT ON THE REGIONAL ECONOMY

V. A. Bazhanov

Institute of Economics and Industrial Engineering SB RAS (Novosibirsk, Russia)

An attempt is made to answer the question: have there been any positive shifts in the economy of the regions in the territory of which economic clusters have formed and are forming by 2020. Data from various sources on the number of clusters in the country and in the Siberian Federal District are presented. Shifts are estimated using generalized indicators calculated by the principal component method. As the initial data for the calculations, the indicators presented in the statistical collections “Regions of Russia. Socio-economic indicators” for the period from 2005 to 2018. The results obtained for the Siberian regions were compared for two years of the period under review: 2014 and 2018. Conclusions about the level of influence of cluster activities on the economy of the regions were carried out by changing the positions of the regions in their general list. As the analysis of the results of the component analysis showed for the Siberian regions under consideration, either maintaining positions or losing them in the direction of lowering the rating of the regions was characteristic. The exception was Krasnoyarsk Territory, which showed positive shifts in three of the four components. For some components, positive shifts could be seen in the Altai Territory and the Novosibirsk Region. An attempt to determine the full impact of the activity of clusters on the economy of the regions only according to available state statistics did not lead to the desired results.

Keywords: economic cluster, influence on the region’s economy, the method of principal components, Siberian Federal District, regions of the Siberian Federal District, components.

Как известно, формирование кластерной политики в России началось в конце нулевых годов текущего столетия. Так, в ноябре 2008 г. утверждается Правительством РФ «Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г.», в которой говорилось, что долгосрочное социально-экономическое развитие Российской Федерации должно включать, помимо прочего, формирование кластеров (не менее 6–8), нацеленных на высокотехнологичные производства в приоритетных видах экономической деятельности с концентрацией таких кластеров в урбанизированных регионах и кластеров в слабоосвоенных регионах, нацеленных на глубокую переработку сырья и производство энергии с помощью прогрессивных технологий. Не вдаваясь в подробности последующего развития кластерной политики, отметим, что к 2020 г. в стране по разным источникам упоминаются от 36 до 41 экономического кластера всех видов (инновационных, территориальных, промышленных, аграрных, медико-биологических и др.). По данным Геоинформационной системы индустриальных парков, технопарков и кластеров Минпромторга РФ, в Сибирском федеральном округе (СФО) [1] в 2019 г. из 41 в целом по России насчитывалось пять промышленных кластеров, четыре из которых находились на начальном уровне развития. Однако по данным Портала «Индустриальные парки и технопарки России» [2], в перечне промышленных кластеров России 2020 г., который, заметим, включал туристско-рекреационные, автотуристские и спортивно-туристские кластеры, в СФО присутствовали 18 кластеров, из которых к промышленным можно было отнести 14. При этом действующим кластером являлся только один — «Комплексная переработка угля и техногенных отходов» в Кемеровской области. Все остальные Портал отнес к статусу создающихся.

Количество кластеров в СФО можно также узнать из данных региональных Центров кластерного развития. Так, Алтайский центр кластерного развития указывает как действующие пять кластеров, Красноярский — три кластера, Кемеровский — четыре, Новосибирский — институционально оформлены четыре кластера, Омский — три сформированных, Томский — три. То есть 22 кластера. Формируются кластеры в Республиках Тыва и Хакасия.

Отметим, что в августе 2012 г. Правительство РФ утвердило «Перечень 25 инновационных территориальных кластеров», в число которых вошли пять сибирских кластеров [3]. А в 2016 г. Минэкономразвития России издало Приказ о приоритетном проекте «Развитие инновационных кластеров — лидеров инвестиционной привлекательности

мирового уровня» [4], по которому были выбраны 11 кластеров — участников проекта. Из сибирских кластеров в это число вошли Инновационный кластер Технополис «Енисей», Новосибирский научно-производственный кластер «Сибирский наукополис», Томский инновационный территориальный кластер «Smart Technologies Tomsk». Можно считать, что официально оформленными и действующими в СФО кроме вышеуказанных являются также Алтайский биофармацевтический кластер, кластер «Комплексная переработка угля и техногенных отходов» в Кемеровской области. Все эти сибирские кластеры входили в число 25 (впоследствии — 27) утвержденных Правительством РФ инновационных территориальных кластеров. Поэтому анализ возможного влияния этих, а также местных (неофициальных) кластеров на экономику необходимо осуществлять для регионов их расположения: Алтайского края, Красноярского края, Кемеровской, Новосибирской и Томской областей.

Напомним, что в результате реализации вышеуказанного проекта «Развитие инновационных кластеров — лидеров инвестиционной привлекательности мирового уровня» к концу 2020 г. планировалось достижение таких целевых показателей в целом по всей совокупности кластеров, попавших в проект:

- «увеличение выработки на одного работника не менее чем на 20% к уровню 2016 г.;
- создание или модернизация не менее 100 тыс. высокопроизводительных рабочих мест;
- привлечение инвестиций за счет внебюджетных источников в объеме не менее 300 млрд руб.;
- финансирование научных исследований и разработок, выполняемых совместно двумя и более организациями кластера либо одной и более организацией совместно с иностранными организациями, в объеме не менее 100 млрд руб.;
- увеличение числа патентов на изобретения в организациях — участниках кластеров не менее чем в 3 раза;
- создание не менее 300 технологических стартапов, получивших инвестиции;
- удвоение объема совокупной выручки компаний — участников кластеров от несырьевого экспорта по отношению к уровню 2016 г.;
- рост средней доли добавленной стоимости в выручке организаций — участников кластеров не менее чем на 20% к уровню 2016 г.» [5].

Отметим, что, по данным сайта «Деловой профиль» [6] по мировому инновационному индексу Global Innovation Index GII-2020), пока к 2021 г.

Россия находится на 47 месте из 131 стран по уровню инновационного развития в контексте глобальной кластеризации, поднявшись с 2015 г. всего на 2 пункта. По сравнению со странами-лидерами, Россия имеет низкие показатели кластерного развития: 95 место в мировом рейтинге, незначительный уровень кластерной концентрации — 0,3 и интегральной оценки по мировому инновационному индексу — 3,4 из 7 (максимальная рейтинговая оценка).

Такое отставание России от мировых стран-лидеров по кластерному развитию объясняется, прежде всего, тем, что более 75% инновационных кластеров инициированы только после 2012 г. Потому в настоящее время они находятся на начальном этапе своего становления и развития. Для справки отметим, что в целом по России в 2019 г. сложилась следующая картина в достижении основных показателей кластерной политики (табл. 1).

Таблица 1

Основные экономические показатели деятельности кластеров-лидеров инвестиционной привлекательности мирового уровня

Основные показатели	Фактические значения на 2019 г. (факт)	Плановые значения на 2020 г. (план)	Уровень достижения плановых значений
Экспорт несырьевой продукции, млрд \$	12,7	200% к 2016 г.	67,1%
Объем совместных работ по проектам в сфере НИОКР, млрд руб.	43,3	100 за 2016–20 годы	43,3%
Производительность одного работника, млн руб. в год	3,7	200% к 2016 г.	71%
Число инвестируемых высокотехнологических стартапов, ед.	754	300	251,3%
Число международных патентов на результаты НИР, ед.	236	300% к 2016	72,8%
Объем привлеченных частных инвестиций, млрд руб.	557,8	300	185,9%
Число высокопроизводительных рабочих мест, тыс. ед.	99,4	100	99,4%

Источник: [7]

Возникает естественный интерес к вопросу: можно ли наблюдать какие-либо положительные сдвиги в экономике регионов, на территории которых сформировались и формируются кластеры к 2020 г.? Важно отметить, что данной проблеме посвящены многочисленные публикации российских исследователей, что подчеркивает его актуальность. Отметим некоторые публикации последних пяти лет. Так, в работе группы авторов [8] оценка влияния кластеров на показатели развития региона осуществлялась с помощью корреляционно-регрессионного анализа, в результате которого были получены интегральные факторы развития региона в динамике за 2013–2015 гг. В работе показаны причины, обуславливающие сложность реализации кластерной политики в российской экономике.

В публикации Н. Н. Шилова и др. [9] исследуется целесообразность применения кластерного подхода в промышленной политике региона и описана методика оценки влияния промышленного кластера на его экономику, базирующаяся на теории интенсивного/экстенсивного развития экономики кластера. Основой методики является оценки результативности деятельности научных организаций, составляющих ядро кластера и эффектов локализации.

В публикации М. А. Ягольнича и др. [10] на примере конкретного региона показаны важ-

ность и понимание жизнеспособности кластерной политики в экономике региона. Утверждается, что существующие методы и способы оценки кластерных эффектов не в полной мере отражают положительное влияние деятельности кластера. Осуществлена количественная оценка влияния инновационных кластеров на экономическое развитие Алтайского края в 2017 г. Подчеркивается важность государственной поддержки кластеров в период их становления.

В работе Е. В. Козоноговой [11] для оценки влияния кластерной политики на социально-экономическое развитие регионов используются модели с фиксированными и случайными эффектами. Показано, что экономический рост в регионах с кластерами по сравнению с другими связан с различием регионов по уровню развития. На основе использованных моделей автор делает выводы о необходимости смены текущих приоритетов государственной кластерной политики, в частности, использование способов стимулирования развития межрегионального взаимодействия региональных кластеров.

Для сокращения анализа по каждому показателю, оценивающему влияние кластера на экономику региона, попытаемся определить оценку сдвигов с помощью обобщенных показателей, рассчитанных методом главных компонент. Отметим,

в частности, Л. С. Марков и М. А. Ягольницер [12] для определения влияния кластеров использовали многофакторный статистический анализ, в котором результативность кластера измеряется показателями численности занятых, рентабельности и их изменениями. В качестве исходных данных для расчетов использовались следующие показатели, представленные в статистических сборниках «Регионы России. Социально-экономические показатели» за период с 2005 по 2020 г.:

Среднедушевые денежные доходы населения
 Инвестиции в целом
 Инвестиции в обрабатывающие производства
 Внутренние затраты на исследования и разработки
 Затраты на технологические инновации
 Число организаций, ведущих исследования и разработки
 Численность персонала, занятого научными исследованиями и разработками
 Продукция промышленности, всего
 Продукция обрабатывающих производств
 Основные фонды экономики, всего
 Основные фонды обрабатывающих производств
 ВРП на душу населения
 ВДС, созданная в обрабатывающих производствах
 Экспорт продукции обрабатывающих производств
 Выпуск бакалавров, специалистов, магистров
 Численность работающих, всего
 Численность работающих в обрабатывающих производствах
 Число малых предприятий
 Среднесписочная численность работников малых предприятий
 Оборот малых предприятий
 Сальдо финансового результата
 Сальдо финансового результата в обрабатывающих производствах.

Выбор вышеперечисленных показателей был нацелен на отражение кластерных параметров. Включение показателей по обрабатывающим производствам обусловлен тем, что большинство кластеров формировались и действуют именно в этом виде экономической деятельности. Все показатели пересчитаны на душу населения в регионах, а стоимостные показатели измерены в сопоставимых ценах 2005 г.

Разумеется, что этот перечень показателей не дает полной характеристики кластерного влияния на экономику регионов из-за особенностей государственной статистики. Тем не менее обобщенная оценка кластерного влияния регионов может быть полезной для последующего детального анализа.

Весь числовой массив состоял из 22 показателей по каждому из 80 субъектов Федерации за 2005–2019 гг. В итоге для расчетов матрица исходных данных состояла из 1120 строк-наблюдений и 22 столбца-переменных.

Примененный метод выявил четыре компоненты. Интерпретация компонент как интегральных показателей осуществлялась по показателям с наиболее значимыми факторными нагрузками (выше 0,60). Определились следующие наборы показателей по компонентам.

Компонента 1

Среднедушевые денежные доходы населения — 0,68

Инвестиции в целом — 0,83

Продукция промышленности, всего — 0,70

Основные фонды экономики, всего — 0,84

ВРП на душу населения — 0,81

Среднегодовая численность занятых — 0,80

Сальдированный финансовый результат — 0,75

Компонента 2

Инвестиции в обрабатывающие производства — 0,70

Продукция обрабатывающих производств — 0,86

Основные фонды обрабатывающих производств — 0,64

ВДС, созданная в обрабатывающих производствах — 0,78

Сальдо финансового результата в обрабатывающих производствах — 0,60

Компонента 3

Число малых предприятий — 0,71

Среднесписочная численность работников малых предприятий — 0,63

Оборот малых предприятий — 0,74

Компонента 4

Число организаций, выполняющих НИОКР — 0,76

Численность персонала, занятого НИОКР — 0,83

Выпуск бакалавров, специалистов, магистров — 0,65

Как следует из вышеприведенных данных, значения факторных нагрузок на показатели по компонентам позволяют достаточно содержательно интерпретировать их как обобщенные показатели основных характеристик промышленных и инновационных кластеров (наличие крупных предприятий, сферы НИОКР, малого бизнеса). Так, **первую** компоненту можно интерпретировать как общеэкономический уровень развитости региона, **вторую** — как уровень развитости об-

рабатывающих производств в регионе, **третью** — как уровень развитости малого бизнеса в регионе, а **четвертую** — как уровень развитости сферы НИОКР в регионе. Попадание в компоненту показателя «выпуск специалистов, бакалавров и магистрантов» можно расценивать как кадровую базу сферы НИОКР.

Полученные значения компонент по регионам были пронормированы (от 0 до 1).

Дадим краткую характеристику полученных результатов для сибирских регионов по двум годам рассматриваемого периода: 2014 г. и 2019 г. Их выбор обусловлен тем, что 2014 был годом начала экономических пертурбаций и предшествовал функционированию оформленных кластеров, 2019 — год возможных проявлений деятельности кластеров в регионах. Естественно, необходимо отметить, что сдвиги в экономике регионов, как известно, происходят в результате воздействия различных факторов, поэтому мы не претендуем на единственность утверждения об исключительном влиянии только кластеров. Мы говорим только о возможном влиянии. Выводы об уровне влияния деятельности кластеров на экономику регионов осуществлялись по изменению позиций регионов в общем их списке.

Рассмотрим позиции выделенных сибирских регионов по компонентам.

Компонента 1 — «общеекономический уровень развитости региона». Алтайский край в 2014 и в 2019 гг. по этой компоненте занимал 74 и 76 места среди 80. Такая позиция региона неслучайна. Так, по данным сборника «Регионы России: социально-экономические показатели» за 2020 г., Алтайский край по основным показателям в компоненте среди 82 регионов находился в 2019 г.: по среднедушевым доходам населения — на 69 месте, по душевому валовому региональному продукту — на 70 месте (2018 г.), по душевому промышленному производству в целом — на 66 месте. То есть по данной компоненте отсутствует возможность наблюдать какие-либо положительные сдвиги в экономике или оценки влияния алтайских кластеров на экономику региона.

Красноярский край в 2014 г. по первой компоненте занимал 23 место, но в 2019 г. переместился на 17. Хотя край по среднедушевым доходам населения был в 2019 г. на 26 месте, то по душевому ВРП он твердо занимал 8 место, а по душевому промышленному производству размещался на 2 месте среди 82 регионов. Отметим, что край до 2014 г. находился по значениям компонент в верхней части списка. Так, в 2005 г. он был на 15 месте, в 2010 — сместился на 22 место. С осторожностью отметим положительные сдвиги в экономике края как возможный результат деятельности кластеров. Одна-

ко основную роль в сдвиге могла сыграть добыча полезных ископаемых. Отметим, что в 2010 г. объем производства по этому виду возрос в 2,8 раза по сравнению с 2009 г. и темпы его роста в последующие годы оставались высокими. Как показано ниже, определенную роль в положительном сдвиге сыграли также обрабатывающие производства.

Кемеровская область в 2014 г. находилась по первой компоненте на 17 месте, но в 2019 г. опустилась на 25 место. По душевому ВРП область занимала в 2019 г. 27 место, но по душевому промышленному производству была на 8 месте. Следует отметить, что, если судить по мероприятиям, проводимым Кемеровским центром кластерного развития в последние годы, основное внимание уделялось непромышленным кластерам [7]. Действующий инновационно-территориальный кластер «Комплексная переработка угля и техногенных отходов» не дал результатов, позволяющих судить о его влиянии на промышленное производство региона.

Новосибирская область по первой компоненте начиная с 2005 г. практически не меняла своих позиций в середине пятого десятка регионов, в 2019 г. она занимала 46 позицию. Тем не менее в 2019 г. область находилась в конце третьего десятка регионов по душевым показателям ВРП и промышленного производства.

Томская область по первой компоненте потеряла свои позиции в 2019 г. относительно 2014 г., переместившись с 14 на 20 место. По душевым ВРП и промышленному производству область соответственно занимала в 2019 г. 19 и 34 места.

Естественно, что по данной компоненте весьма проблематично было судить о том или ином положительном проявлении деятельности региональных кластеров.

Компонента 2 — «уровень развитости обрабатывающих производств в регионе». Алтайский край по второй компоненте в 2019 г. сохранил свое место относительно 2014 г. в начале седьмого десятка регионов, то есть можно сказать, что действующий биофармацевтический кластер и формирующиеся промышленные кластеры не внесли заметных положительных результатов в развитие обрабатывающих производств в крае. Однако можно считать, что сохранение места — тоже достаточный положительный результат.

Красноярский край по второй компоненте улучшил свои позиции, переместившись с 18 места в 2014 г. на 12 в 2019 г. Возможно, что в этом проявилось влияние Железногорского кластера. Можно считать, что положительный сдвиг по первой компоненте был результатом воздействия двух факторов — роста добычи полезных ископаемых и роста обрабатывающих производств в крае. От-

метим, что в 2019 г. объем душевой отгруженной продукции обрабатывающих производств, измеренный в ценах 2005 г., почти в 2 раза превысил объемы 2005 г. и на 18% был выше этого показателя в 2014 г. Ни один из остальных регионов СФО с кластерами не достиг близкого результата.

Кемеровская область по второй компоненте переместилась вниз списка с 20 места в 2014 г. на 25 в 2019 г. Углекимический кластер области до 2019 г. практически не реализовывался по намеченной программе.

Новосибирская область, хотя душевые объемы отгруженной продукции в 2019 г. выросли относительно 2014 г. на 13%, потеряла свои позиции, опустившись с 42 на 53 место в 2019 г. относительно 2014 г. В 2019 г. по сравнению с 2014 г. более чем в два раза сократились инвестиции в обработку. Снизилась численность работающих в обрабатывающих производствах. Заявленные промышленные кластеры не дали положительных результатов.

Аналогичная с Новосибирской сложилась картина и в Томской области — при росте производства в обработке на 16% область опустилась в 2019 г. на 8 позиций вниз, также почти в два раза упали инвестиции в этот вид экономической деятельности и снизилась численность работающих.

Отметим, что во всех рассматриваемых регионах увеличился показатель валовой добавленной стоимости, созданной в обрабатывающих производствах.

Компонента 3 — «уровень развитости малого бизнеса в регионе». Алтайский край по третьей компоненте в 2014 и 2019 гг. был в начале седьмого десятка регионов, опустившись на одну позицию. Во второй половине десятых годов в крае снижалось как число малых предприятий, так и численность их персонала. Как известно, кластеризация должна способствовать развитию малого бизнеса, но это не подтверждается статистикой в крае.

Малый бизнес Красноярского края продемонстрировал активное развитие. Несмотря на то, что в 2014 г. край заметно переместился ниже по сравнению с 2010 г. (с 19 на 29 место), в 2019 г. он повысил свой рейтинг, вернувшись на прежнее место 2010 г. Однако возможное положительное проявление кластеризации должно было наблюдаться в статистике малого бизнеса в обрабатывающих производствах. Однако здесь картина наоборот — в 2019 г. число малых предприятий снизилось почти на 1000 ед. по сравнению с 2014 г., уменьшилась численность работающих и оборот малых предприятий (с 26 тыс. до 22 тыс. чел. и с 65 до 60 млн руб. соответственно).

Кемеровская область по значениям компонент в 2019 г. опустилась до 48 места с 35 в 2014 г. При этом уменьшились число предприятий в об-

работке и численность работающих. Заявленное в программе реализации углекимического кластера увеличение числа малых предприятий не реализовалось по состоянию на 2019 г.

Новосибирская область также опустилась на 9 позиций в 2019 г. по сравнению с 2014 г. Отметим, что в 2014 г. в области насчитывалось 7,1 тыс. малых предприятий в обработке — значительно больше, чем в других регионах СФО. В 2019 г. это количество снизилось до 6,7 тыс., но увеличилась численность работающих — на 4 тыс. чел. Потеря позиции связана с заметным общим понижением в 2019 г. количественных параметров малого бизнеса в области по сравнению с 2014 г.

Малый бизнес Томской области показал следующее: в 2019 г. по сравнению с 2014 — рост численности работающих на 2 тыс. чел. при одинаковом числе малых предприятий в обрабатывающих производствах и резкое падение оборота малого бизнеса в два раза как в обработке, так в целом по малому бизнесу. Это стало причиной перемещения области с 25 места в 2014 г. на 31 в 2019 г.

Значения данной компоненты в рассматриваемых регионах не позволяет корректно определить возможное проявление кластеризации в СФО.

Компонента 4 — «уровень развитости сферы НИОКР в регионе». По четвертой компоненте по всем выделенным годам сохранили свои привычные высокие позиции Новосибирская и Томская области, улучшилось положение Кемеровской области, на уровне 2010 г. сохранил свои позиции Красноярский край. Алтайский край переместился с 45 в 2014 г. на 22 место в 2019 г. преимущественно за счет роста затрат на технологические инновации.

Как известно, одной из целей кластеризации является увеличение экспорта высокотехнологичной инновационной продукции. Показатель по экспорту продукции обрабатывающих производств не получил значимой факторной нагрузки и не вошел в состав компоненты 2 — «уровень развитости обрабатывающих производств в регионе», поэтому сравним этот показатель за выделенные годы по данным статистики. В Алтайском, Красноярском краях, Томской области экспорт в душевом измерении снизился в 2019 г. по сравнению с 2014 г. Почти в 2 раза вырос экспорт продукции обработки в Новосибирской области и чуть менее — в Кемеровской. В целом по этому показателю также трудно судить о влиянии кластеризации на промышленное развитие регионов. В частности, рост экспорта в Новосибирской области в основном был связан с машиностроительными и оборонными производствами, не входящими в кластеры.

Попытка определить полноценное влияние деятельности кластеров на экономику регионов

только по имеющейся государственной статистике не привела к желаемым результатам. Поэтому, естественно, судить о пользе или эффекте кластеризации возможно только по конкретной информации о каждом кластере. К сожалению, Центры кластерного развития в сибирских регионах не представляют такую информацию. Специалисты Делового профиля [8] посчитали, что российские инновационные территориальные кластеры являются эффективными, если:

- 1) на одного работника участников кластера приходится не меньше 6,67 млн руб. выпуска продукции;

- 2) приходится не меньше 728 млн руб. в совокупном объеме налоговых поступлений;
- 3) налоговая нагрузка не превышает 1 тыс. руб. на 1 доллар инвестиций.

Неэффективны кластеры, если:

- 1) на одного работника участников кластера приходится менее 1,65 млн руб. выпуска продукции;
- 2) менее 323,9 млн руб. в совокупном объеме налоговых поступлений.

По значениям показателей эффективности все инновационные территориальные кластеры делятся на три группы (табл. 2).

Таблица 2

Показатели эффективности инновационных территориальных кластеров по состоянию на 2020 г. [8]

Производительность труда, млн руб. на 1 участника	Величина налоговых поступлений на 1 участника, млн руб.	Количество совместных проектов на 1 участника	Налоговая нагрузка на 1 участника, тыс. руб. на 1 доллар инвестиций
Высокий уровень			
6,671	728	0,3	822,4
Средний уровень			
2,505	556,7	0,22	960
Биофармацевтический кластер, Алтайский край			
Низкий уровень			
1,65	323,9	0,13	1064,8
НПК «Сибирский наукополис», Новосибирская область			
Комплексная переработка угля и техногенных отходов, Кемеровская область			
Кластер инновационных технологий ЗАТО, Красноярский край			
ИТК «Фармацевтика, медицинская техника и информационные технологии», Томская область			

По расчетам специалистов «Делового профиля» [8] в число эффективных, но разного уровня, вошло пять сибирских кластеров — но ни одного с высоким уровнем эффективности; один со средним — Алтайский Биофармацевтический кластер, и четыре кластера с низким уровнем эффективности. Все остальные сибирские кластеры являются неэффективными.

Можно расценивать данные таблицы 2 как некое доказательство отсутствия влияния сибирских кластеров на экономические показатели хозяйственной деятельности в регионах СФО. Отметим, что в работе [8] было заключено, что результаты

расчетов по эконометрическим моделям не подтвердили гипотезу о том, что наличие кластеров оказывает положительное воздействие на показатели регионального развития в России. Справедливости ради заметим, что такой вывод был сделан за короткий период 2013–2015 гг., когда кластеры были в зачаточном состоянии. Но, как показано в нашей статье, такой же вывод делается и по состоянию на 2019 г., то есть за семилетний период (2013–2019 гг.) кластеры СФО пока не подтверждают общеизвестную теоретическую концепцию положительного влияния кластеров на параметры развития территорий их локализации.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Сводная статистическая информация геоинформационной системы по кластерам. Геоинформационная система промышленных парков, технопарков и кластеров Министерства промышленности торговли Российской Федерации. URL: www.gisip.ru

2. Перечень-список промышленных кластеров России — 2020 год // Портал Индустриальные парки и технопарки России. URL: <https://russiaindustrialpark.ru/contacts/>
3. Об утверждении перечня инновационных территориальных кластеров // Официальный портал Министерства экономического развития РФ. URL: http://economy.gov.ru/minec/activity/sections/innovations/politic/doc20120907_02
4. Приказ Минэкономразвития России от 27.06.2016 № 400 «О приоритетном проекте Минэкономразвития России «Развитие инновационных кластеров — лидеров инвестиционной привлекательности мирового уровня». URL: <http://cluster.hse.ru/doc/Кластеры-лидеры/Приказ%20Минэкономразвития%20России%20от%2027%20июня%202016%20г.%20№%20400.pdf.1>
5. Инновационные кластеры — лидеры инвестиционной привлекательности мирового уровня // Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Институт статистических исследований и экономики знаний. Российская кластерная обсерватория. URL: <https://cluster.hse.ru/leaders>
6. Развитие инновационных кластеров в России // Деловой профиль. URL: <https://delprof.ru/download/pub/innovatsionnye-klastery-rossii/>
7. Напольских Д. Л. Современные практики регулирования процессов кластеризации и инновационного развития региональных экономических систем // Тренды и управление. 2020. № 1. С. 1–18. DOI: 10.7256/2454–0730.2020.1.32733. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=32733
8. Дубровская Ю. В., Козоногова Е. В., Пакулина Д. А. Оценка влияния кластеров на показатели регионального развития на основе корреляционно-регрессионного анализа // Государственное управление. Электронный вестник. Вып. 63. Август 2017 г. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otsenka-vliyaniya-klasterov-na-pokazateli-regionalnogo-razvitiya-na-osnove-korrelyatsionno-regressionnogo-analiza>
9. Шилова Н. Н., Киселица Е. П., Люфт С. А. Оценка влияния промышленного кластера на экономику региона // Вестник Камчатского государственного технического университета. 2016. № 36. С. 108–114. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=26485546>
10. Ягольницер М. А., Колобова Е. А., Бурук А. Ф. Оценка влияния развития кластеров на экономику региона // Регион: экономика и социология. 2020. № 3 С. 218–241. URL: https://sibran.ru/journals/issue.php?ID=179510&ARTICLE_ID=179519.
11. Козоногова Е. В. Оценка влияния кластерной политики на экономику региона на основе моделей с фиксированными и случайными эффектами // Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки. 2018. № 3. URL: <http://vestnik.pstu.ru/soceso/arhives/>
12. Марков Л. С., Ягольницер М. А. Экономические кластеры: идентификация и оценка эффективности деятельности. Новосибирск, 2006. 88 с.

REFERENCES

1. Summary statistical information of the geographic information system by clusters. Geoinformation system of industrial parks, technoparks and clusters of the Ministry of Industry and Trade of the Russian Federation. URL: www.gisip.ru
2. List-a list of industrial clusters in Russia — 2020 // Portal Industrial parks and technoparks of Russia. URL: <https://russiaindustrialpark.ru/contacts/>
3. On approval of the list of innovative territorial clusters // Official portal of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation. URL: http://economy.gov.ru/minec/activity/sections/innovations/politic/doc20120907_02
4. Order of the Ministry of Economic Development of Russia dated June 27, 2016 No. 400 “On the priority project of the Ministry of Economic Development of Russia” Development of Innovative Clusters — Leaders of World-Class Investment Attractiveness». URL: <http://cluster.hse.ru/doc/Кластеры-лидеры/Приказ%20Минэкономразвития%20России%20от%2027%20июня%202016%20г.%20№%20400.pdf.1>
5. Innovation clusters are leaders in investment attractiveness of the world level // National Research University Higher School of Economics Institute for Statistical Studies and Economics of Knowledge Russian Cluster Observatory. URL: <https://cluster.hse.ru/leaders>
6. Development of innovation clusters in Russia // Business profile. URL: <https://delprof.ru/download/pub/innovatsionnye-klastery-rossii/>
7. Napolskikh D. L. Modern practices of regulation of clustering processes and innovative development of regional economic systems // Trends and Management. 2020. No. 1. Pp. 1–18. DOI: 10.7256 / 2454–0730.2020.1.32733. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=32733

---

8. Dubrovskaya Yu. V., Kozonogova E. V., Pakulina D. A. Assessment of the influence of clusters on indicators of regional development based on correlation and regression analysis // Public Administration. Electronic bulletin Issue No. 63. August 2017. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otsenka-vliyaniya-klasterov-na-pokazateli-regionalnogo-razvitiya-na-osnove-korrelyatsionno-regressionnogo-analiza>

9. Shilova N. N., Kiselitsa E. P., Luft S. A. Assessment of the impact of the industrial cluster on the regional economy // Bulletin of the Kamchatka State Technical University. 2016. No. 36. Pp. 108–114. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=26485546>

10. Yagolnitser M. A., Kolobova E. A., Buruk A. F. Assessment of the impact of cluster development on the regional economy // Region: Economics and Sociology. 2020. №3. Pp. 218–241. URL: https://sibran.ru/journals/issue.php?ID=179510&ARTICLE_ID=179519

11. Kozonogov E. V. Assessment of the impact of cluster policy on the economy of the region on the basis of models with fixed and random effects // Bulletin of PNRPU. Socio-economic sciences. 2018. No. 3. URL: <http://vestnik.pstu.ru/soceso/arhives/>

12. Markov L. S., Yagolnitser M. A. Economic clusters: identification and performance evaluation. Novosibirsk, 2006. 88 p.

Поступила в редакцию: 12.07.2021.

Принята к печати: 29.07.2021.

ВОПРОСЫ ПОСТРОЕНИЯ МОДЕЛИ КООПЕРАТИВНОГО ФЕДЕРАЛИЗМА В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

С. В. Белоусова

Иркутский научный центр СО РАН (Иркутск, Россия)

Современные проблемы отсутствия четкого взаимодействия между уровнями власти, значительно проявившиеся в ходе реализации национальных проектов, предопределили необходимость нового этапа реформы местного самоуправления, направленного на построение модели единой исполнительной вертикали на основе кооперативного федерализма.

В статье автор дает анализ двух основных тенденций в развитии данной модели: управленческая централизация и кооперация. Установлено, что централизация коснулась многих аспектов и направлений реализации власти, но при этом сохраняется проблема скооперированности и согласованности действий отдельных ветвей, сфер и уровней управления.

Управленческая кооперация с позиции системного подхода автором рассматривается на основе видов элементов систем и путей их взаимодействия, что в целом формирует разнообразные направления и формы кооперационного взаимодействия. В статье устанавливается структура кооперации по видам элементов согласно закону развития систем и соответствующие формы кооперационных взаимодействий. Анализ текущей реализации финансовой, административной, политической, контрольно-аналитической кооперации позволяет выявить существующие проблемы и требуемые меры развития кооперативного федерализма в аспекте реализации комплементарного сочетания централизации и кооперации.

Ключевые слова: местное самоуправление, реформа, кооперативный федерализм, единая исполнительная вертикаль, централизация, кооперация публичной власти.

QUESTIONS OF BUILDING A MODEL OF COOPERATIVE FEDERALISM IN THE CONTEXT OF LOCAL SELF-GOVERNMENT DEVELOPMENT

S. V. Belousova

Irkutsk Scientific Center SB RAS (Irkutsk, Russia)

The current problems of the lack of clear interaction between the levels of government, which have significantly manifested themselves during the implementation of national projects, have predetermined the need for a new stage of local self-government reform aimed at building a model of a single executive vertical based on cooperative federalism.

In the article, the author analyzes two main trends in the development of this model: managerial centralization and cooperation. It is established that centralization has affected many aspects and directions of the implementation of power, but at the same time the problem of cooperation and coordination of actions of individual branches, spheres and levels of management remains.

The author considers managerial cooperation from the point of view of the system approach on the basis of the types of system elements and ways of their interaction, which in general forms various directions and forms of cooperative interaction. The article establishes the structure of cooperation by types of system elements according to the law of system development and the corresponding forms of cooperative interactions. The analysis of the current implementation of financial, administrative, political, control and analytical cooperation allows us to identify existing problems and the required measures for the development of cooperative federalism in the aspect of implementing a complementary combination of centralization and cooperation.

Keywords: local self-government, reform, cooperative federalism, unified executive vertical, centralization, cooperation of public authorities.

Введение. Местный уровень управления является наименее урегулированной с правовой, финансовой, организационной и иных сторон сферой отечественной общественной жизни, причем реформа местного самоуправления идет уже почти 30 лет. Текущий этап данных реформ носит многоаспектный характер и реализуется посредством конституционных поправок, принятия новой редакции главного Закона о местном самоуправлении (ФЗ № 131), принятия и реализации большого числа иных федеральных законов (ФЗ от 1.05.2019 № 87-ФЗ; ФЗ от 26.07.2019 № 228-ФЗ; ФЗ от 30.10.2018 № 387-ФЗ и др.) и др.

Необходимость нового этапа реформ местного самоуправления связывается с решением ряда вопросов, включая такие проблемы, как обеспечение бюджетными деньгами полномочий местных властей, имеющих государственное значение, вопросы внутреннего инициативного характера и многих других; активного участия органов местного самоуправления в реализации мероприятий в рамках национальных проектов и др. Согласно принятым поправкам конституции РФ (ст. 132), органы местного самоуправления входят во вновь вводимую единую систему публичной власти в Российской Федерации, сущность и содержание которой пока остаются открытыми. Все это говорит о том, что признанная отсутствующей оптимальная модель взаимоотношений местного самоуправления и государственной власти как раз и планируется создаваться в ходе текущих реформ. По мнению экспертов [1, 2], в ходе ожидаемого огосударствления местного самоуправления должны быть установлены отсутствующие в законах¹ основные принципы и механизмы взаимодействия органов государственной власти и органов местного самоуправления, которые позволили бы четко сформулировать и увязать между собой компетенции (предметы ведения и полномочия) МСУ и источники их финансирования.

Отсутствие этого баланса признается многими, в том числе теми, кто формулирует проблему отсутствия местного самоуправления в современной российской практике с финансово-экономической и политической точек зрения, обосновывая это в том числе крайне низкой финансовой обеспеченностью полномочий органов местного самоуправления в объеме от 23 до 40% на уровне окру-

гов и районов и от 13 до 15% — на уровне сельских поселений².

Основные тенденции формирования единой публичной власти. Текущая модель взаимоотношений местного самоуправления и государственной власти имеет две основные тенденции. С другой стороны, формируется модель взаимоотношений государства с местным самоуправлением на основе кооперативного федерализма, что является, по мнению экспертов, объективной необходимостью, в условиях осознания невозможности тотального разграничения вопросов и предметов ведения в управлении конкретной территорией. Любое сложное решение или мероприятие в условиях федеративных отношений требует выработки механизма согласования позиций всех сторон по принципу: «Федеративное государство это не только разграничение компетенции и полномочий между общефедеральными органами и членами федерации, но и кооперация усилий и интеграции в ведении общегосударственных дел» [3, с. 16–23]. Речь в этом случае идет об особой системе власти, основанной на сотрудничестве координации деятельности и солидарной ответственности. При этом направления и формы сотрудничества могут быть крайне разнообразными: двусторонние или многосторонние отношения между федеральной властью и региональной, региональной и местной, между региональными или муниципальными субъектами и т. д. в форме договоров, административных соглашений, конференций, съездов, встреч, работы согласительных комиссий, рабочих групп, штабов и т. д.

Ярким примером таких сложных мероприятий является реализация национальных проектов, которая требует тесного взаимодействия граждан и местной власти с государственным управлением, что и подчуркнуто Президентом РФ: «Именно на местах „фокусируется“ абсолютное большинство национальных проектов, причем роль местного самоуправления в их реализации возрастет многократно...»³. При этом формы и механизмы участия ОМСУ в реализации национальных проектов предлагаются⁴ самые разнообразные: региональные

¹ Федеральный закон от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации».

² Нацпроекты приложили к муниципалитетам. Представители регионов и министерств сверили списки проблем при реализации нацпроектов на местах // Коммерсантъ от 05.11.2019. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4149166>

³ Заседание Государственного Совета по развитию местного самоуправления. URL: <http://kremlin.ru/events/councils/by-council/9/62701>.

⁴ Решение Совета по местному самоуправлению при Совете Федерации Федерального Собрания Российской Федерации на тему «Об участии органов местного самоуправления в реализации национальных проектов» от 05.11.2019. URL: <http://council.gov.ru/media/files/Arf0nAulExq8RE6dZr2olP0A9iAB333D.pdf>.

проекты и региональные программы, соглашения ОМСУ с органами государственной власти субъектов РФ, региональные и муниципальные центры компетенций, муниципальные проектные офисы, муниципальные программы и планы мероприятий, участие в выездных проверках реализации мероприятий совместно с ответственными региональными органами власти, использование института инициативного бюджетирования и др.

С другой стороны, в основе современной тенденции огосударствления МСУ, по мнению экспертов [4, с. 83–89], лежит укрепление вертикали власти, примером чему является существенное повышение роли субъектов Российской Федерации в организации местного самоуправления на своих территориях. Причинами перераспределения полномочий могут быть совершенно разные, включая недостаточное финансирование, отсутствие подготовленных кадров, большой объем работ и другие технические, организационные, политические мотивы, что вызывает часто негативную реакцию местных властей.

Наличие такой противоречивости местной и региональной власти развития кроется скорее в отсутствии первоначальных условий и требований по функционированию и развитию местного сообщества или просто всего населения той или иной территории страны, исходя из единых национальных стратегических норм и установок. Принятие последних сдерживается значительной социально-экономической, экономико-географической, политической и иной асимметричностью, которая распространяется и на российскую модель федерализма. Последняя многими идентифицируется как асимметричная. Так, муниципальным образованиям закреплено для реализации во Владимирской, Новгородской областях 13 государственных полномочий, в Тюменской области — 16, а в Красноярском крае — 21 полномочие [5, с. 117–124] и т. д.

Истоком такого положения являются законодательные условия такого разграничения, по которым конституционно определен исчерпывающий перечень предметов ведения Федерации и перечень совместных предметов ведения Федерации и субъектов Федерации. Все остальные предметы ведения по «остаточному принципу» закреплены в качестве собственных полномочий субъектов Федерации (ст. 73). По оценкам экспертов конституционные нормы определения полномочий вполне казуистичны, поскольку объединяют и смешивают как полномочия и предметы ведения, так и виды предметов ведения: рамочные и конкурирующие.

Таким образом, законодательный механизм распределение полномочий между уровнями власти формирует не менее 14 типов вариантов распределения полномочий [6, с. 19–27], что создает

широкие рамки и достаточно условные их границы как понимания, так и исполнения, что требует наряду с упрощением и унификацией взаимодействия уровней власти более тесного сотрудничества и согласования сторон. Обе тенденции в итоге направлены на построение модели единой исполнительной вертикали на основе кооперативного федерализма, которая, несмотря на значительную теоретическую непроработанность, может по большому счету интерпретироваться как совокупность двух основных тенденций в развитии власти: централизация и кооперация.

Централизация и кооперация власти: основные тенденции и проблемы. Несмотря на то, что централизация активно рассматривается как этап политических реформ и предвестник демократических преобразований в области децентрализации, в современной российской практике идущие реформы сохраняют тенденцию на усиление централизации. Задуманная еще с начала 2000-х гг. масштабная политическая реформа по централизации власти, по мнению экспертов, последовательно осуществляется, выходя на все более системный уровень, соответственно, захватывая при этом все сферы и направления системы управления. Так, в отношении централизации публичной власти следует отметить ряд современных основных направлений (политическая, административная, финансовая, контрольно-аналитическая) и их конкретных текущих вариантов проявлений:

Политическая централизация

1.1. Централизация компетенций (предметов ведения и полномочий) на федеральном уровне.

1.2. Централизация полномочий на региональном уровне за счет массовой передачи полномочий с местного уровня на региональный уровень и др.

Административная централизация

2.2. Формирование и массовая реализация механизма двойного подчинения при передаче полномочий нижестоящему уровню.

2.2. Создание единого реестра полномочий Федерации и ее субъектов¹ и др.

Финансовая централизация

3.1. Первоначальное перечисление налогов с территорий в федеральный бюджет, которые в общем консолидированном бюджете страны составляют 70%.

¹ Постановление Правительства Российской Федерации от 30 апреля 2020 г. № 615 «О реестре функций (полномочий) федеральных министерств, руководство деятельностью которых осуществляет Правительство Российской Федерации, федеральных служб и федеральных агентств, находящихся в ведении этих федеральных министерств, федеральных служб и федеральных агентств, руководство деятельностью которых осуществляет Правительство Российской Федерации».

3.2. Относительный и абсолютный рост межбюджетных трансфертов при высоком уровне финансовой несостоятельности субфедеральных бюджетов.

3.3. Внедрение единой для всех субъектов Федерации модели межбюджетных отношений.

3.2. Перевод с 2021 г. всех транзакций, совершаемых участниками бюджетного процесса, включая муниципальный уровень через федеральное казначейство (ФК) и др.

4. Контрольно-аналитическая централизация

4.1. Внедрение единой национальной системы контроля за госзакупками, включая уровень местного самоуправления.

4.2. Внедрение единой информационно-аналитической системы бюджетного (бухгалтерского) учета в бюджетной сфере и др.

Если в политическом отношении долгое время строилась «президентская вертикаль», которая не разрушала вертикаль региональной власти, то в настоящее время централизация коснулась всех аспектов и направлений реализации власти, оставляя, однако, по меньшей мере формальную задачу обеспечения ее скооперированности и согласованности действий. Вопросы объективности, важности и проблемности централизации власти достаточно широко рассмотрены специалистами, как и современные тенденции эволюционной цикличности или балансирования выгод ее централизации и децентрализации.

Однако акцент только на такой континуум власти не снимает вариант рассмотрения комплементарного сочетания централизации и кооперации или согласованности действий разных уровней управления. Сформировать такой альянс за счет роста скооперированности действий разных уровней управления на основе их централизации представляется весьма непросто, поскольку данная управленческая цель весьма многогранна и касается как организационных, так и мировоззренческих, идеологических, психологических и других моментов.

Для местного уровня возможности развития кооперационного взаимодействия в настоящее время весьма актуализировались. В современном моменте подобные элементы кооперационного взаимодействия точно формируются через определенные формы сотрудничества. Текущие законодательные инициативы немного расширили возможности развития кооперации на местном уровне, что требует дополнительного глубокого изучения подобных действий и их возможностей развития.

Социальное взаимодействие традиционно рассматривается с двух позиций. Первая, являющаяся наиболее распространенной в настоящее время, трактует это понятие как систематическое воздей-

ствие субъектов друг на друга для создания новых социальных связей и общности. В настоящее время взаимодействия такого уровня претерпевают существенные изменения или даже становление, особенно касаясь вторичного уровня социальных связей, к которому социологи относят все многообразие деловых, формальных отношений. Другая распространенная позиция трактует взаимодействие как взаимную поддержку, кооперацию; согласованные действия. Данный уровень понимания и использования термина практически минимизировался на текущий момент, что требует современного переосмысления этого феномена, при том что в современном мире кооперация является «... ведущим условием к принятию решений и действиям для обеспечения устойчивого будущего сложного мира» [7, с. 84–98].

Управленческая кооперация или согласованность действий сложных структурных элементов представляет собой новую, крайне важную, но малоизученную тему, хотя ценность и важность такого рассмотрения безусловна. Согласованная кооперационная деятельность дает мощные синергетические эффекты, когда работа целого существенно эффективнее, чем деятельность каждого члена или подструктуры, вступившей в кооперацию. Дж. Х. Дайер и Х. Сингх [8, с. 65–94] выделяют четыре потенциальных источника межорганизационных конкурентных преимуществ: 1) отношенческо-специфические активы; 2) рутины, обеспечивающие обмен знаниями; 3) комплементарные ресурсы и способности; 4) эффективные механизмы управления. Каждый из этих преимуществ или их сочетание позволяют получать отношенческую ренту. Использование этих преимуществ эффективно ведет к росту размеров взаимодействия от группового до сетевого уровня. Именно сетевой характер взаимодействий становится наиболее актуальным и распространенным, если не в отечественной практике, то в западной однозначно. Исследователи предпринимательских сетей, включая Дж. Липнек и Дж. Стэмпис [9], не только дают оценку условий их развития (единые цели, независимые члены, добровольная связанность, наличие нескольких лидеров, интегрированные уровни), но и прогнозируют последовательный рост и массовое их распространение.

Эксперты [10, с. 39–43] также отмечают, что кооперация обладает значительной созидательной силой, поскольку позволяет проводить одновременно работы на большом пространстве или же, наоборот, затрачивать значительную массу труда на небольшой территории (в условиях его простой кооперации труда). Кроме того, согласованные действия дают разнообразные дополнительные, внешние эффекты в виде развития социального ка-

питала, большей сплоченности и гармоничности общества. Именно такие цели становятся в настоящее время наиболее значимыми и актуальными задачами. Так, концептуальные и стратегические идеи и программы по формированию регионального Солидарного общества Белгородской области¹ активно подхватили другие регионы, включая Республику Коми, Якутию и др. Подробные идеи традиционно значимы и в европейских странах, где солидарность является одним из шести принципов Хартии Европейского союза по правам человека. На основе этого подхода во многих странах мира функционируют социально значимые предприятия и организации, включая социальные кооперативы, деятельность которых направлена на решение социальных проблем и которые имеют право на определенные законодательством преференции со стороны государства вплоть до прямых субсидий.

Несмотря на широкое признание важности кооперационных взаимодействий, их рассмотрение остается достаточно ограниченным и противоречивым, особенно в рамках сложных взаимодействий, к которым можно отнести межсекторные, межинституциональные, межотраслевые, межсистемные, межсредовые и другие отношения, причем почти каждый из подобных терминов не имеет еще общепринятого понимания. В итоге подобные термины используются чаще всего для нормативного конструирования процессов установления формальных партнерских отношений между разнообразными структурными, институциональными, секторальными, сетевыми и другими элементами. Последующее рассмотрение механизма партнерства переходит в область политического и технического регулирования и требует реализации широкого ряда условий ко всем субъектам взаимодействия [11].

Однако думается, прежде всего, необходимо теоретическое понимание механизма формирования сложных структурных взаимодействий, которые обладают собственным механизмом действий, типами и формами отношений, схемами их реализации и др. Более современным подходом рассмотрения подобных взаимодействий является системный подход на основе современных идей новой теории социально-экономических систем [12, 13]. Так, системная экономика [14] рассматривает социально-экономическое простран-

ство страны как совокупность взаимодействующих и трансформирующихся систем. При этом под социально-экономической системой понимается «...относительно обособленная и устойчивая часть или определенный аспект социально-экономического пространства страны, для которых характерны внешняя целостность и внутреннее многообразие» [12, с. 794–809]. Отталкиваясь от подходов и принципов системной экономики, выделяют ряд крупных систем, включая государство, социум, экономику, бизнес. Другим вариантом системных взаимодействий является рассмотрение межсекторальных отношений с выделением государственного, коммерческого и добровольно-общественного сектора [15, с. 103–106].

Системный подход рассмотрения кооперационных взаимодействий позволяет использовать законы и принципы функционирования систем, одним из которых является закон развития систем [16, с. 90–96]. Согласно последнему ограниченность ресурсов вызывает необходимость системе объединяться с другой системой, образуя новую, более сложную систему, при этом процессы объединения идут по спирали от моносистемы через бисистемы и полисистемы обратно к моносистеме. При этом сами системы и ее элементы могут быть следующего вида [17, с. 25–42]:

1. Однородные (одинаковые).
2. Однородные элементы со сдвинутыми характеристиками.
3. Альтернативные (конкурирующие).
4. Разнородные.
5. Антагонистические (элементов с противоположными свойствами).

В зависимости от типа элементов и формы их развития варианты взаимодействия могут иметь следующие характеристики (табл. 1).

Таблица 1

Виды кооперационных взаимодействий

Виды элементов систем	Форма развития	Пути взаимодействия
Однородные (одинаковые)	Рост системы	Объединение, слияние и т. п.
Альтернативные	Качественный рост системы за счет замены элементов на эффективные субституты	Поиск недостатков элементов системы и замена на преимущества другого элемента системы
Разнородные	Развитие по принципу дополнительности	Поиск комплементарности
Антагонистические	Развитие по принципу многомерного расширения	Поиск новых направлений, свойств, характеристик и т. д. для роста функциональности системы

¹ В Белгородской области реализуется стратегия «Формирование регионального солидарного общества» на 2011–2025 годы. Заключен «Договор о взаимной ответственности за реализацию стратегии «Формирование регионального солидарного общества на 2011–2025 годы» с основными институтами гражданского общества региона. Общественная палата региона издает журнал «Солидарное Белгородское общество».

Основной характеристикой системных взаимодействий является их синкретическое объединение по созданию новых: проект/событие, среды, процесса и объекта для получения и распределения отношенческой ренты. В зависимости от состава участников взаимодействия и условий его осуществления могут образовываться различные формы и виды взаимосвязей, которые разнообразно струк-

турируются, включая матричный подход в зависимости от уровней и видов взаимодействия. В области государственного управления данные пути взаимодействия имеют весьма разное преимущественное применение в отношении различных направлений кооперационных действий в рамках: политической, административной, финансовой и контрольно-аналитической кооперации (табл. 2).

Таблица 2

Направления и формы кооперационного взаимодействия

Виды элементов систем	Направления кооперации	Преимущественная форма кооперационного взаимодействия
Однородные (одинаковые)	Финансовая	Сотрудничество или объединение материальных и финансовых усилий
Разнородные	Административная	Поиск организационной комплементарности
Антагонистические	Политическая	Поиск новых направлений, свойств, характеристик, ценностей и т. д. для роста функциональности системы
Альтернативные	Контрольно-аналитическая	Поиск недостатков элементов системы и замена на преимущества другого элемента системы

Наиболее изученным направлением, но остающимся не менее проблемным, является финансовая кооперация, заложенная в основу современных межбюджетных отношений. Современные подходы формирования межбюджетных отношений строятся на основе основных принципов построения моделей бюджетного федерализма, включая три базовых принципа: разграничение бюджетной ответственности уровней власти, самостоятельность бюджетов различных уровней и равноправие всех бюджетов. Характер использования и взаимодействия этих принципов дает возможность формирования нескольких моделей межбюджетных отношений, использования которых имеет циклический характер от радикальной централизации к пока только планам и частным решениям по формированию частич-

ной субнациональной бюджетной автономии и обратно.

С административной позиции разнородные элементы тактического управления должны иметь тесное взаимодействие вертикального, горизонтального и смешанного характера по соответствующим уровням управления. В итоге с административной позиции кооперация создает потенциал получения отношенческой ренты, но последняя может быть создана только в случае совместимости реализации принятых решений, информационных и управляющих систем, а также культур взаимодействующих управляющих субъектов [18]. Матрица ряда современных процессов кооперативного взаимодействия элементов власти на административном уровне, которые имеют определенные контуры или намерения действий, представлена в таблице 3.

Таблица 3

Матрица процессов совершенствования кооперативного взаимодействия элементов власти на административном уровне

Уровни взаимодействия	Виды взаимодействия		
	Горизонтальное взаимодействие (межсекторальное и др.)	Вертикальное (воспроизводственное взаимодействие и др.)	Смешанное или сетевое взаимодействие
Микроуровень	Аутсорсинг, субконтрактинг и др.	Франчайзинг и др.	Кооперативное движение, народные предприятия и др.
Мезоуровень	Разнообразные формы владения и пользования совместной ресурсной базой (доверительное управление, аренда, концессия, траст)	Государственная и муниципальная система контрактирования	Смешанное частно-государственное предпринимательство и партнерство
Макроуровень	Система социального партнерства	Целевые государственные, региональные и муниципальные программы социального, экономического и научно-технического развития	Комплексные инфраструктурные проекты

Наибольшую сложность представляет обеспечение политической и аналитической кооперации, поскольку элементы системы имеют альтернативный или антагонистический характер, а их взаимодействие должно строиться в отношении всех уровней, форм и направлений кооперации, включая микро- (местный), мезо- (региональный) и макро- (федеральный) уровни с учетом трех видов направления взаимодействия: вертикальное, горизонтальное и смешанное. На политическом уровне вариантом развития координации как комплексного управленческого механизма может служить матрица процессов совершенствования взаимодействия элементов власти (табл. 4).

Контрольно-аналитическая кооперация в настоящее время точно формируется через сеть формальных или неформальных активно взаимодействующих с властью общественных союзов, экспертных сообществ, проектных центров и др. Так, с 2017 г. государственные органы власти призваны создавать федеральные или региональные проект-

ные офисы для реализации проектного управления. Такая деятельность позволяет:

- разрабатывать межотраслевые и междисциплинарные методические рекомендации;
- организовывать обучение в сфере проектной деятельности;
- внедрять единую для региона и муниципалитетов информационную систему управления проектами;
- предоставлять межбюджетные трансферты в форме субсидий для реализации инфраструктурных проектов на территории муниципалитетов и др.

Правда, гражданское участие в виде общественных советов при министерствах и ведомствах изначально ограничено консультативно-совещательными функциями, в то время как контрольно-аналитическая кооперация должна служить более широкой и обоснованной проверке результатов деятельности, а также оценке последствий принятых управленческих решений.

Таблица 4

Матрица процессов совершенствования кооперативного взаимодействия элементов власти на политическом уровне

Уровни взаимодействия	Виды взаимодействия \кооперации		
	Горизонтальное взаимодействие (межсекторальное и др.)	Вертикальное (воспроизводственное взаимодействие и др.)	Смешанное или сетевое взаимодействие
Макроуровень	Развитие политической кооперации через формирование гражданской, политической культуры участия человека и общества в государственном управлении	Развитие государственных и общественных информационных систем по открытой диагностике, мониторингу, анализу, планированию и контролю состояния социальных институтов	Формирование и развитие культуры сетевого взаимодействия через сетевые события, сетевые процессы и др.
Мезо- и микроуровни (местный уровень)	Развитие общественных центров, движений, партий и др.	Развитие институтов социального и гражданского представительства в процессе государственного управления и производства (политическое представительство, функциональное представительство, экспертное представительство и др.).	Развитие гражданских, общественных объединений и сообществ, сетевых ресурсов и сетевых объединений организаций и др.

Ряд регионов способствовали созданию и работе сети региональных и муниципальных проектных офисов, которые функционируют в рамках совместной кооперационной деятельности с аналогичными структурами, как в органах государственной власти, так и со смежными подразделениями администрации различного уровня. Примером чего является работа региональных и муниципальных проектных офисов в следующих регионах: Ханты-Мансийском автономном округе, Нижегородской, Воронежской, Белгородской, Московской, Тульской, Пензенской, Челябинской, Самарской областях, Краснодарском крае и др.

Определенные шаги в этом направлении только формируются, в том числе на местном уровне.

Так, текущее законодательство изменило требования к ежегодным докладом глав администраций о достигнутых значениях показателей для оценки эффективности деятельности органов регионального и местного самоуправления (постановление Правительства от 16.08.2018 № 953). Теперь руководство МСУ обязано включать в доклады итогов деятельности результаты независимой оценки качества условий оказания услуг муниципальными организациями. Это касается учреждений культуры, здравоохранения, образования, социального обслуживания и иных организаций муниципального образования, которые оказывают услуги в данных сферах за счет средств местных бюджетов.

В результате региональный уровень управления должен оценивать итоги деятельности МСУ как по результатам независимой оценки, так и по механизму организации этой оценки. При этом для проведения независимой оценки качества условий оказания услуг в муниципальных организациях органы местной власти муниципальных районов и городских округов должны обеспечить организацию и работу общественного совета по проведению независимой оценки качества условий оказания услуг организациями, обеспечив ее надлежащими юридическими полномочиями и методическими рекомендациями. В сам же совет должны входить представители общественных организаций, созданных в целях защиты прав и интересов граждан, общественных объединений инвалидов, социально ориентированных НКО, заинтересованные группы местных граждан или инициативные их представители.

Подобные инициативы по оценке качества государственных услуг формируются и по федеральным (региональным) министерствам и ведомствам, осуществляющим предоставление соответствующих культурных, образовательных, коммунальных и иных услуг. Процесс этот находится на начальном уровне, поскольку по большинству ведомств идет разработка модели и инструментария по расчету показателей независимой оценки качества. Проводятся первые открытые обсуждения этих вопросов, правда без широкого оповещения самих граждан и их активного участия. Между тем именно последовательное развитие политической и контрольно-аналитической кооперации является важнейшим звеном формирования кооперативного федерализма.

В целом кооперация по выявленным направлениям и формам реализации по большому счету носит лишь потенциальный или формальный характер и не обеспечена такими же конкретными

мерами и правовыми нормами реализации, как это проявляется в отношении централизации. В любом случае для реализации двух основных тенденций развития власти — централизации и кооперации в рамках формирования кооперативного федерализма — необходимо параллельное продвижение соответствующих мер. Данные меры должны полноценно и сбалансированно реализовываться в политическом, финансовом, административном и контрольно-аналитическом аспектах для формирования модели единой исполнительной вертикали, включая местный уровень на основе кооперативного федерализма.

Заключение. Таким образом, формируемая тенденция построения кооперативного федерализма как опорная модель взаимоотношений государства с местным самоуправлением требует наряду с продолжающейся централизацией власти развития скооперированности всех ветвей и уровней управления. Управленческая кооперация или согласованность действий сложных структурных элементов представляет собой малоизученную, но весьма актуальную и важную тему. Системный подход рассмотрения кооперационных взаимодействий позволяет выделить ряд типов подсистем, которые в свою очередь формируют определенную направленность их кооперационного взаимодействия. Анализ финансовой, административной, политической и контрольно-аналитической кооперации в управлении показывает как большие перспективы по их внедрению, так и текущую ограниченность и проблемность реализации подобных мер. В любом случае необходимо параллельное развитие централизации и кооперации в политическом, финансовом, административном и контрольном аспектах для формирования модели единой исполнительной вертикали на основе кооперативного федерализма, в том числе в аспекте развития местного самоуправления.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Коваленко К. И. Основные модели, принципы и формы взаимодействия государственной власти и местного самоуправления в Российской Федерации // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2020. № 1. С. 51–60.
2. Мухлынина М. М. Система публичной власти и вопросы местного самоуправления в свете поправки 2020 года к Конституции Российской Федерации // Государственная служба и кадры. 2020. № 2. С. 30–39.
3. Литвинов В. А. Дуалистический и кооперативный федерализм // Регионология. 2011. № 3. С. 16–23.
4. Зубарев С. М. К вопросу об огосударствлении местного самоуправления // Lex Russica. 2018. № 12 (145). С. 83–89.
5. Кузнецов С. П. Правовые аспекты передачи отдельных государственных полномочий органам местного самоуправления // Вопросы государственного и муниципального управления. 2011 № 3. С. 117–124.
6. Куракин А. В., Попова Н. Ф. Принципы разграничения предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и ее субъектами // Административное и муниципальное право. 2018. № 11. С. 19–27.

7. Майнцер К. Вызовы сложности в XXI веке // Вопросы философии. 2010. № 10. С. 84–98.
8. Дайер Дж. Х., Сингх Х. Отношенческий подход: кооперативная стратегия и источник межорганизационных конкурентных преимуществ / пер. с англ. Е. А. Архипова, М. А. Сторчевой // Российский журнал менеджмента. 2009. Т. 3. № 7. С. 65–94.
9. Lipnack J., Stamps J. Virtual teams // *Reaching Across Space, Time, and Organizations with Technology*. 2011. New York, 2011.
10. Кашбразиев Р. В. Уровни кооперационного взаимодействия в глобализирующейся экономике // Вестник экономики, права и социологии. 2012. № 2. С. 39–43.
11. Социальная политика бизнеса в российских регионах: сб. научных трудов / отв. ред. Н. Лапина. Центр науч.-информ. исслед. глобал. и регион. пробл. Отд. глобал. пробл. М., 212 с.
12. Клейнер Г. Б. Новая теория экономических систем и ее приложения // Вестник РАН. 2011. № 9. С. 794–809.
13. Клейнер Г. Б. Системная парадигма и экономическая политика // *Общественные науки и современность*. 2007. № 2. С. 141–149.
14. Parsons T. *Social systems and the evolutions of actions theory*. New York, 1977.
15. Ясницкая Я. С., Роднянский Д. В. Межсекторное взаимодействие и его роль в развитии регионов России // Вестник экономики, права и социологии. 2013. № 2. С. 103–106.
16. Альтшуллер Г. С. Найти идею. Введение в теорию решения изобретательских задач. Новосибирск, 1986. С. 90–96.
17. Липов В. В. Институциональная комплементарность как фактор формирования социально-экономических систем // *Journal of institutional studies (Журнал институциональных исследований)*. 2012. Т. 4, № 1. С. 25–42.
18. Попова О. В. Формирование кооперационного взаимодействия субъектов малого предпринимательства: автореф. ... к. э. н. Омск, 2012. URL: <http://diss.seluk.ru/av-ekonomika/710426-1-formirovanie-kooperacionnogo-vzaimodeystviya-subektov-malogo-predprinimatelstva.php> (дата обращения: 05.06.2021).

REFERENCES

1. Kovalenko K. I. Basic models, principles and forms of interaction between state power and local self-government in the Russian Federation // *Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2020. No. 1. Pp. 51–60.
2. Muhlynina M. M. The System of public authorities and local self-government in the light of the 2020 amendment to the Constitution of the Russian Federation // *The State service and personnel*. 2020. № 2. Pp. 30–39.
3. Litvinov V. A. Dualistic and cooperative federalism // *Regionology*. 2011. No. 3. Pp. 16–23.
4. Zubarev S. M. On the question of the nationalization of local self-government // *Lex Russica*. 2018. № 12 (145). Pp. 83–89.
5. Kuznecov S. P. Legal aspects of the transfer of certain state powers to local self-government bodies // *Questions of state and municipal management*. 2011. No. 3. Pp. 117–124.
6. Kurakin A. V., Popova N. F. Principles of differentiation of subjects of competence and powers between state authorities of the Russian Federation and its subjects // *Administrative and Municipal Law*. 2018. No. 11. Pp. 19–27.
7. Mainzer K. Challenges of complexity in the XXI century // *Questions of philosophy*. 2010. No. 10. Pp. 84–98.
8. Dajer Dzh. H., Singh, H. A relational approach: a cooperative strategy and a source of interorganizational competitive advantages / translated from English by E. A. Arkhipova, M. A. Storcheva // *Russian Journal of Management*. 2009. Vol. 3. No. 7. Pp. 65–94.
9. Lipnack J., Stamps J. Virtual teams // *Reaching Across Space, Time, and Organizations with Technology*. New York, 2011.
10. Kashbraziev R. V. Levels of cooperative interaction in the globalizing economy // *Bulletin of Economics, Law and Sociology*. 2012. No. 2. Pp. 79–96.
11. Social policy of business in Russian regions: collection of scientific papers / Ed. N. Lapin. The center of scientific-inform. research. global. and the region. probl. Otd. global. probl. M., 2005. 212 p.
12. Klejner G. B. The new theory of economic systems and its applications // *Bulletin of the Russian Academy of Sciences*. 2011. No. 9. Pp. 794–809.

-
13. Klejner G. B. System paradigm and economic policy // *Social Sciences and modernity*. 2007. No. 2. Pp. 141–149.
  14. Parsons T. *Social systems and the evolutions of actions theory*. New York, 1977.
  15. Yasnickaya Ya. S., Rodnyanskij D. V. Intersectoral interaction and its role in the development of the regions of Russia // *Bulletin of Economics, Law and Sociology*. 2013. №2. Pp. 103–106.
  16. Al'tshuller G. S. *Find an idea. Introduction to the theory of inventive problem solving*. Novosibirsk, 1986. Pp. 90–96.
  17. Lipov V. V. Institutional complementarity as a factor in the formation of socio-economic systems // *Journal of Institutional*. 2012. Vol. 4, No. 1. Pp. 25–42.
  18. Popova O. V. Formation of the cooperative interaction of subjects of small entrepreneurship: abstract. Omsk, 2012. URL: <http://diss.seluk.ru/av-ekonomika/710426-1-formirovanie-kooperacionnogo-vzaimodeystviya-subektov-malogo-predprinimatelstva.php> (date of access: 05.06.2021).

Поступила в редакцию: 20.05.2021.

Принята к печати: 23.06.2021.

СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ — СУЩНОСТНАЯ ОСНОВА ИНСТИТУТОВ ЗАНЯТОСТИ¹

В. И. Беляев, О. В. Кузнецова

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

Категория занятости рассмотрена с точки зрения теории, объясняющей суть занятости, и с точки зрения практики управления занятостью, ориентированной на создание принципиальных основ регулирования процессами, происходящими на рынках труда. С теоретических позиций занятость представлена в форме элемента понятийной системы, включающей в свой состав собственно занятость, безработицу, рынок труда, находящихся между собой в противоречивых диалектических взаимодействиях, отражающихся в социально-трудовых отношениях. С точки зрения практики «занятость», «безработица» и «рынок труда» рассмотрены как система объектов управленческих воздействий, связанных между собой таким образом, что воздействие на один из них вызывает изменения в содержании и других объектов системы. Такие взаимосвязи обусловлены складывающимися в пределах территориальных образований социально-трудовыми отношениями. В статье предлагается создавать в структуре территориальных органов управления институты занятости, методологической основой которых должны стать социально-трудовые отношения.

Ключевые слова: занятость, безработица, рынок труда, социально-трудовые отношения, институты занятости.

SOCIAL AND LABOR RELATIONS — THE ESSENTIAL BASIS OF EMPLOYMENT INSTITUTIONS

V. I. Belyaev, O. V. Kuznecova

Altai State University (Barnaul, Russia)

The category of employment is considered from the point of view of the theory that explains the essence of employment, and from the point of view of the practice of employment management, focused on creating the fundamental foundations for regulating the processes occurring in the labor markets. From a theoretical standpoint, employment is presented in the form of an element of a conceptual system that includes employment itself, unemployment, the labor market, which are in contradictory dialectical interactions among themselves, reflected in social and labor relations. From the point of view of practice, “employment”, “unemployment” and “labor market” are considered as a system of objects of managerial influences, interconnected in such a way that the impact on one of them causes changes in the content of other objects of the system. Such relationships are due to the emerging within the territorial entities social and labor relations. The article proposes to create employment institutions in the structure of territorial government, the methodological basis of which should be social and labor relations.

Keywords: employment, unemployment, labor market, social and labor relations, employment institutions.

---

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ. Научный проект № 19-010-00491. «Исследование взаимного влияния уровня оплаты труда и воспроизводства рабочей силы в условиях макроэкономических и институциональных изменений в российской экономике в 1992–2018 гг.».

Введение. Определяющую роль в развитии общества играют отношения, складывающиеся в процессах решения объективно обусловленных задач управления социально-экономическими процессами. В сфере труда — это социально-трудовые отношения. Они являются сущностной основой трудового поведения работников на рабочих местах; определяют они и поведение лиц в трудоспособном возрасте на рынках труда. Таким образом, социально-трудовые отношения оказывают влияние на такую социально-экономическую категорию, как занятость, а также и связанные с нею категории безработицы и рынка труда. Следовательно, регулирование занятостью следует осуществлять с учетом содержания, структуры и динамики социально-трудовых отношений, складывающихся на рынках труда. А наличие тесных связей занятости, безработицы и рынка труда предполагает, что эффективное регулирование занятостью возможно только в условиях представления этих трех категорий в форме цельного институционального образования.

Занятость населения: содержание категории в определениях. В российском законе занятость представлена как общественно полезная «деятельность граждан, связанная с удовлетворением личных и общественных потребностей, не противоречащая законодательству Российской Федерации и приносящая, как правило, им заработок, трудовой доход...» (ст. 1) [1]. В учебной и научной литературе можно встретить другие определения занятости. В учебнике под редакцией В. С. Буланова и Н. А. Волгина занятость представлена в форме совокупности «отношений по поводу участия населения в трудовой деятельности», которые выражают «меру включения населения в труд, степень удовлетворения общественных потребностей в рабочих местах и личных потребностей, в оплачиваемых рабочих местах, в получении дохода» [2, с. 71]. Р. П. Колосова определила занятость как один «из важнейших макроэкономических показателей эффективности или неэффективности развития общества, а также важнейшим элементом в системе социально-трудовых отношений» [3, с. 13]. Ю. Г. Одегов, утверждая, что «все известные экономические теории в той или иной степени касаются вопросов труда и занятости», под занятостью предлагает понимать «степень участия трудоспособного населения в деятельности, связанной с удовлетворением общественных и личных потребностей..., приносящих трудовой доход» [4, с. 81]. По мнению Г. Э. Слезингера, занятость представляет собой «... форму реализации... способностей людей» [5, с. 51].

Ни одно из процитированных выше определений не противоречит определению, представлен-

ному в Законе «О занятости населения РФ». Однако характеристики категории «занятость», отраженные в определениях, можно использовать в описании взаимосвязей категории «занятость» с другими категориями, взаимодействие с которыми только и может обеспечить положительную динамику показателей эффективности развития экономики. На практике это становится достижимым посредством создания институциональных образований, в основе которых лежат социально-трудовые отношения.

Занятость, безработица, рынок труда. Связь категории «занятость населения» с категориями «безработица» и «рынок труда Ю. Г. Одегов увидел в том, что и занятость, и безработица «в совокупности... описывают социально-экономические итоги таких фаз воспроизводства совокупной рабочей силы общества, как распределение и обмен» [4, с. 81]. Эти категории, если их оценивать с позиций диалектики, имеют неразрывную, взаимообусловленную и противоречивую связь. Неразрывность заключается в том, что одна категория дополняет другую; между этими двумя категориями имеется и объективно обусловленное противоречие. Его разрешение, как следует из первого закона диалектики, и обеспечивает развитие. Только при разрешении этого противоречия значения важнейших «макроэкономических показателей эффективности или неэффективности развития общества» [3] могут иметь положительную динамику.

Под безработными в Законе о занятости предлагается понимать трудоспособных граждан, «которые не имеют работы и заработка, зарегистрированы в органах службы занятости в целях поиска подходящей работы, ищут работу и готовы приступить к ней» (ст. 3) [1]. Поскольку безработные «ищут работу», в официальном определении безработицы неявно отмечена ее связь с категорией занятости. Явно эту связь выразил Г. Э. Слезингер. Рассматривая безработицу через призму соотношения спроса и предложения рабочей силы на рынке труда, он отметил, что «... занятость и безработица — взаимообусловленные социально-экономические категории» [5, с. 53]. Это означает, что одну без другой невозможно ни объяснить в теории, ни использовать в практике управления социально-трудовыми процессами в регионах и в стране в целом. Эти две категории пересекаются в третьей, имя которой — рынок труда, где совершается найм работников.

Рынок труда — сложная категория, с множеством структурных составляющих, с большим числом характеристик и параметров. Однозначного определения рынка труда нет. Часто его представляют как динамичную систему, «в которой взаимодействуют, с одной стороны, работодатели

(собственники средств производства, предприниматели), а с другой стороны — работополучатели (наемные работники)» [4, с. 8]. Его представляют и как «динамическую систему, включающую в себя комплекс социально-трудовых отношений по поводу условий найма, использования и обмена рабочей силы на жизненные средства, ... механизм его самореализации, механизм спроса и предложения, функционирующий на основе информации, поступающей в виде изменений цены труда...» [2, с. 34].

Таким образом, категории «занятость», «безработица», «рынок труда» с точки зрения науки составляют цельную триаду содержательно связанных и концептуально оформленных теоретических положений, описывающих содержание трудового поведения потенциальных работников на рынках труда. Сущностной основой трудового поведения работников как на предприятиях, так и на рынках труда являются социально-трудовые отношения [6, с. 127–139]. Их содержание и структура определяют содержание процессов и процедур в разрешении противоречивых начал занятости и безработицы.

С точки зрения практики «занятость», «безработица» и «рынок труда» представляют собой объекты управленческих воздействий, которые связаны между собой таким образом, что воздействие на один из них неизбежно оказывает влияние и на другой: они, по сути, представляют собой цельную динамичную систему. Чтобы управление этой системой было эффективным, необходимо институциональное оформление их в единое целое, в институт занятости, сущностной базой которого являются социально-трудовые отношения; почти каждый из цитированных выше авторов, по отношению к тому или иному понятию, социально-трудовые отношения без внимания не оставил.

Занятость населения и социально-трудовые отношения. В определении занятости В. С. Буланова и Н. А. Волгина обращается внимание на то, что занятость, «связанная с удовлетворением личных и общественных потребностей» [1], представляет собой совокупность «отношений по поводу участия населения в трудовой деятельности» [2]. Р. П. Колосова также увязала понятие «занятость» с социально-трудовыми отношениями [3]. Таким образом, термин «отношения», которые в сфере занятости не могут быть никакими иными, кроме как социально-трудовыми, действительно является ключевым. Они связаны «с удовлетворением общественных и личных потребностей..., приносящих трудовой доход» [4], направлены на реализацию «способностей людей» [5], являются одним из важнейших макроэкономических показателей эффективности или неэффективности развития общества [3].

В общем и целом социально-трудовые отношения представляют собой «объективно существующие взаимозависимость и взаимодействие субъектов этих отношений в процессе труда, нацеленные на регулирование качества трудовой жизни» [7, с. 48]. Р. П. Колосова предложила систему структурных оставляющих социально-трудовых отношений, их характеристик, которую предлагается дополнить. В ее состав могут быть включены следующие элементы:

- субъекты социально-трудовых отношений;
- уровни социально-трудовых отношений;
- источники формирования социально-трудовых отношений;
- классы и типы социально-трудовых отношений;
- институты социально-трудовых отношений на предприятиях и на рынках труда.

Субъекты социально-трудовых отношений.

В качестве субъектов социально-трудовых отношений выступают индивидуумы, группы индивидуумов. Субъектами могут быть и организации, и более крупные образования, например, субъекты РФ, как, впрочем, и собственно Российское государство, его учреждения, осуществляющие регламентные и контрольные функции в социально-трудовой сфере (в частности, профсоюзы). Субъектами социально-трудовых отношений могут быть и международные организации; например, Международная организация труда и другие, включая и Организацию объединенных наций, и все мировое сообщество в целом.

Уровни социально-трудовых отношений.

Социально-трудовые отношения могут рассматриваться на уровне организаций, на уровне регионов и страны в целом. Безусловно, они могут рассматриваться и на международном уровне. Но на каком бы из этих уровней они ни рассматривались, в основе всегда будут лежать отношения индивидуумов друг к другу и к менеджменту, отношения групп сотрудничающих работников, и отношения менеджмента к индивидуумам и к группам.

Источники социально-трудовых отношений.

Что касается источников формирования социально-трудовых отношений, то таковыми являются организационные структуры и организационные (и/или национальные) культуры. Организационные структуры формируют официальные регламенты, которые определяют трудовое поведение субъектов социально-трудовых отношений. Так, одним из трудовых регламентов, разработанных на государственном уровне, является Трудовой кодекс Российской Федерации, во 2 главе которого определены стороны трудовых отношений, их содержание [8]. На государственном уровне разрабатываются и другие регламенты, направленные на упорядо-

чение организации труда в РФ, включая и вопросы трудовой занятости. На региональном уровне разрабатываются стратегии развития сферы труда и занятости населения к определенному сроку, в которых на основе анализа состояния сферы труда и занятости представляются мероприятия, направленные на увеличение числа рабочих мест, улучшение условий труда, повышение качества трудовой жизни, сокращение безработицы. Все эти направления стратегического развития регионов непосредственно касаются занятости местного населения. На предприятиях и в организациях также разрабатываются соответствующие стратегические документы по развитию социально-трудовой сферы, формирующие отношения работников к труду в данной организации.

Классификация социально-трудовых отношений. Единой классификации социально-трудовых отношений нет. Так, Р. П. Колосова в среде

социально-трудовых отношений по признаку принятия решений выделяет следующие их типы: солидарность, патернализм, субсидиарность, партнерство, конфликт, дискриминация [7, с. 53–56]. Б. М. Генкин добавил к ним внутреннюю конкуренцию между работниками на предприятии, предложив при этом сгруппировать эти семь типов в две группы — конструктивные и деструктивные [9, с. 357].

Использование матричной модели классификации по двум пересекающимся признакам «противодействие персонала официальным трудовым регламентам (сильное-слабое)» и «форма противодействия персонала официальным трудовым регламентам (явная-неявная)», которую ранее применили авторы этих строк [10, с. 157] и которую многократно апробировали, позволило выделить еще три новых типа социально-трудовых отношений, входящих в группу деструктивных (см. рис. 1).

		Противодействие (сопротивление) персонала официальным трудовым регламентам	
		Сильное	Слабое
Форма противодействия (сопротивления) персонала официальным трудовым регламентам	Явная	Трудовая конфронтация (забастовка, саботаж, открытый протест, вызванные условиями труда, уровнем зарплат, т.п.)	Трудовой конфликт (открытое предъявление претензий администрации предприятия по поводу условий труда, зарплат, т.п.)
	Неявная	Трудовой оппортунизм (извлечение существенной выгоды индивидуумом, группой посредством умышленного нанесения ущерба предприятию)	Трудовое фрирайдерство (скрытое извлечение незначительной выгоды посредством умышленного совершения мелких нарушений трудовой дисциплины)

Рис. 1. Матричная классификация деструктивных типов социально-трудовых отношений

Доказательством истинности добавленных трех новых типов деструктивных социально-трудовых отношений служит результат применения этого же метода по отношению к конструктивным типам по признакам «взаимодействие и кооперация (сильное-слабое)» и «форма взаимодействия (явная-неявная)». Результаты применения показали наличие тех же типов социально-трудовых отношений, которые были выделены Р. П. Колосовой по признаку «способ принятия решений» [7, с. 156] (см. рис. 2).

Соответствие конструктивных типов социально-трудовых отношений, установленных посредством матричной классификации таким же

их типам, выделенным по критерию принятия решения, свидетельствует о том, что установленные посредством матричной классификации новые типы деструктивных социально-трудовых отношений (рис. 1) являются истинными. А то, что и в матричной классификации появился тип отношений «трудовой конфликт», как и в классификации Р. П. Колосовой, и тем более подтверждает правомерность применения этого метода классификации и истинность полученных результатов. Следовательно, трудовая конфронтация, трудовой оппортунизм, трудовое фрирайдерство (трудовой эгоизм) — это реальные типы социально-трудовых отношений, которые складываются и на пред-

приятнях, формируя трудовое поведение работников, и на региональных рынках труда, формируя

поведение индивидуумов, занятых поиском работы.

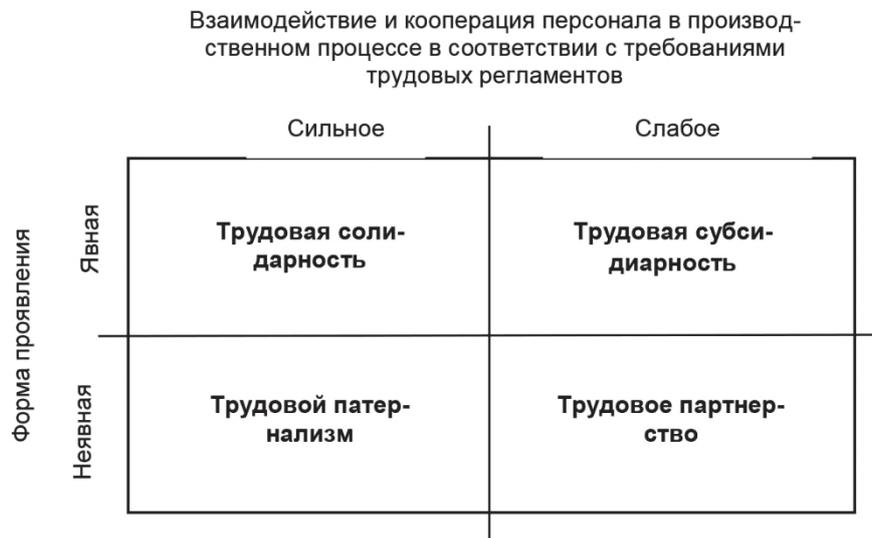

Рис. 2. Матричная классификация конструктивных типов социально-трудовых отношений

Таким образом, можно говорить о десяти типах социально-трудовых отношений, которые определяют трудовое поведение работников и на рабочих местах предприятий, и на рынках труда. Согласно концепции Б. М. Генкина, они формируются в два больших класса: деструктивные и конструктивные. Некоторые из них четко относятся к какому-либо одному из этих классов. Например, трудовая конфронтация, трудовое фрирайдерство, трудовой оппортунизм однозначно относятся к деструктивным типам социально-трудовых отношений. Солидарность же, в зависимости от целей объединения работников, может быть как деструктивным, так и конструктивным типом. Выявленные типы, как, впрочем, еще и не выявленные, вступают во взаимодействия и проявляют себя в формах трудового поведения работников на предприятиях и на рынках труда. Осуществляется это не всегда в соответствии с трудовыми регламентами и реализуется в структурах институциональных образований, возникающих на объективной основе в социально-трудовой сфере.

Социальные институты. В. Л. Тамбовцев предложил понимать институт как «... совокупность правил, имеющих внешний механизм принуждения индивидов к исполнению» [13, с. 32].

Если социальные институты оценивать по методам формирования правил и механизмов, то теоретически их можно подразделить на две группы: формальные и неформальные [13, с. 41–44]. Источниками институциональных правил и механизмов, так же как и социально-трудовых отношений, являются организационные структуры,

которые создают формальные правила, механизмы и культуры [11, с. 26], обуславливающие создание неформальных правил и механизмов. На практике в структурах социальных институтов присутствуют как формальные, так и неформальные правила и механизмы. Неформальная составляющая институциональных правил и механизмов связана с культурными нормами и ценностями; ее нельзя не учитывать при формировании институтов социально-трудовой сферы.

Социально-трудовые отношения в институциональных структурах социально-трудовой сферы. Таким образом, все институциональные образования, основанные на социально-трудовых отношениях, всегда имеют как официальные правила и механизмы, так и неофициальные. Деструктивные типы социально-трудовых отношений формируют в основном неофициальные правила и механизмы. Если контроль над соблюдением официальных регламентов при исполнении трудовых операций осуществляют официальные управленческие структуры, то над соблюдением неофициальных правил следят лидеры групп или несколько представителей таких групп, в среде которых приняты эти правила. А если индивидуум согласен с установленными группой правилами трудового поведения, то он сам себя будет контролировать лучше любого внешнего наблюдателя.

Социально-трудовые отношения, типы и формы их проявления на рынках труда: мнения, гипотезы, направления исследований с целью развития институтов социально-трудовой сферы. Все указанные выше типы социально-тру-

довых отношений по месту и формам их проявления в социально-трудовой сфере можно подразделить на три группы:

- 1) типы социально-трудовых отношений, проявляющие себя в сфере производства;
- 2) типы социально-трудовых отношений, проявляющие себя и на производстве, и на рынке труда, но, естественно, в иных формах;
- 3) типы социально-трудовых отношений, проявляющие себя на рынке труда и в общественной жизни.

К первой группе можно отнести отношения патернализма, солидарности, трудового фрирайдерства. Трудно себе представить, как эти типы могут проявлять себя при найме на работу на рынках труда. Скорее всего — никак; хотя, допустим, отношения патернализма, в форме содействия приему на работу хорошо знакомых руководству компании людей, при найме работников имеют место быть. Но являются ли такого рода проявления патернализмом в его классическом виде? Скорее всего, нет. Это то, что в зарубежных концепциях менеджмента называют властью социальных связей [14, с. 68–69].

Ко второй группе можно отнести отношения трудового оппортунизма, трудового конфликта, конкуренции, партнерства, и это, пожалуй, все.

К третьей группе из упомянутых выше можно отнести отношения трудовой конфронтации. Хотя как тип социально-трудовых отношений трудовая конфронтация касается не только рынка труда; в значительной степени она затрагивает и собственно общественные отношения. Иногда трудовую конфронтацию рассматривают как трудовой конфликт в более глобальном масштабе (в форме протестов).

Таким образом, на рынках труда из деструктивных типов социально-трудовых отношений присутствуют следующие: трудовой оппортунизм; отношения конфронтации. И здесь не могут не возникнуть вопросы, а именно: это же исключительно деструктивные типы социально-трудовых отношений. А так быть не должно, ибо это противостоит естественно. Следовательно, с большой долей уверенности можно предположить, что список типов социально-трудовых отношений, которые определяют на рынках труда поведение наемных работников, ищущих работу, и поведение работодателей, ищущих работников, может быть дополнен. Дополнение этого списка представляет собой весьма важную проблему современной науки о труде. Гипотезой таких исследований следует назвать предположение о наличии неочевидных новых типов социально-трудовых отношений, проявление которых выражается в поведении работодателей и наемных работников на рынках труда, влияю-

щее на занятость и безработицу. Данная гипотеза сформулирована с опорой на отдельные факты, события, которые еще не систематизированы, а также на отдельные мнения и суждения ученых и менеджеров-практиков. На ее основе можно наметить некоторые направления исследований, касающиеся проблем занятости и безработицы; а именно:

- выявление форм проявления трудового оппортунизма на рынках труда;
- отношения прекариата, проявляющиеся на рынках труда;
- социальная ответственность и социальное партнерство — соотношение понятий и формы взаимодействия на рынках труда.

Формы проявления трудового оппортунизма на рынках труда. Исследование проблем выявления новых типов социально-трудовых отношений или описания форм проявления их на рынках труда можно начинать с любой отправной точки. Легче это сделать с выявления и описания форм проявления трудового оппортунизма, поскольку некоторый научный задел уже есть. Его осуществил Е. А. Попов. Он описал одно из проявлений трудового оппортунизма при найме работников на рынках труда. Его суть сводится к следующему. Оппортунизм со стороны работника при его найме может проявляться в «завышении реальных способностей, навыков, умений и знаний работников при приеме на работу» [15, с. 254]. В свою очередь, со стороны менеджмента предприятия трудовой оппортунизм по отношению к нанимаемому работнику может выражаться посредством введения его в заблуждение по поводу условий труда, режима труда и отдыха, оплаты труда. Все это не может способствовать формированию конструктивных отношений на рынках труда.

Отношения прекариата на рынках труда. Могут быть и другие аспекты социально-трудовых отношений, складывающихся на рынках труда и требующих исследований. Так, некоторые факты, связанные с наймом работников, организацией труда, позволяют предположить, что в социально-трудовой сфере формируется новый особый тип социально-трудовых отношений, которого до недавнего времени не было. Речь идет о формировании нового социального слоя, который называют прекариатом. Это люди в трудоспособном возрасте, не имеющие постоянной работы и трудового статуса [16]. Источником существования людей, входящих в этот слой, является неформальная занятость [17, с. 310–315].

В общем и целом, потенциал этого источника, хотя он и отличается неоднородностью по структуре, довольно велик. Согласно данным российской статистики, в секторе неформальной занятости в 2009 г. было занято 13,4 млн чел., в 2016 г. —

15,4 млн чел., в 2017 г. — 14,3 млн чел., что составляет 19,8% от общей численности занятых в 2017 г. [18]. Почти 20% от всего числа занятого населения в РФ трудится в неформальном секторе.

Наличие такого мощного слоя занятых в неформальном секторе, из которых не все довольны содержанием своего труда, уровнем заработной платы, не может не порождать негативного отношения к сложившемуся положению вещей в их трудовой деятельности. В итоге, в среде неформально занятых зарождается и крепнет такой деструктивный тип социально-трудовых отношений, который приводит к трудовой конфронтации. В данном случае трудовую конфронтацию, выражающуюся в протестных движениях [19, с. 56–68], следует воспринимать как форму проявления определенного типа социально-трудовых отношений, представляющих собой скрытую неочевидную сущность, обуславливающую протестное поведение людей. Этот тип социально-трудовых отношений можно назвать отношениями прекариата. А сам процесс социальной трансформации общества, обусловливаемый неформальной занятостью, — прекариатизацией общества.

Однозначного суждения о порождении неформальной занятостью прекариатизации общества нет. Это дискуссионный вопрос. Есть ученые, которые в неформальной занятости, как, впрочем, и в прекариате, видят положительные стороны. Они полагают, что неформальная занятость лучше, чем незанятость; лучше быть прекарием, занятым временно, чем безработным. Но при этом сторонники прекариатизации не упоминают о присущей ей социальной незащищенности неформально занятых работников. Быть занятым на какой-либо работе, когда никакой другой нет, безусловно, благо. Но все-таки иметь хорошо оплачиваемую работу и уверенность в сохранении этого *status quo* в перспективе значительно лучше. У прекариев такой уверенности нет. И это другая сторона медали, которую никак нельзя игнорировать, ибо отношения прекариата, обеспечивая ненадежную занятость, несут в себе мощный потенциал социальных потрясений. Недаром Г. Стэндинг, занимающийся исследованием проблем прекариата, назвал этот социальный слой «новым опасным классом» [16].

Таким образом, отношения прекариата представляют собой сложное диалектическое единство: с одной стороны, это благо, ибо обеспечивает хоть какую-то занятость населения, с другой стороны — скрытое социальное зло, ибо способно вызывать социальные потрясения. Однако далеко не все видят в прекариатизации потенциал социальных протестов. Почему? Очевидно, потому, что и сами прекарии себя таковыми еще не осознали; примерно так же, как и в XIX в. пролетарии не осознавали

себя классом, пока им не объяснили, что «пролетариям нечего терять, кроме своих цепей»; приобрести же «они могут весь мир» [20, с. 70]. Последствия, порождаемые неформальной занятостью, могут быть весьма серьезными и не исследовать этот аспект социально-трудовых отношений никак нельзя.

Социальная ответственность и социальное партнерство; их отражение в институциональных структурах социально-трудовой сферы. Еще одним из направлений исследований в социально-трудовой сфере следует назвать поиск возможностей для генерирования конструктивных типов социально-трудовых отношений и вживления их в динамичную социальную структуру комплекса взаимодействующих в ней отношений. В решении проблем этого направления, так же как и в случае с трудовым оппортунизмом, можно опереться на уже имеющиеся знания и опыт использования такой формы взаимодействий субъектов рынка труда, как социальное партнерство.

В типологии Р. П. Колосовой социальное партнерство рассматривается в контексте проблем, решаемых на рынках труда. Изначально она рассматривает социальное партнерство как тип социально-трудовых отношений, который сформировался в странах с развитыми рыночными отношениями в процессе перехода от отношений типа «конфликтное соперничество» к типу «конфликтное сотрудничество» [7, с. 54]. Далее, социальное партнерство рассматривается не только как один из типов социально-трудовых отношений, но и как механизм их упорядочения в направлении «ослабления монополии государственных органов власти на управление экономикой» [7, с. 247], имевшей место быть в практике управления российскими предприятиями в плановой экономике.

Следует заметить, что в научной и учебной литературе, отдельно от социального партнерства рассматривается понятие «социальная ответственность бизнеса». Эти два понятия содержательно связаны между собой, хотя об этом и не упоминают. Но связь между ними есть; их нужно рассматривать вместе, как две стороны одной медали. И рассматривать ее нужно не только в свете ответственности бизнеса перед работниками, а в следующих трех ипостасях:

- государства перед бизнесом (работодателями) и работниками;
- работодателей перед работниками и государством;
- работников перед работодателями и государством.

В таком представлении социальная ответственность и есть самостоятельный тип со-

циально-трудовых отношений. А социальное партнерство является формой его проявления, как механизм реализации социальной ответственности, использование которого может приводить в согласованное взаимодействие все типы социально-трудовых отношений на рынках труда. Отношением здесь является именно ответственность, как осознание субъектами рынка труда содержания правил своего поведения в общении друг с другом и в своих действиях с целью достижения намеченных целей при соблюдении законодательных и этических норм, правил, культурных традиций на рынках труда. Таким образом, социальное партнерство, в общем и целом, надо рассматривать как механизм согласования деструктивных и конструктивных начал в социально-трудовой среде рыночной экономики на правилах и с использованием механизмов принуждения к соблюдению этих правил.

За рубежом социальное партнерство, как механизм упорядочения социально-трудовых отношений, возник в форме реакции, направленной на ослабление объективно обусловленных противоречий между работодателями и работниками (между трудом и капиталом, по терминологии К. Маркса). Так, среди нескольких определений капитала у К. Маркса есть и такое: «Капитал — это мертвый труд, который как вампир, оживает лишь тогда, когда всасывает живой труд и живет тем полнее, чем больше живого труда он поглощает» [21, с. 268]. Если это определение конкретизировать, то получается, что работодатель заинтересован в том, чтобы нанятый им работник работал как можно больше, а получал как можно меньше; работник же заинтересован «получить как можно больше за свой труд, работая, по возможности, меньше» [21, с. 273]. По этому поводу К. Маркс весьма точно заметил: «Капитал беспощаден по отношению к здоровью и жизни рабочего повсюду, где общество не принуждает его к другому отношению» (цитируется по [21, с. 273]). Ключевыми здесь следует обозначить слова «отношение» и «принуждение». Действительно, вряд ли можно много найти капиталистов в прошлом, за исключением разве что Р. Оуэна, и предпринимателей в настоящем, которые бы на своих предприятиях без принуждения создавали отвечающие требованиям официальных регламентов, а тем более превосходящие эти требования, как это делал Р. Оуэн, условия труда и конструктивные социально-трудовые отношения. Таким образом, социальное партнерство в зарубежных странах с развитой рыночной экономикой, чтобы предотвратить социальные протесты, направлено на «принуждение» работодателей к созданию на своих предприятиях приемлемых условий труда.

К настоящему времени в РФ сформировались условия, похожие на западные, при которых социальное партнерство надо направлять не столько на преодоление монополии государства в регламентации условий труда, как это было в плановой экономике, сколько на «принуждение» (термин из цитаты К. Маркса) работодателей предоставлять наемным работникам приемлемые условия труда и социальные гарантии по сохранению рабочих мест и достойного заработка.

Социальная ответственность, как тип социально-трудовых отношений, безусловно, входит в группу конструктивных типов. С тем чтобы рынок труда функционировал продуктивно, важно, чтобы этот тип социально-трудовых отношений противостоял деструктивным типам, приводящим к увеличению оппортунистических проявлений при найме на работу и к прекариатизации общества. Добиться этого можно только посредством институционализации процедур взаимодействия субъектов рынка труда на основе содержания и структуры социально-трудовых отношений, а также и с учетом ее (структуры) динамики.

Заключение. Институционализация отношений, процедур, процессов упорядочивает деятельность официальных и неофициальных структур, посредством разрешения объективных внутренних противоречий, обеспечивая, в полном соответствии с законами диалектики, развитие. Об этом, применительно к отношениям оппортунизма, очень точно высказался Е. А. Попов: «Оппортунизм в системе экономических отношений представляет собой преднамеренное действие экономического агента, направленное на достижение личных интересов [или интересов групп] и нарушающее условия соглашения, что требует использования соответствующих институтов для предотвращения ущерба от таких действий» [15, с. 246]. Здесь он рассматривает оппортунизм как форму проявления оппортунистических отношений, и других мер, кроме как создания и использования определенных институтов для упорядочения деятельности (функционирования), он не видит. Р. В. Рывкина, анализируя вопросы труда и занятости в период рыночных реформ (1990-е гг.), справедливо заметила, что на тот период времени «... сфера труда и занятости оказалась в институциональном вакууме: в ней не было никаких работающих регуляторов» [22, с. 162]. Безусловно, с тех пор многое сделано в решении задач регулирования занятостью, но «институциональный вакуум» в социально-трудовой сфере и до сих пор полностью не преодолен. Поэтому исследование проблем институциональной трансформаций социально-трудовых отношений в решении задач занятости и безработицы является чрезвычайно важной научной задачей.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Закон о занятости населения в Российской Федерации от 19.04.1991 г. № 1032–1 в ред. от 31.07.2020. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_60/
2. Рынок труда / под ред. В. С. Буланова, Н. А. Волгина. М., 2000. 448 с.
3. Занятость, рынок труда и социально-трудовые отношения / под ред. Р. П. Колосовой, Г. Г. Меликьяна. М., 2004. 458 с.
4. Одегов Ю. Г., Руденко Г. Г., Лунева Н. К. Рынок труда (практическая макроэкономика труда). М., 2007. 900 с.
5. Слезингер Г. Э. Труд в условиях рыночной экономики. М., 1996. 336 с.
6. Беляев В. И., Кузнецова О. В., Пяткова О. Н. Социально-трудовые отношения: сущностная основа трудового поведения работников при внедрении изменений // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 48. С. 127–139.
7. Экономика труда и социально-трудовые отношения / под ред. Г. Г. Меликьяна, Р. П. Колосовой. М., 1996. 623 с.
8. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 г. № 197-ФЗ (ред. от 28.06.2021). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/
9. Генкин Б. М. Экономика и социология труда. М., 2006. 448 с.
10. Оппортунизм в структуре социально-трудовых отношений / под ред. В. И. Беляева, А. Н. Мельникова, Р. А. Самсонова. Барнаул, 2015. 236 с.
11. Беляев В. И., Кузнецова О. В. Занятость, безработица, рынок труда в институциональной структуре социально-трудовых отношений // Экономика Профессия Бизнес. 2021. № 1. С. 21–29.
12. Беляев В. И. Институционализация социально-трудовых отношений в контексте взаимодействия производительных сил и производственных отношений: ориентация на расширенное воспроизводство рабочей силы, развитие и рост // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2021. № 53. С. 37–57.
13. Институциональная экономика: Новая институциональная экономическая теория / под общ. ред. А. А. Аузана. М., 2016. 448 с.
14. Эффективный менеджер. Кн. 7. Руководство и власть / под ред. Т. В. Лютовой. Жуковский, 1996. 120 с.
15. Попов Е. А. Трансакции. Екатеринбург, 2011. 679 с.
16. Стэндинг Г. Прекариат: новый опасный класс. М., 2014. 167 с.
17. Беляев В. И., Кузнецова О. В. Неформальная занятость как источник формирования прекариата в России: методология исследования и оценка потенциала // Вестник Томского государственного университета. Экономика. № 52. 2020. С. 308–324.
18. Рабочая сила, занятость и безработица в России / Федеральная служба государственной статистики. URL: https://gks.ru/bgd/regl/b18_61/Main.htm.
19. Мишин А. К., Нагайцев В. В. Социальное партнерство. Барнаул, 2001. 128 с.
20. Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии. М., 1986. 72 с.
21. Маркс К. Капитал: критика политической экономии. Т. I. М., 2017. 1200 с.
22. Рывкина Р. В. Социология российских реформ: социальные последствия экономических перемен. М., 2004. 440 с.

REFERENCES

1. The law of employment of the population in the Russian Federation of 19.04.1991, No. 1032–1 as amended on 31.07.2020. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_60/
2. Labor market / ed. V. S. Bulanova, N. A. Volgin. M., 2000. 448 p.
3. Employment, labor market and social and labor relations / ed. R. P. Kolosova, G. G. Melikyan. M., 2004. 458 p.
4. Odegov Yu. G., Rudenko G. G., Luneva N. K. Labor market (practical labor macroeconomics). M., 2007. 900 p.
5. Slezinger G. E. Labor in a market economy. M., 1996. 336 p.

6. Belyaev V. I., Kuznetsova O. V., Pyatkova O. N. Social and labor relations: the essential basis of workers' labor behavior during the implementation of changes // *Bulletin of the Tomsk State University*. 2019. No. 48. Pp. 127–139.
7. *Economics of labor and social and labor relations* / ed. G. G. Melikyan, R. P. Kolosov. M., 1996. 623 p.
8. Labor Code of the Russian Federation of 30.12.2001 No. 197 as amended on 28.06.2021. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/
9. Genkin B. M. *Economics and Sociology of Labor*. M., 2006. 448 p.
10. Opportunism in the structure of social and labor relations / ed. V. I. Belyaev, A. N. Melnikov, R. A. Samsonov. Barnaul, 2015. 236 p.
11. Belyaev V. I., Kuznetsova O. V. Employment, unemployment, labor market in the institutional structure of social and labor relations // *Economics Profession Business*. 2021. No. 1. Pp. 21–29.
12. Belyaev V. I. Institutionalization of social and labor relations in the context of the interaction of productive forces and industrial relations: focus on expanded reproduction of labor, development and growth // *Bulletin of the Tomsk State University. Economy*. 2021. No. 53. Pp. 37–57.
13. *Institutional economics: New institutional economic theory* / under the general. ed. A. A. Auzan. M., 2016. 448 p.
14. *An effective manager. Book 7. Leadership and Power* / ed. T. V. Lyutov. Zhukovsky, 1996. 120 p.
15. Popov E. A. *Transactions*. Yekaterinburg, 2011. 679 p.
16. Standing G. *Precaria: A New Dangerous Class*. M., 2014. 167 p.
17. Belyaev V. I., Kuznetsova O. V. Informal employment as a source of formation of the precariat in Russia: research methodology and potential assessment // *Bulletin of the Tomsk State University. Economy*. No. 52. 2020. Pp. 308–324.
18. Labor force, employment and unemployment in Russia / Federal State Statistics Service. URL: https://gks.ru/bgd/regl/b18_61/Main.htm.
19. Mishin A. K., Nagaytsev V. V. *Social partnership*. Barnaul, 2001. 128 p.
20. Marx K., Engels F. *Communist Manifesto*. M., 1986. 72 p.
21. Marx K. *Capital: Critique of Political Economy. Volume I*. M., 2017. 100 p.
22. Ryvkina R. V. *Sociology of Russian reforms: social consequences of economic changes*. M., 2004. 440 p.

Поступила в редакцию: 24.06.2021.

Принята к печати: 21.07.2021.

ЭКСПОРТНЫЕ ПОЗИЦИИ РОССИИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: РЕАЛИИ И ПРОБЛЕМЫ

М. М. Бутакова, О. Н. Соколова

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

Статья посвящена исследованию и оценке состояния, выявлению проблем и перспектив присутствия России на рынках стран Центральной Азии. Актуальность проблематики связана с целями сохранения экспортных позиций Российской Федерации на данном рынке и с целями увеличения объема несырьевого неэнергетического экспорта.

Авторами исследованы динамика и структура мирового и российского экспорта в страны Центральной Азии, выделены доминирующие товарные группы российского экспорта для каждой страны-импортера. В результате исследования территориального аспекта и связанной с ним специфики торгово-экономических отношений сделан вывод о необходимости более глубокого исследования экспортных возможностей и перспектив регионов России, граничащих со странами-импортерами российской продукции в Центральной Азии.

В статье обозначены проблемы усиления конкуренции на рынках Центральной Азии и негативного влияния на перспективы российского экспорта падения доходов населения и сокращения емкости рынка вследствие пандемии, необходимости принятия комплекса мер по сохранению конкурентоспособных позиций России на данном рынке.

В результате проведенных исследований проблем развития российского экспорта на рынке авторы пришли к выводу о взаимной выгодности и перспективности развития экспорта продукции России в страны Центральной Азии, необходимости поиска путей повышения его эффективности, усиления государственной поддержки несырьевого неэнергетического экспорта.

Ключевые слова: экспорт, структура экспорта, страны Центральной Азии, конкурентоспособность продукции, мировая экономика, мировая торговля.

EXPORT POSITIONS OF RUSSIA IN CENTRAL ASIA: REALITIES AND PROBLEMS

M. M. Butakova, O. N. Sokolova

Altai State University (Barnaul, Russia)

The article is devoted to researching and assessing the state of affairs, identifying problems and prospects for Russia's presence in the markets of Central Asian countries. The relevance of the problem is connected with the goals of maintaining the export positions of the Russian Federation in this market and with the goals of increasing the volume of non-resource non-energy exports.

The authors investigated the dynamics and structure of world and Russian exports to the countries of Central Asia, highlighted the dominant commodity groups of Russian exports for each importing country. As a result of the study of the territorial aspect and the related specifics of trade and economic relations, it was concluded that a deeper study of export opportunities and prospects of Russian regions bordering on countries-importers of Russian products in Central Asia was made.

The article outlines the problems of increasing competition in the markets of Central Asia and the negative impact on the prospects of Russian exports of falling incomes of the population and reducing market capacity due to the pandemic, the need to take a set of measures to maintain Russia's competitive position in this market.

As a result the studies of the problems of the development of Russian exports the authors came to the conclusion that it is mutually beneficial and promising, to increase the supply Russian products to the countries of Central Asia the need to find ways to increase its efficiency, and strengthen state support for non-resource non-energy exports.

Keywords: export, export structure, Central Asian countries, product competitiveness, world economy, world trade.

Актуальность проблематики связана с целями сохранения экспортных позиций Российской Федерации на рынке стран Центральной Азии и с целями увеличения объема несырьевого неэнергетического экспорта, поставленными в Указе Президента Российской Федерации от 07.05.2018 № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» [1]. В данном контексте представляется необходимым исследовать и оценить современное состояние, выявить проблемы и обозначить перспективы присутствия России на рынках стран Центральной Азии.

Общие закономерности циклического развития мировой торговли, представленные А. А. Гнидченко [2], являют собой основу для конкретизации их проявления на различных географических рынках, в том числе рынках стран Центральной Азии. В современной научной литературе достаточно большое внимание уделяется количественным показателям, в ретроспективе отображающим развитие экономики и внешнеэкономической деятельности стран Центральной Азии. Так, А. Д. Агеева, П. С. Чикунова [3] представляют результаты системного анализа экономики государств Центральной Азии. Различные аспекты, характеризующие конкуренцию на данном рынке и экспортную позицию России, отражены в работах А. П. Поливача [4], Т. С. Таракановой, С. Н. Погодина [5], Я. И. Чижмодий, П. В. Токаря [6]. Вопросам влияния экспортной деятельности на обеспечение продовольственной безопасности посвящены труды Е. В. Цветнова, Р. А. Ромашкина, А. Ю. Белугина, О. В. Черкасовой, М. В. Авдеева [7]; С. Н. Бочарова, М. М. Бутаковой, В. И. Беляева [8]; М. М. Бутаковой, О. Н. Соколовой, О. А. Горянинской [9].

Несмотря на сохраняющийся интерес многих ученых к исследованиям рынков Центральной Азии, развитие самих рынков ставит новые вопросы, связанные с турбулентностью, изменением интересов и предпочтений участников торговых отношений, что определяет необходимость актуализации взглядов на перспективы роста объема поставок российской продукции на рынки Центральной Азии и возможности повышения ее конкурентоспособности.

Целью данной статьи является получение новых знаний об экспортных позициях России на рынках стран Центральной Азии, научное осмысление необходимости формирования условий, способствующих повышению эффективности и конкурентоспособности российского экспорта.

Исследование предполагает использование системного подхода, в рамках которого авторы осуществляют логический переход от анализа динамики объемов экспорта российской продукции на рынки стран Центральной Азии к выявлению закономерностей и проблем, являющихся первопричиной данных процессов. Авторами статьи также используются методы экономико-статистического анализа, исходной информацией для применения которых служат официальные статистические данные за 2016–2020 гг.

Страны Центральной Азии являются активными участниками мировой торговли, в большей степени выступая как покупатели и в этом качестве представляют интерес для развития экспортной деятельности России.

Обратимся к анализу объема и динамики импорта стран Центральной Азии в 2016–2020 гг. (табл. 1).

Таблица 1

Анализ объема и динамики импорта стран Центральной Азии, тыс. долл. США

Страна-импортер	2016			2020			Темпы роста	
	Всего	Россия	доля	Всего	Россия	доля	Всего	Россия
Казахстан	25174833	9139775	36	38081411	13300217	35	151	146
Узбекистан	12035209	2563885	21	19955151	4425626	22	166	173
Кыргызстан	3919082	914520	23	3684109	1316005	36	94	144
Таджикистан	3031463	985864	33	3139016	932593	30	104	95
Туркменистан	5605746	570575	10	3027338	649475	21	54	114
Всего	49766333	14174619	100	67887025	20623916	100	136	145

Источник: рассчитано авторами по данным сайта Торговой статистики для развития международного бизнеса. URL: <https://www.trademap.org/Country>

За 5 лет (2016–2020 гг.) темпы роста импорта стран Центральной Азии составили 36%, наибольшие — Узбекистан (66%) и Казахстан (51%). Отметим при этом более высокие темпы роста объе-

мов импорта из России (в целом 45%), в том числе Узбекистан — 73%, Казахстан — 46%. Лидирует по объему импорта из России Казахстан — более 13 млрд долл., на втором месте Узбекистан — более

4 млрд долл. (табл. 1). Российская Федерация занимает 1 место среди импортеров из Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана и 2 место — из Туркменистана (1 — Турция) и Узбекистана (1 — Китай).

Несмотря на то, что доля рынка стран Центральной Азии в российском экспорте небольшая (4–5%), эти страны являются одним из важнейших рынков для неэнергетического и несырьевого экспорта Российской Федерации. Так, по абсолютным показателям Казахстан занимает вторую позицию после Китая в качестве потребителя рос-

сийской продукции данных товарных групп. Это обстоятельство имеет особое значение для достижения цели, поставленной Указом Президента Российской Федерации от 07.05.2018 № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» — увеличить объем экспорта несырьевых и неэнергетических товаров [1]. В таблице 2 представлены результаты анализа продуктовой структуры российского экспорта в страны Центральной Азии.

Таблица 2

Доминирующие товарные группы в структуре российского экспорта в страны Центральной Азии, 2020 г.

Страна	Рейтинг (представлен по доле от объема экспорта России в страну)		
	1	2	3
Казахстан	Машины, оборудование и транспортные средства (25,44%)	Продукция химической промышленности (15,25%)	Продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье (14,67%)
Узбекистан	Металлы и изделия из них (24,19%)	Машины, оборудование и транспортные средства (19,71%)	Продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье (14,65%)
Кыргызстан	Минеральные продукты (31,36%)	Продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье (19,69%)	Продукция химической промышленности (14,12%)
Таджикистан	Продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье (27,40%)	Минеральные продукты (22,14%)	Металлы и изделия из них (11,69%)
Туркменистан	Металлы и изделия из них (38,65%)	Продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье (21,14%)	Продукция химической промышленности (19,15%)

Источник: рассчитано авторами по данным сайта Экспорт и импорт России по товарам и странам. URL: <https://ru-stat.com>.

Авторы, проанализировав продуктовую структуру российского экспорта в страны Центральной Азии, выделили в нем по три доминирующие товарные группы для каждой страны-импортера. Следует отметить, что продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье присутствуют в составе доминирующих групп во всех странах Центральной Азии. Данное направление сотрудничества приобретает особую актуальность как инструмент достижения цели устойчивого развития (ЦУР 2) ООН, связанной с обеспечением продовольственной безопасности и улучшением питания населения стран Центральной Азии. Сегодня среди мер по устранению рисков Продовольственная и сельскохозяйственная организация ООН выделяет развитие глобальной торговли продовольствием [10]. Исследовав динамику и структуру экспорта в страны Центральной Азии, отметим опережающие темпы роста и увеличение доли экспорта продукции агропромышленного комплекса в общем экспорте, что говорит о его перспективности. Снижение до-

ходов населения стран Центральной Азии в послекризисный период повышает значимость конкурентоспособности по цене на рынке продовольствия.

Особенностью Центральной Азии, определяющей специфику торгово-экономических отношений, является отсутствие выхода к морю и удаленность от морских портов других стран. Так, Узбекистан — одна из двух стран мира, которые, не имея выхода к морю, граничат со странами, также не имеющими выхода к морю. С большей части территории региона дальность перевозок экспортируемых товаров составляет 1–2000 км. Географический фактор влечет высокие риски и логистические издержки. Для повышения эффективности российского экспорта очень важным является именно территориальный аспект торговли со странами Центральной Азии. Территориальная близость этих стран к субъектам Российской Федерации юга Западной Сибири и Урала создает потенциальные возможности снижения логистических издержек для территорий, имеющих об-

щую проблему — отсутствие выхода к водным артериям и использования наиболее экономичных видов перевозок. Так, Казахстан занимает только 8 место среди стран-экспортеров российской продукции с долей около 4%. Но территориальная близость Алтайского края с Казахстаном определяет доминирующую роль этой страны среди его партнеров по внешнеэкономической деятельности, на Казахстан приходится более 40% экспорта и более 20% импорта. Из Алтайского края в Казахстан в основном экспортируются такие продукты агропромышленного комплекса, как злаки, сыр и творог, продукты из муки и круп. В то же время Алтайский край импортирует из Казахстана овощи, фрукты и орехи, сыр и творог. Среди партнеров по внешнеэкономической деятельности Омской области Казахстан занимает 2 место по экспорту (более 20%) и 1 место — по импорту (около 30%). В Казахстан из Омской области поставляются в основном машины, оборудование и аппаратура, продовольствие, из Казахстана импортируются в основном машины, оборудование и аппаратура, нефть и нефтепродукты [11].

Рынок стран Центральной Азии является привлекательным быстрорастущим сегментом мирового рынка. В процессе исследования выделены основные экспортеры — конкуренты России в Центральной Азии. Например, заметное место по стоимостному объему экспорта в страны Центральной

Азии занимают Турция, Республика Корея, Китай. Анализ показал, что за 2016–2020 гг. импорт в Казахстан из Республики Корея увеличился в 10 раз, из Китая — в 2 раза, из Турции — на 30%; в Узбекистан из Казахстана — в 2 раза, из Турции — на 80%, из Китая — на 40%; в Кыргызстан из Китая — в 2 раза [11]. Несмотря на лидирующие позиции России в этом регионе в настоящее время, при прогнозировании перспектив и принятии управленческих решений в сфере экспорта следует учитывать сложившуюся тенденцию.

Негативное влияние на перспективы российского экспорта в страны Центральной Азии оказывают падение доходов населения и сокращение емкости рынка вследствие пандемии. В 2020 г. объемы импорта снизились во всех странах Центральной Азии по сравнению с предыдущим 2019 г. Вместе с тем данная ситуация может открыть новые возможности для конкурентоспособного по цене российского экспорта.

Признавая значимость рынка стран Центральной Азии для перспектив развития российского экспорта, считаем необходимым принятие комплекса мер по сохранению конкурентоспособных позиций России на данном рынке. В их состав наряду с мерами государственной поддержки должны войти меры по информационно-аналитической поддержке и продвижению продукции российских производителей.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2018 № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/43027/> (дата обращения: 30.06.2021).
2. Гнидченко А. А. Многополярное замедление и оживление мировой торговли // Экономический журнал ВШЭ. 2018. Т. 22. № 4. С. 583–608.
3. Агеева А. Д., Чикунова П. С. Экономика государств Центральной Азии // Вопросы устойчивого развития общества. 2020. № 3–1. С. 169–175.
4. Поливач А. П. Торговля стран Центральной Азии с Россией и Китаем // Россия и новые государства Евразии. 2019. № 4 (45). С. 136–147.
5. Тараканова Т. С., Погодин С. Н. Развитие партнерских отношений России со странами Центральной Азии // Международные отношения и диалог культур. 2018. № 6. С. 92–106.
6. Чижмодий Я. И., Токарь П. В. Экономические отношения ЕС со странами Центральной Азии // Вестник Евразийского национального университета имени Л. Н. Гумилева. Серия Политические науки. Регионоведение. Востоковедение. Тюркология. 2021. № 1 (134). С. 54–66.
7. Цветнов Е. В., Ромашкин Р. А., Белугин А. Ю., Черкасова О. В., Авдеев М. В. Роль России в обеспечении продовольственной безопасности стран Центральной Азии // АПК: Экономика, управление. 2019. № 7. С. 84–94.
8. Бочаров С. Н., Бутакова М. М., Беляев В. И. и др. Экспорт продукции АПК Алтайского края: перспективы, проблемы, целевые рынки: монография. Барнаул, 2020. С. 244.
9. Бутакова М. М., Соколова О. Н., Горянинская О. А. Качество продовольствия как фактор обеспечения конкурентоспособности продукции АПК на национальном и мировом рынках // Экономика Профессия Бизнес. 2021. № 2. С. 5–12.

10. Наше общее будущее: доклад Всемирной комиссии по вопросам окружающей среды и развития Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций, 1987. URL: <https://www.un.org/ru/ga/pdf/brundtland.pdf/> (дата обращения: 30.06.2021).

11. Экспорт и импорт России по товарам и странам. URL: <https://ru-stat.com/>. (дата обращения: 30.06.2021).

REFERENCES

1. Decree of the President of the Russian Federation dated 07.05.2018 No. 204 «On national goals and strategic objectives of the development of the Russian Federation for the period up to 2024». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/43027/> (date of access: 30.06.2021).

2. Gnidchenko A. A. Multipolar Slowdown and Revival of World Trade // HSE Economic Journal. 2018. Vol. 22. No. 4. Pp. 583–608.

3. Ageeva A. D., Chikunova P. S. Economy of the Central Asian States // Issues of sustainable development of society. 2020. No. 3–1. Pp. 169–175.

4. Polivach A. P. Trade of Central Asian countries with Russia and China // Russia and the new states of Eurasia. 2019. No. 4 (45). Pp. 136–147.

5. Tarakanova T. S., Pogodin S. N. Development of partnership relations between Russia and the countries of Central Asia // International relations and dialogue of cultures. 2018. No. 6. Pp. 92–106.

6. Chizhmodiy Ya. I., Turner P. V. Economic relations of the EU with the countries of Central Asia // Bulletin of the L. N. Eurasian National University. Gumilyov. Series Political Science. Regional studies. Oriental studies. Turkology. 2021. No. 1 (134). Pp. 54–66.

7. Tsvetnov E. V., Romashkin R. A., Belugin A. Yu., Cherkasova O. V., Avdeev M. V. The role of Russia in ensuring food security of the countries of Central Asia // APK: Economics, management. 2019. No. 7. Pp. 84–94.

8. Bocharov S. N., Butakova M. M., Belyaev V. I. and other Export of products of the agro-industrial complex of the Altai Territory: prospects, problems, target markets: monograph. Barnaul, 2020. P. 244.

9. Butakova M. M., Sokolova O. N., Goryaninskaya O. A. Food quality as a factor in ensuring the competitiveness of agricultural products on the national and world markets // Economy Profession Business. 2021. No. 2. Pp. 5–12.

10. Our Common Future: Report of the World Commission on Environment and Development to the United Nations General Assembly, 1987. URL: <https://www.un.org/ru/ga/pdf/brundtland.pdf/> (date of access: 30.06.2021).

11. Export and import of Russia by goods and countries. URL: <https://ru-stat.com/>. (date of access: 30.06.2021).

Поступила в редакцию: 05.07.2021.

Принята к печати: 27.07.2021.

УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ РЕГИОНА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ (НА ПРИМЕРЕ АЛТАЙСКОГО КРАЯ)

Е. Г. Вдовкина, О. В. Исаева, С. В. Шаповалова

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

Устойчивое развитие региона зависит от множества факторов, которые влияют на экономическую ситуацию, инвестиционную привлекательность и перспективы развития социальной сферы. Добиться положительных сдвигов в этом направлении невозможно без широкого использования цифровой инфраструктуры, являющейся мощным драйвером к динамичному росту экономики. Информационно-коммуникационные технологии позволяют значительно ускорить деловые процессы, предполагающие межведомственные взаимодействия в рамках государственных информационных систем. Создание новых информационных сервисов позволяет населению решать многие проблемы дистанционно, без личного обращения в соответствующие организации. 2020 г. показал необходимость и возможность внедрения в кратчайшие сроки элементов цифровизации в различных сферах жизни, которые не были первоочередными и важными ранее. Результативность и качество таких решений оказались настолько высокими, что позволило решать поставленные задачи с предельной эффективностью в кратчайшие сроки и значительно сократить использование человеческого ресурса. Развитие цифровых технологий создает комфортную среду для работы крупного, среднего и малого бизнеса, а также для решения насущных задач населения региона.

Ключевые слова: устойчивое развитие, цифровизация экономики, цифровая экономика, информационные технологии, экономика региона.

SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF THE REGION IN THE CONDITIONS OF DIGITALIZATION OF THE ECONOMY (ON THE EXAMPLE OF THE ALTAI TERRITORY)

E. G. Vdovkina, O. V. Isaeva, S. V. Shapovalova

Altai State University (Barnaul, Russia)

The sustainable development of the region depends on many factors that affect the economic situation, investment attractiveness and prospects for the development of the social sphere. It is impossible to achieve positive changes in this direction without the widespread use of digital infrastructure, which is a powerful driver for the dynamic growth of the economy. Information and communication technologies can significantly speed up business processes involving interdepartmental interaction within the framework of state information systems. The creation of new information services allows the population to solve many problems remotely, without personal contact with the relevant organizations. The year 2020 has shown the need and the possibility of introducing elements of digitalization in various spheres of life in the shortest possible time, which did not seem to be a priority and important before. The effectiveness and quality of such solutions turned out to be so high that it allowed us to solve the tasks with the highest efficiency, in the shortest possible time and with a significant reduction in the use of human resources. The development of digital technologies creates a comfortable environment for large, medium and small businesses, as well as for solving urgent problems of the region's population.

Keywords: sustainable development, digitalization of the economy, digital economy, information technologies, region's economy.

Социально-экономическое развитие современного общества невозможно без использования информационно-коммуникационных технологий. Их применение позволило создать новые инструменты и существенно более качественные условия для деятельности органов государственной власти, предприятий промышленности, сельского хозяйства и торговли, финансовых организаций, медицинских и образовательных учреждений и т. д.

Целью исследования является изучение влияния цифровизации на устойчивое развитие экономики и социальной сферы региона.

В исследовании использованы методы анализа, синтеза, сравнения, систематизации и др.

Методологической основой стали приемы анализа и синтеза, группировки и классификации данных, обобщения, статистические приемы и методы.

Уровень развития информационно-коммуникационных технологий оказывает существенное влияние на конкурентоспособность национальной экономики. По данным Всемирного экономического форума, имеется тесная связь между индексами конкурентоспособности экономики стран и развития в них информационно-коммуникационных технологий.

Данный индекс ежегодно рассчитывается Международным союзом электросвязи, начиная с 2009 г. [1]. Индекс представляет собой общепризнанный комплексный и универсальный показатель, который характеризует уровень достижений страны в сфере развития информационно-коммуникационных технологий.

В состав индекса входят 11 показателей, определяющих проникновение фиксированной и подвижной радиотелефонной (сотовой) связи и Интернета, доступ к компьютерам и Интернету домохозяйств и населения, уровень компьютерной грамотности взрослого населения и молодежи.

Индекс позволяет выявить те показатели, значения которых имеют существенные отклонения с целью сокращения «цифрового неравенства» с развитыми странами. У методологии формирования индекса имеются недостатки, связанные с отсутствием возможности учета таких аспектов, как величина территории и плотность населения страны. Это особенно актуально для России, так как ее демографические и географические особенности требуют более значительных затрат на создание и эксплуатацию коммуникаций, влияющих на формирование цены и обеспечения качества и устойчивости связи. Требуются значительные финансовые вложения в развитие информационных коммуникаций территориально удаленных регионов страны.

Для мирового рынка информационно-коммуникационных технологий характерна высокая

скорость изменений, которая требует от российской отрасли работы на перспективу. Необходим глубокий анализ текущих и перспективных задач в области информационно-коммуникационных технологий, без выполнения которых невозможно производство качественных продуктов на высокотехнологичных рынках с высоким уровнем конкуренции.

Тенденции и основные параметры развития отрасли информационно-коммуникационных технологий до 2017 г. в России определялись государственной программой Российской Федерации «Информационное общество (2011–2020 годы)» [2]. Позже были разработаны «Стратегия развития отрасли информационных технологий в Российской Федерации на 2014–2020 годы и на перспективу до 2025» [3] и «Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» [4].

В ходе реализации госпрограммы «Информационное общество» Федеральной службой государственной статистики проводился регулярный мониторинг показателей, характеризующих развитие уровня информатизации в России, как в разрезе субъектов, так и в сравнении со странами-членами ЕС.

Анализируя представленные данные, можно отметить устойчивую положительную динамику следующих показателей: проникновение услуг сотовой связи по сравнению с 2013 г. со 193,3 до 211,0 ед. на 100 человек населения в 2019 г., по числу абонентов широкополосного и мобильного доступа в Интернет — с 16,5% и 59,8% до 22,2% и 96,4% соответственно в 2019 г. Отмечается рост с 64% в 2013 г. до 83% в 2019 г. количества пользователей сети Интернет. Снижение наблюдается только по показателю телефонной фиксированной связи с 28,9% в 2013 г. до 19,1% в 2019 г.

Стоит отметить, что динамика соответствует общемировым тенденциям, а использование коммуникационных технологий Интернета и мобильной связи облегчает цифровизацию различных сфер жизни современного общества и создают возможности для повышения мобильности населения.

Целью указанных стратегических документов является снижение сырьевой зависимости экономики страны путем наращивания несырьевого экспорта наукоемких и высокотехнологичных товаров и услуг, повышения производительности труда за счет роста технического и технологического уровня производства путем внедрения новых технологических процессов и автоматизации производства в ключевых сферах экономики, а также повышение позиции России в инвестиционном рейтинге, так как развитие отрасли информацион-

но-коммуникационных технологий является необходимым условием перехода к новому, на основе

экономики знаний, постиндустриальному технологическому укладу российской экономики.

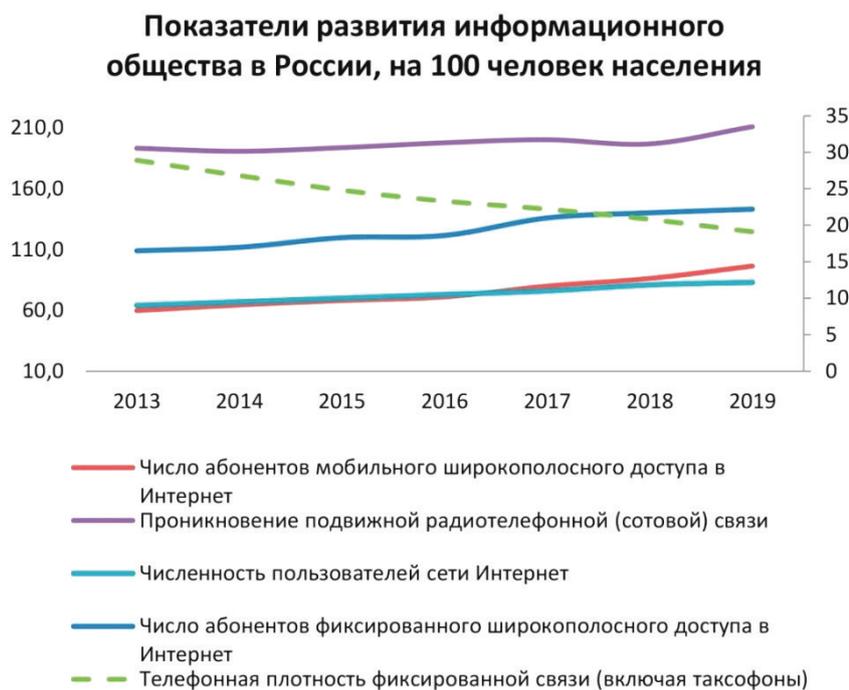

Рис. 1. Индекс развития информационного общества в России [5]

Основными направлениями деятельности данных документов являются поддержание среднего темпа роста отрасли информационно-коммуникационных технологий на уровне выше среднего темпа роста валового внутреннего продукта, рост числа высокотехнологических рабочих мест, поддержка производства российских товаров и услуг в сфере информационно-коммуникационных технологий и обеспечение увеличения их объемов.

Еще одним важным направлением, указанным в вышеназванных документах, является обеспечение высокого уровня обороноспособности страны и ее информационной безопасности путем создания современных средств реагирования и работы по упреждению возникновения глобальных информационных угроз.

Данная работа должна проводиться с позиций системного подхода, способного обеспечить создание возможностей для свободного рыночного развития информационно-коммуникационных технологий. Необходима также планомерная работа по устранению административных барьеров для бизнеса. Важно дальнейшее развитие информационно-коммуникационной инфраструктуры и более интенсивная информатизация всех отраслей экономики. Это необходимые предпосылки для усиления позиций страны в мировом разделении труда в сфере информационно-коммуника-

ционных технологий и увеличения вклада России в глобальный рынок.

В данных документах также были определены основные приоритетные направления для исследований и разработок в сфере информационно-коммуникационных технологий, связанные с большими данными, робототехникой, квантовыми и оптическими технологиями, машинным обучением, искусственным интеллектом и человеко-машинным взаимодействием, обеспечением безопасности информационного общества.

Кроме того, отмечается особая важность для развития информационного общества междисциплинарных исследований, которые находятся на пересечении различных отраслей знаний. К ним относятся автоматизация и проектирование производства, направленная на повышение эффективности труда, моделирование общественных процессов, имитационное моделирование с использованием элементов виртуальной реальности, биоинформатика и прикладные информационные технологии в различных отраслях.

Следующим важным этапом в развитии информационно-коммуникационных технологий в России стала разработка программы «Цифровая экономика», начавшаяся в декабре 2016 г., целью которой является создание организационных, правовых, технических и финансовых условий

для дальнейшей цифровизации экономики страны и интеграции в единое мировое пространство цифровой экономики [6].

Программа утверждена правительством России в июле 2017 г. Ключевыми направлениями цифровизации экономики являются: нормативное регулирование, образование, кадры, формирование исследовательских компетенций, кибербезопасность и ИТ-инфраструктура.

К 2025 г. должно быть достигнуто обеспечение 97% российских домохозяйств широкополосным доступом в сеть Интернет, развертывание сетей мобильной связи 5-го поколения в городах-миллионниках, появление 10 высокотехнологичных предприятий, разработка цифровых платформ по основным отраслям экономики, а также увеличение выпуска ИТ-специалистов вузами страны более 100 тысяч в год.

В области хранения и обработки данных к 2024 г. должен быть достигнут показатель 10% от объема мирового рынка, что в 10 раз больше, чем в 2017 г.

Итогом реализации программы станет существенное увеличение доли российского программного обеспечения и оборудования, закупаемого государственными органами, до 90 и 50% соответственно.

Анализируя текущее положение дел в Алтайском крае, можно отметить, что экономическое положение региона остается по-прежнему очень напряженным, уровень инфляционных процессов — достаточно высоким, наблюдается также на-

пряженность на рынке труда, отрицательная внешняя и внутренняя миграция [7].

Отмеченные отрицательные тенденции характерны для региона в течение достаточно длительного периода, что не позволяет ему выйти на траекторию стабильного роста. Необходим постоянный анализ и определение приоритетов развития, способствующих обеспечению роста основных показателей экономики региона.

Экономический рост невозможен без высокотехнологичных форм ведения бизнеса не только на территории Алтайского края, но и при взаимодействии с партнерами, находящимися в других регионах России и в других государствах. С этой точки зрения регион располагает всеми необходимыми условиями для эффективной интеграции в экосистему цифровой экономики страны, обладая необходимыми трудовыми ресурсами, ИТ-инфраструктурой и выгодным географическим положением.

Высокая транспортная доступность и географическое положение Алтайского края открывают широкие возможности в рамках трансграничного сотрудничества, позволяя устанавливать прочные социально-экономические отношения межрегионального и международного уровня.

Благодаря реализации федеральных целевых программ, региональных программ и проектов, а также инвестиционных программ операторов связи, инфраструктура связи в Алтайском крае в последние годы получила динамичное развитие.

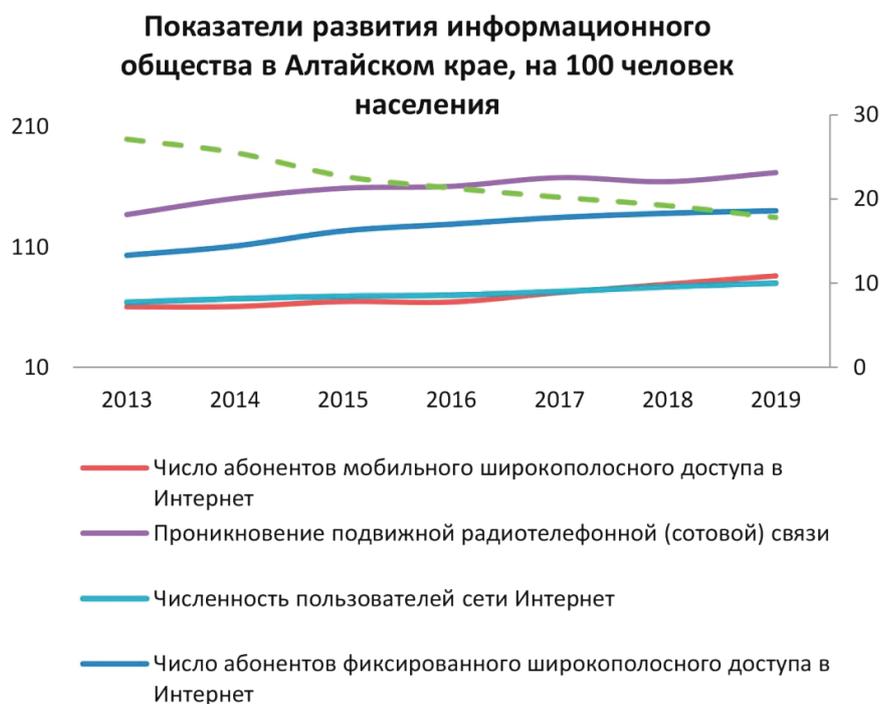

Рис. 2. Индекс развития информационного общества в Алтайском крае [2]

Показатели развития информационного общества в Алтайском крае демонстрируют схожую с российской и мировой динамикой увеличения проникновения мобильной связи и интернета при сокращении плотности фиксированной телефонной связи. За последнее десятилетие в Алтайском крае существенно увеличен охват населения мобильной связью, в 1,4 раза — проникновение (плотность) радиотелефонной (сотовой) связи, в 1,3 раза — количество абонентских станций (устройств), количество базовых станций увеличилось более чем в 4 раза. Более 98% населения имеют доступ к мобильной сети, развернуты и активно эксплуатируются сети 4-го поколения (стандарт LTE).

В Алтайском крае обеспечен рост услуг широкополосного доступа в сеть Интернет, при этом число абонентов фиксированного широкополосного доступа к сети Интернет увеличилось с 316 до 430 тысяч по сравнению с 2013 г. Проводной доступ к сети Интернет имеют около 77,7% сельских и городских поселений края, а мобильный доступ — более 70%.

Острой проблемой региона является качество трудовых ресурсов. Общее количество трудоспособного населения составляет 1,3 млн человек, при этом 43,6% — сельское население, что значительно превышает соответствующий показатель по России — 25,6%. При этом количество трудоспособного населения ежегодно уменьшается в связи с естественной убылью и миграционными процессами. Внедрение технологий высокотехнологичного сельскохозяйственного производства способствует сокращению общей потребности в трудовых ресурсах, но предъявляет высокие требования к подготовке специалистов.

Существует высокий спрос на продукцию сельского хозяйства региона как внутри Алтайского края, так и за его пределами, а также со стороны ряда зарубежных стран, в то же время предъявляются повышенные требования к качеству реализуемой продукции. Это способствует, с одной стороны, внедрению высоких технологий в сельскохозяйственное производство, а с другой — ведет к сокращению сельского населения.

Алтайский край является пилотной территорией по цифровой трансформации аграрной отрасли, предполагающей реализацию комплекса мероприятий по внедрению цифровых технологий и платформенных решений в агропромышленный комплекс. В частности, предполагается создание национальной платформы «Цифровое сельское хозяйство», отраслевой электронной образовательной среды «Земля знаний», а также различных отраслевых модулей. При этом в Алтайском крае уже действует цифровая площадка электронного документооборота в сельском хозяйстве

«Респак» с перспективой интеграции с торговыми площадками и другими полезными и удобными функциями.

В проекте «Стратегии социально-экономического развития Алтайского края до 2035 года» определена миссия Алтайского края, как ведущего агропромышленного экспортоориентированного региона Сибири и Дальнего Востока, территория творческой и комфортной жизненной среды, создающей инновации [8]. Осуществление данной миссии возможно при активной интеграции региона в экосистему цифровой экономики страны и активизация внутренних факторов экономического роста за счет его участия в реализации проектов программы «Цифровая экономика», проектов по цифровизации здравоохранения, образования и т. п.

Информационно-коммуникационные технологии имеют ключевое значение для создания и использования городской экосистемы и отдельных ее компонентов: транспортной системы, системы ЖКХ, энергетической системы, системы здравоохранения и т. д.

Успешный опыт разработки и последующего использования различных электронных платформ, систем и сервисов в области жилищно-коммунального хозяйства (ГИС ЖКХ, РЕФОРМА ЖКХ), здравоохранения (ЕМИАС), предоставления государственных услуг (ГОСУСЛУГИ), осуществление закупок (ЕИС), инвестиционный климат (Region-ID) и др. свидетельствует о том, что существование таких программных продуктов позволяет оптимизировать работу органов государственной власти, положительно сказывается на эффективном выполнении ими своих функций, а также открывает доступ к необходимой информации другим участникам отношений.

В качестве промежуточных результатов можно привести некоторые показатели 2020 г., которые характеризуют ускорение процессов информатизации. Так, более 2,04 млн жителей региона стали зарегистрированными пользователями портала Госуслуг, что в 2 раза больше аналогичного показателя 2018 г.

Жителям Алтайского края доступно в электронной форме 20 муниципальных услуг, 51 региональная и более 350 федеральных. В том числе те, что полностью оказываются в соответствии с целевой моделью трансформации государственных услуг в цифровом формате.

Более 10 цифровых сервисов создано в условиях действия ограничительных мер, сдерживающих распространение коронавирусной инфекции: это и выплаты для врачей, и регистрация граждан на рейсы из-за границы, выплата повышенного пособия по безработице и т. д.

В 2020 г. Алтайский край стал пилотным регионом по запуску суперсервиса — «Поступление в вуз онлайн».

В эксперименте участвовали 54 вуза, в том числе Алтайский государственный университет. Абитуриенты могли подать электронное заявление на поступление, загрузить копии документов об образовании и индивидуальных достижениях [9].

Реализация проектов в сфере здравоохранения и образования направлена на обеспечение современным оборудованием и технологиями для повышения доступности данных услуг для городского и сельского населения.

Кроме того, участие в программе по повышению производительности труда приведет к реализации системы мер поддержки экспорта на предприятиях и повышению конкурентоспособности готового продукта за счет улучшения технического и технологического уровня производства, внедрению системы «бережливого» производства, будет способствовать поддержке занятости и эффективности рынка труда.

Высокотехнологичное производство требует формирования новых компетенций работы при подготовке кадров, в том числе компетенций в области цифровой экономики, необходимых для эффективной реализации данных проектов. В комплексе указанные мероприятия способствуют созданию условий для увеличения экспортного потенциала промышленных и интеллектуальных продуктов в сфере развития межрегионального и международного трансграничного сотрудничества.

В 2021 г. запланировано подготовить 5,35 тыс. выпускников организаций профессионального образования, расположенных в Алтайском крае, с ключевыми компетенциями в области цифровой экономики и 8,5 тыс. жителей Алтайского края в рамках системы дополнительного образования.

Ключевая роль региона в проекте «Кадры для цифровой экономики» — создание и предоставление широкому кругу населения общедоступных онлайн-сервисов непрерывного образования, предназначенных для формирования ключевых компетенций цифровой экономики, и организация учебного процесса с их использованием.

Алтайский край принимает участие в проекте по созданию «персональных цифровых сертификатов», в том числе только Алтайский государствен-

ный университет участвовал в 16 образовательных программах. Благодаря этому Алтайский край смог привлечь в экономику региона около 50 млн руб. [10].

Результатом развития процессов цифровой трансформации экономики Алтайского края стала возможность работы многих сотрудников предприятий и организаций в жестких условиях пандемии в удаленном формате, что позволило сохранить рабочие места и не останавливать работу предприятий. Наибольшие потери понесли предприятия сферы оказания услуг населению, но и здесь появилась возможность переформатировать форму оказания услуг и даже создать новые бизнесы. Предприятия торговли, общественного питания и др. освоили сервисы дистанционного приема заказов через создаваемые мобильные сервисы и бесконтактной доставки и оплаты товара. Спрос на такие услуги оказался значительным, что позволило предприятиям не только сохранить персонал, но и привлечь дополнительных работников.

Стремительное развитие получили информационные технологии в банковской сфере, например, наиболее развитыми сервисами и максимальной долей клиентов характеризуется цифровая экосистема Сбера, которая предоставляет широкий диапазон услуг, исходя из первоочередных потребностей пользователей.

Значительно улучшились и расширились функции портала Государственных услуг РФ. Через него кроме уже привычных сервисов стало возможно получение государственной поддержки семьям с детьми в наиболее удобной форме, запись на вакцинацию, получение цифрового сертификата о вакцинации, передача результатов теста на коронавирусную инфекцию. Все это привело к существенному снижению нагрузки на организации социального обслуживания и медицины.

В сфере образования использование информационных технологий позволило в кратчайшие сроки организовать эффективное дистанционное обучение. Нарботки в этой области дают возможность внедрять новые формы организации образовательного процесса в дополнение к традиционным.

В целом, благодаря цифровизации в значительной мере удалось преодолеть негативные последствия пандемии на экономику и социальную сферу региона.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Официальный сайт Международного союза электросвязи. URL: <http://www.itu.int> / (дата обращения: 21.01.2021).

2. Постановление Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 313 Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Информационное общество (2011–2020 годы)» // Официальный интернет-портал Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ. URL: <https://digital.gov.ru/ru/documents/4137/> / (дата обращения: 27.01.2021).

3. Распоряжение Правительства РФ от 1 ноября 2013 г. № 2036-р «Об утверждении Стратегии развития отрасли информационных технологий в РФ на 2014–2020 гг. и на перспективу до 2025 г.» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <https://www.pravo.gov.ru/> / (дата обращения: 01.02.2021).

4. Указ Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» // Официальный интернет-портал президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/news/54477/> / (дата обращения: 21.01.2021).

5. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: <http://www.gks.ru/> / (дата обращения: 25.01.2021).

6. Распоряжение Правительства РФ от 28 июля 2017 г. № 1632-р Об утверждении программы «Цифровая экономика Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <https://www.pravo.gov.ru/> / (дата обращения: 21.01.2021).

7. Вдовкина Е. Г., Поддубнова С. А., Шаповалова С. В. Причины ухудшения демографической ситуации в Алтайском крае // Вектор экономики. 2019. № 3. URL: http://www.vectoreconomy.ru/images/publications/2019/3/regionaleconomy/Vdovkina_Poddubnova_Shapovalova.pdf / (дата обращения: 12.02.2021).

8. Проект Стратегии социально-экономического развития Алтайского края на период до 2035 года // Интернет-портал Министерства экономического развития Алтайского края. URL: <http://econom22.ru/prognoz/strateg/index.php> / (дата обращения: 12.02.2021).

9. Цифровая экономика Российской Федерации. Как реализуется национальная программа в Алтайском крае // Интернет-портал сетевого издания «ТОЛК». URL: https://tolknews.ru/projects/digital_economy/ / (дата обращения: 01.03.2021).

10. Без цифры противостоять COVID-19 невозможно. В Барнауле подвели итоги 2020 года в сфере ИТ // Интернет-портал ИД «Алтапресс» URL: <https://altapress.ru/ekonomika/story/bez-tsifrovih-tehnologiy-protivostoyat-covid-nevozmozhno-v-barnaule-podveli-itogi-goda-v-sfere-it-278317/> / (дата обращения: 03.03.2021).

REFERENCES

1. Official website of the International Telecommunication Union. URL: <http://www.itu.int/> / (date of access: 21.01.2021).

2. Decree of the Government of the Russian Federation of April 15, 2014 No. 313 On Approval of the State Program of the Russian Federation “Information Society (2011–2020)” // Official Internet-Portal of the Ministry of Digital Development, Communications and Mass Communications of the Russian Federation. URL: <https://digital.gov.ru/ru/documents/4137/> / (date of access: 27.01.2021).

3. Decree of the Government of the Russian Federation of November 1, 2013 N 2036-r “On approval of the Strategy for the development of the information technology industry in the Russian Federation for 2014–2020 and for the future until 2025” / Official Internet portal of legal information. URL: <https://www.pravo.gov.ru/> / (date of access: 01.02.2021).

4. Decree of the President of the Russian Federation of May 9, 2017 No. 203 “On the Strategy for the Development of the Information Society in the Russian Federation for 2017–2030” // Official Internet-Portal of the President of the Russian Federation. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/news/54477/> / (date of access: 21.01.2021).

5. Official website of the Federal State Statistics Service. URL: <http://www.gks.ru/> / (date of access: 25.01.2021).

6. Order of the Government of the Russian Federation dated July 28, 2017 N 1632-r On Approval of the Program “Digital Economy of the Russian Federation” // Official Internet-Portal of Legal Information. URL: <https://www.pravo.gov.ru/> / (date of access: 21.01.2021).

7. Vdovkina E. G., Poddubnova S. A., Shapovalova S. V. Reasons for the deterioration of the demographic situation in the Altai Territory // Economy vector. 2019. № 3. URL: http://www.vectoreconomy.ru/images/publications/2019/3/regionaleconomy/Vdovkina_Poddubnova_Shapovalova.pdf / (date of access: 12.02.2021).

---

8. Draft Strategy for the Socio-Economic Development of the Altai Territory for the Period until 2035 // Internet Portal of the Ministry of Economic Development of the Altai Territory. URL: <http://econom22.ru/prognoz/strateg/index.php/> (date of access: 12.02.2021).

9. Digital economy of the Russian Federation. How the national program is being implemented in the Altai Territory // Internet-portal of the online publication TOLK. URL: https://tolknews.ru/projects/digital_economy/ (date of access: 01.03.2021).

10. Without a digit, it is impossible to resist COVID-19. In Barnaul, summed up 2020 in the field of IT // Internet-portal ID Altapress URL: <https://altapress.ru/ekonomika/story/bez-tsifrovih-tehnologiy-protivostoyat-covid-nevozmozhno-v-barnaule-podveli-itogi-goda-v-sfere-it-278317/> (date of access: 03.03.2021).

Поступила в редакцию: 27.04.2021.

Принята к печати: 01.08.2021.

ТЕНДЕНЦИИ И ДЕТЕРМИНАНТЫ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В РОССИИ

Е. Н. Гришина, И. П. Лаптева

Вятский государственный университет (Киров, Россия)

В статье обоснована необходимость выявления тенденций в динамике развития демографических процессов в отдельных странах и регионах. Анализ детерминации демографических процессов является необходимым условием разработки эффективной демографической политики. Авторами изучена динамика численности населения планеты в целом, а также Европы, России за последние 50 лет. Дана оценка степени влияния мер, принимаемых в отдельных странах мира, на демографическую ситуацию. В статье рассматриваются как методологические вопросы изучения детерминации демографических процессов, так и результаты исследований, основанных на статистической информации. Большое внимание в статье уделяется вопросам детерминации рождаемости и смертности. Дана оценка влияния материальных выплат на рождаемость. В то же время не оставлены без внимания вопросы детерминации миграционных процессов и старения населения. Для анализа причин миграции населения в регионе был применен метод планирования эксперимента. Использование данного метода позволило выделить факторы, влияющие на миграционные процессы, и оценить степень влияния каждого из них на уровень коэффициента эффективности миграции. Проведенное исследование показало возможности применения метода планирования при исследовании социально-экономических процессов. Авторами рассмотрены предложенные Росстатом три варианта прогноза численности населения РФ до 2035 г. и оценены возможные варианты их реализации.

Ключевые слова демографическая ситуация, прирост (убыль) населения, суммарный коэффициент рождаемости, миграция, варианты прогнозов.

TRENDS AND DETERMINANTS OF DEMOGRAPHIC PROCESSES IN RUSSIA

E. N. Grishina, I. P. Lapteva

Vyatka State University (Kirov, Russia)

The article substantiates the need to identify trends in the development of processes demographic in individual countries and regions. The analysis of the determination of demographic processes is a necessary condition for the development of an effective demographic policy. The authors studied the dynamics of the population of the planet as whole, Europe, and Russia over the past 50 years. The assessment of the degree of influence of the measures taken in certain countries of the world on the demographic situation is given. The article deals with both methodological issues of studying the determination of demographic processes, and the results of research based on statistical information. Much attention is paid to the issues of determining the birth rate and mortality. An assessment of the impact of material payments on the birth rate is given. At the same time, the issues of determining migration processes and population aging are not left without attention. To analyze the causes of population migration in the region, the experimental planning method was used. The use of this method allowed us to identify the factors that affect migration processes and to assess the degree of influence of each of them on the level of the migration efficiency coefficient. The study showed the possibility of using the planning method in the study of socio-economic processes. The authors consider three variants of the population forecast of the Russian Federation until 2035, proposed by Rosstat, and assessed possible options for their implementation.

Keywords: demographic situation, population growth (decline), total fertility rate, migration, forecast options.

Введение. Демографические процессы являются своеобразным индикатором развития страны. Цель исследования — проведение анализа демографической политики России в сравнении с отдельными странами, а также оценка степени влияния мер, принимаемых государством, на демографическую ситуацию.

Низкий уровень жизни, состояние здоровья населения, снижение уровня рождаемости, рост смертности отрицательно влияют на динамику численности населения. Ежегодное Послание Президента в январе 2020 г. началось с констатации наличия демографических проблем в России. Президентом был оглашен новый пакет демографических мер, призванный к 2024 г. увеличить коэффициент рождаемости до 1,7 (в 2019 г. он составлял 1,5). В. В. Путин отметил, что низкие доходы семей, имеющих детей, — это «прямая угроза демографическому будущему страны».

Особенно актуальным в этих условиях становится разработка изменений политики в области демографии, которые прежде всего направлены на решение материальных проблем. В России с 1 января 2020 г. материнский капитал начали выплачивать при рождении первого ребенка, в случае рождения второго ребенка родителям должны выплатить дополнительное пособие в 150 тыс. руб. Как известно, до 2020 г. действие программы распространялось только на второго ребенка. Программа помощи семьям продляется до 2026 г., а размер выплат будет индексироваться весь период ее действия. Президентом внесен целый ряд предложений по дополнительной поддержке семей и рождаемости: ежемесячные выплаты малоимущим семьям при рождении первого ребенка, открытие новых мест в яслях, имущественные налоговые льготы и освобождение от земельного налога многодетных семей.

Для обеспечения простого долгосрочного воспроизводства населения необходимо рождения 2,1 ребенка на женщину. Необходимо, чтобы в России рождалось примерно 2,5–2,6 млн детей в год в течение 10 лет. Возрастная пирамида России на данный момент относится к регрессивному, или убывающему типу. Такое сужение половозрастной пирамиды населения России прогнозировалось, и проблема рождаемости не была решена с помощью выплат материнского капитала с 2007 г. [1, с. 167].

Высокие показатели естественной убыли населения к началу третьего десятилетия XXI в. можно было предугадать. В 80-х гг. детей рождалось в два раза больше, чем в конце 90-х гг., когда рождаемость была крайне низкой. Поколение 80-х уже имеет детей, и сейчас именно малочисленное поколение 90-х вступает в родительский возраст.

Аналогичный тип возрастной пирамиды характерен для всех высокоразвитых стран. Низкая рождаемость, сокращение численности населения трудоспособного возраста вынуждает правительства этих стран разрабатывать программы по сохранению и накоплению человеческого капитала.

Результаты исследования. Проблемы роста естественной убыли населения развитых стран особенно заметны на фоне мирового роста численности населения. На начало 2020 г., по данным отдела народонаселения ООН, население Земли составило 7763035303 человека (табл. 1). За год на Земле родилось 153 554 659 человек, умерло 60 053 019 человек, то есть естественный прирост составил 93 501 640 человек. Вместе с тем, начиная с 2000 г., наблюдается замедление среднегодовых темпов прироста численности населения в целом. Минимальное значение данного показателя имело место с 2010 по 2014 г. С 2015 по 2019 г. прирост численности населения в среднем за год составил 1,22%. Максимальное значение прироста в исследуемом периоде наблюдалось в 1970–1974 гг. (+2,08%).

Таблица 1

**Динамика численности населения Земли
(на начало соответствующего года)**

Год	Численность населения, чел.	Среднегодовой прирост населения, %
1970	3 632 007 495	2.08
1975	4 008 989 361	1.92
1980	4 384 771 573	1.77
1985	4 791 660 298	1.82
1990	5 266 183 401	1.77
1995	5 696 335 791	1.47
2000	6 089 825 349	1.29
2005	6 481 482 361	1.24
2010	6 889 811 477	1.22
2015	7 310 679 524	1.17
2020	7 763 035 303	1.22

Уровень показателя в один миллиард человек достигло примерно к 1800 г. Через 200 лет численность населения увеличилась почти в 7 раз. Известно, что ежесекундно численность населения планеты увеличивается на 3 человека. Причины нынешней демографической ситуации ученые видят в так называемом «демографическом взрыве» второй половины XX в., когда после Второй мировой войны появились более благоприятные условия для воспроизводства и увеличения средней продолжительности жизни населения.

В настоящее время на планете в целом наблюдается снижение смертности, которое не сопровождается сокращением рождаемости. Но в то же

время существует большой разрыв в демографических показателях различных регионов планеты. Более 70% населения проживает в 20 самых густонаселенных странах.

Исследование демографических проблем современности показало наличие таких процессов, как неравномерность прироста населения в мировом масштабе; старение населения и его депопуляция вследствие демографического кризиса в развитых странах, особенно в Европе; высокий прирост численности населения в развивающихся странах Африки, Азии и Латинской Америки, а также отсутствие в последних контроля демографической ситуации.

Европейские страны имеют самые низкие показатели естественного прироста населения (табл. 2). В течение последних 50 лет наблюдается отрицательная тенденция, характеризующаяся сокращением темпов прироста населения Европы. Особенно наглядно такая динамика прослеживается с 1990 по 1999 г. В целом за период с 1970 по 2020 г. численность населения Европы возросла на 88,2 млн человек, или на 13,4%. В то же время численность населения планеты за аналогичный период возросла в 2,1 раза.

Таблица 2

**Изменение численности населения Европы
(на 1 января соответствующего года)**

Год	Численность населения, чел.	Среднегодовой прирост населения, %
1970	656 373 389	0.64
1975	676 799 723	0.58
1980	693 849 488	0.46
1985	708 194 901	0.40
1990	721 812 332	0.34
1995	729 519 977	0.11
2000	728 224 370	-0.06
2005	730 240 914	0.12
2010	736 592 161	0.17
2015	741 247 338	0.14
2020	744 603 254	0.09

В результате доля Европы в общей численности населения планеты на протяжении анализируемого периода имеет также отрицательную динамику и за XX в. сократилась с 25 до 9%.

Следует отметить, что с 90-х гг. главным фактором роста населения стран Западной Европы становится миграция. В 2019 г. естественный прирост его численности составил 172,3 тыс. человек, а миграционный — более 800 тыс. Западная Европа становится главным мировым центром привлечения иммигрантов, таким образом решая проблему рабочей силы.

В странах Западной Европы уровень воспроизводства населения или суженный, или нулевой. Большинство европейских стран в настоящее время вступили в период его депопуляции. Сформировался первый тип воспроизводства, для которого характерны низкие показатели рождаемости, средние показатели смертности, а также процесс старения населения. По прогнозам ООН, к середине XXI в. в странах Западной Европы будет наблюдаться естественная убыль населения.

Коэффициент фертильности в развитых странах начал сокращаться еще в конце 60-х гг. [2] и варьируется в последние годы в пределах 1,5–1,6 рождений на женщину. Наименьшее значение данного показателя отмечено в таких странах юга Европы, как Португалии (1,2), Греции, Испании (1,3).

В европейских странах средний возраст жителей составил 42,6 года, а в Германии и Италии он превысил 45 лет. Самым «молодым» на сегодняшний день является население Албании (32,5 года). Для сравнения, в Африке этот показатель в этом же году был 19 лет, в Латинской Америке — 31 год. В настоящее время в Европе число пожилых людей старше 60 лет составляет 25%. В дальнейшем эта доля будет расти, что приведет к росту демографической нагрузки на трудоспособное население. «Низкие» демографические сценарии прогнозируют для Европы депопуляцию уже к 2050 г. и, согласно этим сценариям, около 50% европейцев к тому времени будет старше 60 лет.

Все страны Европы уделяют большое внимание государственному регулированию демографической политики, которая направлена, прежде всего, на увеличение рождаемости. Мероприятия демографической политики касаются и вопросов социальной помощи семье. Так, во всех странах ЕС, кроме Италии, Испании и Греции, выплачиваются детские пособия семьям, независимо от их доходов. В ряде стран предусмотрены дополнительные пособия бедным семьям, организуется бесплатное питание для школьников, предоставляются отпуска по уходу за детьми, предусмотрены налоговые льготы и ряд других мер. Перечень мероприятий и реальный размер пособий в разных странах имеют свою особенность. Наиболее высокий уровень государственной поддержки семьи имеет место в таких странах, как Люксембург, Франция, Бельгия и Германия, относительно низкий уровень — Португалия, Нидерланды, Испания, Италия [3].

В целом по совокупности всех демографических показателей наихудшая ситуация сегодня сложилась в странах Восточной и Центральной Европы, где при низкой рождаемости и старении населения имеет место миграционная убыль.

В настоящий момент Россия занимает 9 место в мире по численности населения. Согласно дан-

ным Росстата, за 2019 г. численность населения страны сократилась на 32130 человек и составила на начало 2020 г. 146748590 человек. За 2019 г. родилось 1481074 человека, что на 7,7% меньше предыдущего года, естественная убыль составила 317233 человека, что на 41,3% больше, чем годом ранее. Но несмотря на естественную убыль, численность населения страны благодаря миграционному приросту сократилась лишь на 0,02%.

Демографический переход к современному типу воспроизводства населения, для которого характерно снижение естественного прироста населения, начался в России в конце XIX в. Первоначально его темпы были невелики, но уже в 20-х — 30-х гг. XX в. отставание демографических изменений России от стран, в которых модернизация воспроизводства населения продолжалась к тому времени уже двести лет, было значительно сокращено [4, с. 94–106].

Огромные человеческие потери во время Великой Отечественной войны и малочисленное поколение родившихся в этот период значительно сократило репродуктивный потенциал населения страны. Еще одна послевоенная проблема — нарушение половозрастного баланса состава населения. Подъем рождаемости в послевоенные годы был бы значительно выше, если бы не наличие диспропорции полов в основных репродуктивных возрастах.

В 50-е гг. наблюдался рост рождаемости во всем мире, так называемый послевоенный компенсаторный подъем. В СССР такой подъем продолжался с 40-х до 60-х гг. В этот период рождалось более 2,5 млн человек ежегодно. Высокий уровень темпов прироста населения сохранялся до середины 60-х гг. Число рождавшихся в этот период превышало число умерших ежегодно в 2,5–3 раза, а изменение естественного прироста находилось в пределах 1,8–1,9 млн чел. В это же время суммарный коэффициент рождаемости достиг уровня про-

стого замещения поколений, а в 1969–1970 гг. коэффициент фертильности составил 1,97. В 70-е гг. завершилось формирование депопуляционного направления в стране [5, с. 68–100].

В 80-х гг. в СССР началась реализация серьезных мер, направленных на повышение уровня рождаемости. Так, в 1981 г. было принято Постановление Правительства «О мерах по усилению государственной помощи семьям, имеющим детей». Согласно ему, увеличились пособия на каждого ребенка, введен частично оплачиваемый отпуск по уходу за ребенком по достижении им 1,5 года (позднее — до 3 лет), назначены выплаты единовременного пособия работающим или обучающимся с отрывом от производства матерям при рождении первого, второго, третьего и последующих детей. Перечень льгот в дальнейшем был расширен.

Результатом предпринятых мер стал прирост населения к началу 1983 г. С 1988 г. началось резкое снижение рождаемости [6, с. 43–50.]. Самые низкие показатели рождаемости и самые высокие показатели естественной убыли зафиксированы в 1999–2000 гг.

Как показано в таблице 3, начиная с 2000 г. рождаемость начала повышаться, естественная убыль населения — снижаться (за исключением небольшого спада в 2005 г.). Суммарный коэффициент рождаемости также повысился, но все же оставался на очень низком уровне. Убыль населения сократилась, но в целом демографическую ситуацию в этот период трудно назвать благоприятной. Среднегодовая численность населения за весь рассматриваемый период снизилась почти на 5,5 млн человек, или на 3,7%, и имела стойкую отрицательную динамику.

Интенсификация государственной демографической политики в России началась с 2006 г., о чем свидетельствует Послание Президента Федеральному Собранию.

Таблица 3

Демографические показатели России в 1995–2006 гг.

Год	Число родившихся, тыс. чел.	Суммарный коэффициент рождаемости	Общий прирост (убыль) населения, тыс. чел.	Естественный прирост (убыль), тыс. чел.
1995	1363	1,337	–263	–840
2000	1267	1,195	–654	–958,5
2001	1312	1,223	–685	–943
2002	1397	1,286	–630	–953
2003	1477	1,319	–532	–888,5
2004	1502	1,334	–564	–793
2005	1457	1,294	–374	–847
2006	1480	1,305	–115	–687

Концепция демографической политики Российской Федерации на период до 2025 г. утверждена Указом Президента от 9 октября 2007 г. Она была направлена на сокращение смертности, рост рождаемости, регулирование процессов миграции, на увеличение продолжительности жизни населения, сохранение и укрепление его здоровья и на этой основе — на улучшение демографической ситуации в стране. С 2006 г. были введены родовые сертификаты, существенно увеличен размер пособий по уходу за ребенком до 1,5 года и оплата отпусков в связи с рождением детей. С 1 января 2007 г. начали выплачивать материнский (семейный) капитал и установлены направления его целевого использования.

В дальнейшем федеральные меры начали дополняться региональными. Так, с 2011 г. в регионах стали выплачивать установленный на региональном уровне материнский капитал с целью увеличения рождаемости. В этом же году в соответствии с поправками в Земельном кодексе РФ семьи с тремя детьми (или более) получили право бесплатно

приобретать земельные участки. В рамках Федеральной Программы «Жилище» начала действовать подпрограмма «Обеспечение жильем молодых семей».

За время, прошедшее после введения выплат материнского капитала, показатели рождаемости выросли (табл. 4). Увеличение числа родившихся продолжалось до 2014 г., после чего стало снижаться и в 2018 г. опустилось ниже уровня 2007 г. В течение 3 лет в стране регистрировался естественный прирост, в последующие годы вновь отмечается естественная убыль населения. Такая же динамика характерна и для суммарного коэффициента рождаемости. В исследуемом периоде его значение варьирует в интервале от 1,416 (2007 г.) до 1,777 (2015 г.).

Согласно приведенным в таблице 4 данным Росстата, в 2014–2015 гг. наблюдались наилучшие за период показатели естественного прироста. Так, суммарный коэффициент рождаемости возрос с 2006 по 2015 г. с 1,305 до 1,777; за эти же годы рождаемость повысилась на 24%.

Таблица 4

Демографические показатели России в 2007–2018 гг.

Год	Численность населения, тыс. чел.	Число родившихся, тыс. чел.	Естественный прирост (убыль), тыс. чел.	Суммарный коэффициент рождаемости
2007	142,8	1610	-470,3	1,416
2008	142,7	1714	-362,0	1,502
2009	142,9	1762	-248,9	1,542
2010	142,9	1789	-239,6	1,567
2011	143,0	1797	-129,1	1,582
2012	143,3	1902	-4,2	1,691
2013	143,7	1896	24,0	1,707
2014	146,3	1943	30,3	1,750
2015	146,5	1941	32,0	1,777
2016	146,8	1889	-2,3	1,762
2017	146,9	1690	-135,8	1,621
2018	146,8	1604	-224,6	1,579
2019	146,7	1481	-317,2	1,504

В соответствии с Концепцией численность населения России должна была сократиться к 2015 г. на 4,4% и составить 136 млн человек (по пессимистическому варианту прогноза). По завершении второго этапа реформ к 2016 г. численность населения России должна была составить 142–143 млн человек и увеличить по сравнению с 2006 г. суммарный коэффициент рождаемости в 1,3 раза (то есть почти до 1,7). В таблице 4 видим, что уровня отдельных показателей удалось достичь даже раньше срока.

На рождаемость отрицательно влияют множество факторов: низкие денежные доходы, отсут-

ствие нормальных жилищных условий, ориентация современных семей на малодетность, низкий уровень репродуктивного здоровья и т. д. Мероприятия по решению демографических проблем предполагают также широкий спектр мер, но прежде всего — мер материального стимулирования, поскольку из многочисленных факторов, определяющих репродуктивное поведение населения, низкий уровень жизни — наиважнейший.

В исследованиях зарубежных ученых неоднократно доказывалась, что для достижения необходимых изменений в демографической ситуации в стране необходимо делать упор на экономиче-

ские меры демографической политики, прежде всего на материальное стимулирование. Исследования Rand Corporation показали, что политика постоянной поддержки семей во Франции помогает поддерживать рождаемость в стране на относительно высоком уровне. Напротив, недооценка и сворачивание подобной программы способствовали существенному снижению рождаемости в Испании [7, 8].

В работах отечественных ученых отмечается наличие связи между ростом суммарного коэффициента рождаемости и ростом размера материнского капитала [9, 10]. Специалисты отмечают, что, хотя на изменение показателей рождаемости повлияли не только мероприятия демографической политики, все же именно эти меры внесли самый существенный вклад [11, с. 69–84; 12, с. 4–18].

Для закрепления полученного эффекта, а также дальнейшего повышения уровня рождаемости,

важно сохранить выбранный курс социально-демографической политики, которая должна иметь устойчивый, длительный, преемственный характер. Программы стимулирования рождаемости и поддержки семей нельзя сокращать, а следует развивать.

В 2019 г. размер материнского капитала составлял 453026 рублей. В первый год действия программы именной сертификат предоставлялся на сумму 250000 рублей и до 2015 г. включительно индексировался с учетом прогнозируемой инфляции. Пункт 17 статьи 1 Федерального закона № 68-ФЗ от 06.04.2015 г. «заморозил» рост материнского капитала до конца 2018 г., а в соответствии с Федеральным законом № 444-ФЗ от 19.12.2016 заморозка была продлена до 1 января 2020 г. С 2016 по 2019 г. размер выплат не увеличивался — его рост приостановили из-за действующей «финансово-экономической ситуации в стране».

Таблица 5

Влияние размера материнского капитала на уровень рождаемости

Год	Размер материнского капитала, руб.	Суммарный коэффициент рождаемости	Число родившихся	
			тыс. чел.	в% к предыдущему году
2007	250000	1,416	1610	109
2008	276250	1,502	1714	106
2009	312162	1,542	1762	103
2010	343378	1,567	1789	102
2011	365698	1,582	1797	100,4
2012	387640	1,691	1902	106
2013	408960	1,707	1896	99,7
2014	429408	1,750	1943	102
2015	453026	1,777	1941	99,0
2016	453026	1,762	1889	97
2017	453026	1,621	1690	89,5
2018	453026	1,579	1604	95
2019	466617	1,504	1481	92,3

В таблице 5 представлены размер социальных выплат за период действия программы и уровни рождаемости за соответствующие годы. Данные таблицы свидетельствуют о снижении показателей рождаемости после 2015 г., то есть с момента «замораживания» размера материнского капитала.

Для улучшения демографической ситуации в стране необходимо не только нормализовать процессы естественного движения населения, но и оптимизировать миграционные потоки как в целом по стране, так и на региональном уровне.

Для изучения причин оттока населения из региона авторы предлагают использовать метод планирования эксперимента. Эффективность приме-

нения этого метода подтверждена исследованиями, которые проводились нами в 2012, 2015 и в 2018 гг.

В качестве результативного признака был выбран коэффициент эффективности миграции, который, на наш взгляд, незаслуженно редко используется при анализе миграционных процессов. Миграционный коэффициент определяется соотношением миграционного прироста к миграционному обороту:

$$K_{эф} = \frac{П - В}{П + В} \cdot 100\%,$$

где $П$ — число прибывших граждан, $В$ — число выехавших.

Если на территории за исследуемый период не отмечается оттока населения, то есть наблюдается односторонняя миграция, миграция эффективна на 100% (коэффициент равен единице).

В качестве факторов, оказывающих влияние на эффективность миграции в Кировской области, в которой наблюдается устойчивая миграционная убыль, были выбраны следующие показатели:

- доля работников организаций всех форм собственности в общей численности населения района, %;
- среднемесячная начисленная заработная плата работников организаций всех форм собственности, тыс. руб.;
- инвестиции в основной капитал, млн руб.;
- удаленность от областного центра, км [13, с. 163–164].

Важнейшим этапом применения метода планирования эксперимента является проведение группировки объектов исследования с учетом размера каждого фактора. Подробно этот этап исследования описан в работах авторов [13]. Здесь же представим только результат проведенной группировки.

В таблице 6 представлены результаты распределения 39 районов Кировской области по вариантам выраженности и оптимальности сочетания четырех рассматриваемых факторов в 2019 г.

Таблица 6

Распределение районов по вариантам сочетания факторов

№ варианта	Число районов	Коэффициент эффективности миграции
1	11	-0,132
2	4	-0,124
3	9	-0,118
4	12	-0,092
5	3	-0,077

Наилучший вариант, как можно видеть по данным таблицы, — № 5. В эту группу входят 3 района области, в которых размеры предложенных к рассмотрению факторов максимальны, а их сочетание наиболее эффективно. В двух из этих районов наблюдается миграционный прирост, в третьем — незначительная миграционная убыль, но для всех трех районов характерны высокие значения 3 фактора (инвестиции).

Различия в характеристиках распределения переменных показаны в таблице 7. Фактическое значение коэффициентов следует признать достоверным, так как оно не превышает табличное значение критерия t-Стьюдента, равное 2,023.

Таблица 7

Степень влияния факторов на эффективность миграции населения

Наименование показателей	Коэффициент корреляции	Фактическое значение критерия t-Стьюдента	Коэффициент вариации, %
Доля работников организаций в общей численности населения района (X_1)	0,41	3,27	18,1
Среднемесячная начисленная заработная плата работников организаций, тыс. руб. (X_2)	0,35	4,13	19,7
Инвестиции в основной капитал организаций, находящихся на территории Кировской области, млн руб. (X_3)	0,56	5,22	60,3
Удаленность от областного центра, км (X_4)	-0,43	3,44	48,5

Проведенное исследование продемонстрировало удобство и эффективность применения метода планирования эксперимента при исследовании социально-экономических процессов. С момента первого исследования в 2012 г. значения первых трех факторов довольно существенно изменились, но общая тенденция сохранилась: по-прежнему наиболее влиятельным является фактор, характеризующий размер инвестиций в основной капитал. Значения коэффициентов в таблице 7 говорят о том, что все названные нами причины миграции можно считать значимыми.

Выявление причин какого-либо социального явления всегда требует проведения целой серии исследований, что связано прежде всего с динамичностью социальных процессов. Задача подобных исследований — выделить и обосновать наиболее существенные факторы, вызывающие изменения в системе. Но следует отметить, что ни один из выделенных факторов сам по себе не может считаться конечной причиной того или иного социального явления, то есть при анализе причин миграции особое внимание нужно уделять именно сочетанию факторов, что как раз и позволяет сделать метод активного эксперимента.

Перспективы демографического развития России были учтены Росстатом при формировании 3 вариантов прогноза численности населения страны до 2035 г. (табл. 8). Демографические показатели за 2018 г. и предварительные данные за 2019 г. ближе к среднему, или нейтральному варианту. Согласно этому варианту, в 2020 г. население страны сократится на 38700 человек, а с 2035 г. будет

уменьшаться на 259600 человек ежегодно. Причем коренное население будет уменьшаться на 540 тыс. человек ежегодно, а миграционный прирост соста-

вит за год около 280 тыс. человек, за счет последнего общая численность населения в целом будет снижаться не так стремительно.

Таблица 8

Варианты прогноза демографической ситуации в РФ, тыс. чел.*

Годы	Низкий вариант прогноза		Средний вариант прогноза		Высокий вариант прогноза	
	Численность населения на начало года	Общий прирост	Численность населения на начало года	Общий прирост	Численность населения на начало года	Общий прирост
2022	146116,8	-366,1	146675,3	-95,7	147445,1	291,5
2023	145750,7	-400,2	146579,6	-105,7	147736,6	344,0
2024	145350,5	-431,7	146473,9	-113,2	148080,6	403,1
2025	144918,8	-478,1	146360,7	-133,2	148483,7	396,0
2026	144440,7	-523,8	146227,5	-158,4	148879,7	381,1
2027	143916,9	-563,3	146069,1	-176,1	149260,8	377,8
2028	143353,6	-597,9	145893,0	-193,8	149638,6	379,4
2029	142755,7	-621,7	145699,2	-206,3	150018,0	389,3
2030	142134,0	-642,8	145492,9	-217,6	150407,3	406,6
2031	141491,2	-660,2	145275,3	-237,2	150813,9	428,2
2032	140831,0	-669,7	145038,1	-251,7	151242,1	447,7
2033	140161,3	-677,4	144786,4	-256,9	151689,8	479,5
2034	139486,8	-677,2	144529,5	-259,1	152169,3	512,4
2035	138809,6	-680,1	144270,4	-259,6	152681,7	542,5
2036	138129,5		144010,8		153224,2	

* Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://www.gks.ru/> (дата обращения: 20.02.2021).

По оптимистическому (высокому) варианту прогноза в 2035 г. естественный прирост населения составит около 80 тыс. человек, а общий прирост населения — 542,5 тыс. человек.

В 2020–2021 гг. наблюдается ухудшение демографической ситуации в стране в связи с пандемией, поэтому при прогнозировании необходима корректировка показателей. Авторами будет продолжено исследование демографических процессов с учетом происходящих изменений.

Заключение. В результате исследования выявлены тенденции в развитии демографической ситуации на разных уровнях — от отдельного региона до мира в целом, изучено влияние на нее отдельных

факторов, рассмотрены варианты прогноза. Сделан вывод о том, что без поддержки государства изменить демографическую ситуацию невозможно. Особое внимание следует уделить мерам, гарантирующей стабилизацию демографического положения в стране, по крайней мере, гарантировать, что социально-экономические условия жизни населения не будут ухудшаться. Финансовые, материальные, инфраструктурные, социально-культурные аспекты новых направлений государственной демографической политики по стимулированию рождаемости, снижению смертности, повышению уровня жизни населения должны представлять собой и реализовываться как единый комплекс инструментов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Шишкина М. А., Попова Л. А. Социальное развитие // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2017. Т. 10. № 1. С. 167.
2. Grant J. et. al. Low fertility and population ageing: causes, consequences and policy options. Santa Monica, 2004.
3. Kravdal O. Demographer's interest in fertility trends and determinants in developed countries: Is it warranted? // Demographic Research. Vol. 22. Art. 22. Published 20 April, 2010. Pp. 663–690. URL: <http://www.demographic-research.org/Volumes/Vol22/>.
4. Захарова О. Д., Акопян А. С., Харченко В. И. Эволюция рождаемости в России во второй половине XX века: история, современность и перспективы // Проблемы прогнозирования. М., 2002. С. 94–106.

5. Андреев Е. М. Конечный эффект мер демографической политики в России // Мир России. 2016. № 2. С. 68–100.
6. Архангельский В. Н., Зинькина Ю. В., Коротаев А. В., Шульгин С. Г. Современные тенденции рождаемости в России и влияние мер государственной поддержки // Социологические исследования. 2017. № 3. С. 43–50.
7. D'Addio A., D'Ercole M. Trends and determinants of fertility rates in OECD countries: the role of policies // OECD Social, Employment and Migration Working Papers. № 27. Paris. P. 47.
8. Cohen A., Romanov D., Dehejia R. 2013. Financial Incentives and Fertility // Review of Economics and Statistics. 2013. Vol. 950. No. 1. Pp. 1–20.
9. Фрейка Т., Захаров С. Эволюция рождаемости в России за полвека: оптика условных и реальных поколений // Демографическое обозрение. 2014. № 1. С. 106–143.
10. Захаров С. В., Богоявленский Д. Д., Исупова О. Г., Сакевич В. И., Комлева Р. Н., Чурилова Е. В. Дают ли тенденции рождаемости 2007–2012 гг. повод для оптимизма? // Население России 2012. Двадцатый ежегодный демографический доклад. М., 2014.
11. Зверева Н. В., В. Н. Архангельский Предварительные итоги и перспективы современной политики в области рождаемости // Федерализм. 2010. № 2 (58). С. 69–84.
12. Рыбаковский Л. Л., Савинков В. И., Кожевникова Н. И. Региональная динамика рождаемости и результативность демографической политики в России // Народонаселение. 2017. № 4. С. 4–18. DOI: 10.26653/1561-7785-2017-4-1.
13. Гришина Е. Н., Трусова Л. Н. Применение метода планирования эксперимента при исследовании региональных миграционных процессов // Успехи современной науки. 2017. № 3. С. 162–168.

REFERENCES

1. Shishkina M. A., Popova L. A. Social development // Economic and social changes: facts, trends, forecast. 2017. Vol. 10. No. 1. P. 167.
2. Grant J., et. al. Low fertility and population ageing: causes, consequences and policy options. Santa Monica, 2004.
3. Kravdal O. Demographer's interest in fertility trends and determinants in developed countries: Is it warranted? // Demographic Research. Vol. 22. Art. 22. Published 20 April, 2010. Pp. 663–690. URL: <http://www.demographic-research.org/Volumes/Vol22/>.
4. Zakharova O. D., Akopyan A. S., Kharchenko V. I. The evolution of fertility in Russia in the second half of the XX century: history, modernity and prospects // Forecasting problems. Institute of National Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences, Moscow: 2002. Pp. 94–106.
5. Andreev E. M. The final effect of demographic policy measures in Russia // Mir Rossii. 2016. No. 2. Pp. 68–100.
6. Arkhangelsky V. N., Zinkina Yu. V., Korotaev A. V., Shulgin S. G. Modern trends in the birth rate in Russia and the impact of state support measures // Sociological research. 2017. No. 3. Moscow: RAS. Pp. 43–50.
7. D'Addio A., D'Ercole M. Trends and determinants of fertility rates in OECD countries: the role of policies // OECD Social, Employment and Migration Working Papers. № 27. Paris. P. 47.
8. Cohen A., Romanov D., Dehejia R. 2013. Financial Incentives and Fertility // Review of Economics and Statistics. 2013. Vol. 950. No. 1. Pp. 1–20.
9. Freika T., Zakharov S. The evolution of the birth rate in Russia over half a century: the optics of conditional and real generations // Demographic review. 2014. No. 1. Pp. 106–143.
10. Zakharov S. V., Bogoyavlensky D. D., Isupova O. G., Sakevich V. I., Komleva R. N., Churilova E. V. Do the trends in the birth rate of 2007–2012 give reason for optimism? // Population of Russia 2012. The twentieth annual Demographic Report. Moscow, 2014.
11. Zvereva N. V., Arkhangelsk V. N. Preliminary results and prospects of modern policy in the field of fertility // Federalism. 2010. No. 2 (58). Pp. 69–84.
12. Rybakovsky L. L., Savinkov V. I., Kozhevnikova N. I. Regional dynamics of fertility and the effectiveness of demographic policy in Russia // Population. 2017. No. 4. Pp. 4–18. DOI: 10.26653/1561-7785-2017-4-1.
13. Grishina E. N., Trusova L. N. Application of the method of planning an experiment in the study of regional migration processes // Success of modern science. 2017. No. 3. Pp. 162–168.

Поступила в редакцию: 31.05.2021.

Принята к печати: 10.08.2021.

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ РЕГИОНАЛЬНОГО ПОТРЕБИТЕЛЬСКОГО РЫНКА

Н. П. Крылова, А. А. Степанова

Череповецкий государственный университет (Череповец, Россия)

Представлен анализ особенностей развития потребительского рынка на примере муниципального округа Череповец за период с 2015 по 2019 г., приводится динамика оборота розничной торговли, структура оборота по формам торговли. Также составлен социально-демографический портрет потребителя непродовольственных товаров, выявлены слабые и сильные стороны потребительского рынка Череповца.

Авторами используются методы опроса; синтеза, сравнения, анализа статистических данных Вологодской области и Российской Федерации. Приводятся результаты интернет-опроса, который был проведен в феврале-марте 2021 г.

Отмечается важность реализации муниципальных программ, нацеленных на развитие потребительского рынка, обеспечение потребителей профессиональным сервисом, повышение в целом качество жизни граждан, и оказывающих влияние на формирование комфортной городской среды.

Ключевые слова: потребительский рынок, развитие, потребитель, качество жизни, региональный, экономика, показатели оценки.

FEATURES OF THE REGIONAL CONSUMER MARKET DEVELOPMENT

N. P. Krylova, A. A. Stepanova

Cherepovets State University (Cherepovets, Russia)

The article presents an analysis of the features of the development of the consumer market on the example of the municipal district of Cherepovets for the period from 2015 to 2019, the dynamics of retail trade turnover, the structure of turnover by forms of trade, also it reveals the socio-demographic portrait of the consumer of non-food products, the weak and strong sides of the consumer market Cherepovets are presented.

The authors use methods of polling, synthesis, comparison, analysis of statistical data of Vologda region and the Russian Federation. The results of an Internet survey, which was conducted in February-March 2021, are presented.

The importance of the implementation of municipal programs aimed at developing the consumer market, providing consumers with professional services, improving the overall quality of life of citizens, influencing the formation of a comfortable urban environment is noted.

Keywords: consumer market, development, consumer, quality of life, regional, economy, assessment indicators.

Введение. Региональный потребительский рынок представляет собой одну из главных отраслей муниципального образования, региона в целом. Его изучение актуально в условиях социально-экономической трансформации народного хозяйства, он оказывает непосредственное влияние на формирование комфортной городской среды, тесно связан с качеством жизни граждан.

В статье проведен анализ текущего состояния и некоторых перспектив развития потребительского рынка непродовольственных товаров в сфере розничной торговли городского округа Череповец. Сравнивается оборот его розничной торговли, а также Вологодской области, Российской Федерации в целом, приводятся статистические данные по динамике оборота торговли на душу населения

по ряду российских городов: Череповца, Вологды, Челябинска, Липецка, Магнитогорска. Проведен опрос населения, выявлены покупательские предпочтения респондентов.

Согласно стратегии социально-экономического развития города Череповца до 2022 г., одной из целей в сфере торговли является удовлетворение спроса населения на потребительские товары в широком ассортименте, в первую очередь, отечественного производства, по доступным ценам в пределах территориальной доступности, повышение качества торгового сервиса, обеспечение прав потребителей на приобретение качественных и безопасных товаров¹.

Теоретические основы потребительского рынка. Вклад в изучение теоретических аспектов потребительского рынка внесли многие российские и зарубежные авторы, рассмотрим некоторые подходы к определению потребительского рынка (табл. 1).

Таблица 1

**Подходы к определению понятия
«потребительский рынок»**

Подход	Определение потребительского рынка	Авторы
Экономический	«Сфера товарного обращения, товарооборота» [1]	С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова
Отраслевой	«Подсистема социально-ориентированной экономики, главным активом которой являются социально-трудовые отношения» [2]	А. Н. Чаплина
Экономико-правовой	«Система (социально-экономических, правовых) отношений между продавцами (организациями, а также индивидуальными предпринимателями), реализующими товары по договору купли-продажи» [3]	А. И. Татаркин
Поведенческо-экономический	«Отдельные лица и домохозяйства, приобретающие товары и услуги для личного потребления» [4]	Ф. Котлер

Источник: составлено авторами.

В данной статье за основу берется экономический и экономико-правовой подход к интерпретации потребительского рынка.

Несмотря на отсутствие единой классификации рынка, его структуру можно разделить

на группы. Так, по назначению выделяется рынок продовольственных товаров, рынок непродовольственных товаров, товаров культурно-бытового назначения и хозяйственного обихода. Отмечается, что непродовольственный товар не предназначен для употребления в пищу [5].

Для развития потребительского рынка необходимо его взаимодействие с каждой составляющей государственной, региональной и муниципальной экономики. Взаимодействия также формируют мультипликативные эффекты, которые, в свою очередь, подразделяются на три направления. Первое направление состоит в том, что развитие потребительского рынка влияет как на предприятия, так и на потребителей. Для покупателей развитие потребительского рынка сказывается с точки зрения качества и разнообразия ассортимента товаров и услуг, а для предприятий — в необходимости увеличения численности высококвалифицированных работников и в изменении организационной структуры. Сущность второго направления связана с влиянием развития потребительского рынка на банковский и финансовый секторы, поставщиков различных услуг (информационных, консалтинговых). Развитие этого сегмента находится в прямой зависимости от объема и спроса на предоставляемые услуги.

Таблица 2

**Показатели оценки состояния регионального
потребительского рынка**

Автор	Основные показатели
Смирнов А. В.	«доходы населения, спрос на товары и услуги, уровень платежеспособности, динамика производства товаров массового потребления, объемы, ассортимент и качество товаров и услуг, цены на товары и услуги» [6]
Черемисинова Т. Н.	«оценка критериев физической доступности, экономической доступности, качества и достаточности потребления и качества продовольственных товаров» [7]
Мингазина Е. Р.	«выручка от реализации товаров (услуг), количество предприятий потребительского рынка на 10 тысяч жителей, соответствие торговых площадей установленным нормативам, количество посадочных мест на 10 тысяч жителей, объем инвестиций в потребительский рынок, заработная плата работников предприятий потребительского рынка, налоговые поступления в региональный консолидированный бюджет, и качественных (оборот от реализации товаров (услуг) на душу населения, соотношение продовольственных и непродовольственных товаров, качество реализуемых товаров и услуг)» [8]

Источник: составлено авторами.

¹ Решение Череповецкой городской Думы от 06.12.2016. № 242 «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития города Череповца до 2022 года «Череповец город возможностей». URL: <https://mayor.cherinfo.ru/1678> (дата обращения: 03.05.2021).

Третье направление подразумевает, что результатом динамики потребительского рынка становится общее социально-экономическое развитие территории, при этом открываются новые рабочие места, увеличивается валовый и национальный продукт, растут доходы бюджета.

Мультипликативные эффекты находятся под влиянием различных групп факторов (табл. 2), которые способны оказать как стимулирующее, так и сдерживающее воздействие, это факторы прямого и косвенного воздействия. Среди них выделяются следующие: потребности, уровень и качество жизни населения, уровень развития производства и пр. Состояние потребительского рынка является отражением уровня жизни, который представлен реальными доходами населения [9, 10].

Потребительский рынок обеспечивает рабочими местами тысячи людей и создает условия для реализации деятельности средних и малых предприятий. Таким образом, он играет весомую роль в развитии рыночной экономики, в том числе и на городском уровне, способствует повышению налоговых доходов бюджета и развитию региона.

Иерархическая система законодательства в России в сфере потребительского рынка состоит из федерального уровня, регионального и муниципального уровней. На федеральном уровне решаются вопросы о защите прав потребителей и интересов изготовителей товаров и продавцов. На региональном и муниципальном уровне есть отдельные нормативные правовые акты, которые регулируют отношения в области торговой деятельности, в функционировании розничных рынков, в организации и проведении ярмарок на территории города и в обороте алкогольной продукции.

В работе используются методы анализа, синтеза статистических данных, сравнения, интернет-опроса.

Результаты исследования. Рынок непродовольственных товаров рассматривается на материалах городского округа Череповец. Его площадь составляет 121 кв. км, что занимает 0,08% территории Вологодской области. Численность постоянного населения Череповца в 2019 г. — 314,8 тыс. человек [11], наблюдается тенденция его сокращения — на 3,7 тыс. человек, или 1,2% (рис. 1).

Рис. 1. Численность населения городского округа Череповец в 2015–2019 гг.
Источник: составлено авторами [11]

Анализ развития потребительского рынка Череповца позволяет выявить его сильные и слабые стороны. Так, среди сильных сторон выделяются следующие: устойчивый рост оборота розничной торговли (за 2015–2019 гг. он увеличился на 0,5% в фактических ценах и на 12,9% в сопоставимых ценах). За последние 5 лет в Череповце наблюдается увеличение торговых площадей, в том числе на 1 тыс. жителей, превышающих нормативы в 2,5 раза. Развивается также розничная торговля, в городе ведут активную деятельность также российские сетевые компании как «Красное и белое», «Магнит», «Пятерочка», «Бристоль». Эффективно реализуется политика органов местного самоуправления в отношении развития потребительского рынка (про-

ведение ярмарок, действует проект «Городская дисконтная карта «Забота»); выполняются соглашения между бизнесом и властью, направленные на поддержку социально незащищенных слоев населения и укрепление позиций местных производителей.

Однако есть и слабые стороны, а именно — большое количество действующих объектов сферы торговли и услуг в городе нуждается в реконструкции и модернизации с целью формирования современной городской среды. Быстрый рост торговой отрасли за последние 20 лет обусловил приток в отрасль работников с непрофильной квалификацией; наблюдается некоторая диспропорция в размещении организаций сферы потребительского рынка на территории города [11].

За последние 5 лет в городском округе Череповец наметилась устойчивая положительная тенденция к повышению удельного веса непродовольственных товаров. По данным Вологдастата в 2019 г. он составил 49,3%¹. Средняя номинальная заработная плата работников организаций Вологодской области в 2019 г. составила 39116 рублей, а Череповца — 48000 рублей. Весной 2020 г. розничная торговля столкнулась с новой волной кризиса из-за эпидемии коронавируса. Непродовольственный сектор был вынужден приостановить свою деятельность. Потребители стали все чаще заказывать товары через интернет-магазины, которые стали альтернативой офлайн-магазинам.

Значительно изменилось и потребительское поведение: ограничения из-за пандемии и сокращения реальных доходов населения привели к переходу на более дешевые товары; отказу от незапланированных покупок и сокращению частоты посещения торговых объектов [11].

Тем не менее оборот розничной торговли по итогам социально-экономического развития городского округа Череповец за январь — сентябрь 2020 г. снизился всего на 0,2% в сопоставимых ценах к уровню аналогичного периода 2019 г. [11].

С целью выявления покупательских предпочтений при покупке непродовольственных товаров, а также для составления портрета потребителя розничного рынка непродовольственных товаров на территории городского округа Череповец и Вологодской области был проведен интернет-опрос в феврале-марте 2021 г. В нем приняли участие 120 респондентов разных возрастных групп, социального положения и уровня дохода.

Анкета для потребителей включала в себя следующие разделы: частота и место покупки непродовольственных товаров, ассортимент, оценка потребительских свойств, предпочтения покупателей, проблематика рынка непродовольственных товаров. В данном исследовании приняли участие преимущественно женщины (62%), они чаще совершают покупки. Основными потребителями непродовольственной продукции являются респонденты в возрасте от 18 до 43 лет. В рамках исследования выявлен портрет среднестатистического потребителя розничного рынка непродовольственных товаров Череповца. Отмечаются следующие социально-демографические и географические характеристики потребителя: это пре-

имущественно женщина в возрасте от 31 до 43 лет (ядро целевой аудитории 35–40 лет); средний доход (от 30 до 50 тыс. руб. в месяц); живет в городе; замужем, имеет 1–2 детей; работает менеджером; ценит практичность, стабильность и удобство. Психологические характеристики — она рациональна в своем выборе, не совершает импульсивных покупок. Склонна к консерватизму, ориентируется на собственный опыт или рекомендации, тщательно осмысливает целесообразность совершения покупки. Поведенческие характеристики — регулярно совершает покупки в торговом центре рядом с домом. Совершая покупки, смотрит отзывы, сравнивает цены, опасается покупок через Интернет, так как они несут определенный риск. Подвержена влиянию скидок и акций. Ценит приемлемые цены, большой ассортимент, высокое качество товаров, профессиональный подход продавцов.

В ходе опроса было выявлено, что потребители непродовольственной продукции чаще всего совершают покупки в сетевых магазинах или в крупных торговых центрах (более четырех пятых опрошенных). На вопрос «Как часто Вы совершаете покупки непродовольственных товаров?» распределение ответов показало, что абсолютное большинство приобретают непродовольственные товары время от времени, то есть 1–2 раза в месяц (82%), а постоянно — лишь 14%. На потребительское поведение повлияли кризисные реалии. Люди стали больше денег тратить на продукты питания и меньше — на непродовольственные товары. Также наблюдается снижение расходов на бытовую технику, мебель, строительные материалы. Эти категории товаров реже всего покупают участники опроса (от 3 до 25% опрошенных). В то же время чаще всего респонденты покупают одежду и обувь (84% опрошенных).

Одним из важнейших экономических индикаторов, характеризующих развитие розничной торговли муниципального образования города Череповца, считается товарооборот как общий, так и на душу населения.

Данные таблицы 3 свидетельствуют, что оборот розничной торговли городского округа Череповец показывает устойчивые темпы роста. Проследживается явная тенденция к увеличению оборота розничной торговли в действующих ценах. Далее представим сравнение оборота торговли по формам торговли Череповца и Вологодской области.

Данные таблицы 4 свидетельствуют о том, что розничные рынки и ярмарки занимают минимальную долю в структуре торгового оборота и Череповца и Вологодской области. Сравнительные показатели по Череповцу и Вологодской области имеют минимальные отклонения.

¹ Решение Череповецкой городской Думы от 06.12.2016. № 242 «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития города Череповца до 2022 года «Череповец город возможностей». URL: <https://mayor.cherinfo.ru/1678> (дата обращения: 25.05.2021).

Таблица 3

Оборот розничной торговли в 2015–2019 гг. по городскому округу Череповец

Показатели	2015	2016	2017	2018	2019
Оборот розничной торговли, млн руб.	48 729	49 989	54 022	59 430	63 289
Темп роста в действующих ценах, %	106,5	103	108	110	107
Темп роста в сопоставимых ценах, %	90,4	95,6	105,2	107,8	103,3

Источник: составлено авторами [12].

Таблица 4

Структура оборота по формам торговли по городскому округу Череповец и Вологодской области за 2015–2019 гг., %

Субъект	2017		2018		2019	
	Торгующие организации	Розничные рынки и ярмарки	Торгующие организации	Розничные рынки и ярмарки	Торгующие организации	Розничные рынки и ярмарки
Вологодская область	99,0	1,0	99,0	1,0	99,1	0,9
Череповец	99,2	0,8	9,3	0,7	99,4	0,6

Источник: составлено авторами [12].

В ходе анализа также выявлено, что количество объектов мелкорозничной торговой сети в Череповце за 2015–2019 гг. уменьшилось на 3 единицы, или 1,2%, а их торговая площадь увеличилась на 1,9 тыс. кв. м, или 35,1%, это связано с переиз-

бытком стационарных площадей, превышающий норматив в 2,5 раза.

Далее рассмотрим оборот розничной торговли в Череповце в сравнении с оборотом Российской Федерацией в целом и Вологодской областью.

Таблица 5

Оборот розничной торговли Российской Федерации, Вологодской области и городского округа Череповец за 2015–2019 гг., млн руб.

Годы	Оборот розничной торговли, млн руб.			Темп роста, %		
	Российская Федерация	Вологодская область	Череповец	Оборот розничной торговли, млн руб.		
				Российская Федерация	Вологодская область	Череповец
2014	26 356 273	149 041	45 764	-	-	-
2015	27 526 793	157 333	48 729	104,4	105,6	106,5
2016	28 240 885	161 530	49 989	102,6	102,7	102,6
2017	29 745 536	171 979	54 022	105,3	106,5	108,1
2018	31 579 372	186 480	59 430	106,2	108,4	110,0
2019	33 624 303	198 097	63 289	106,5	106,2	106,5

Источник: составлено авторами [12, 13].

Данные таблицы 5 свидетельствуют, что динамика оборота розничной торговли за 5 лет кроме Череповца также свойственна Вологодской области и Российской Федерации в целом.

Среднемесячная начисленная заработная плата является одним из ключевых факторов, влияю-

щих на оборот розничной торговли. Сравнение оборота розничной торговли на душу населения и среднемесячной начисленной заработной платы по России, Вологодской области и Череповцу в 2019 г. представлено на рисунке 2.

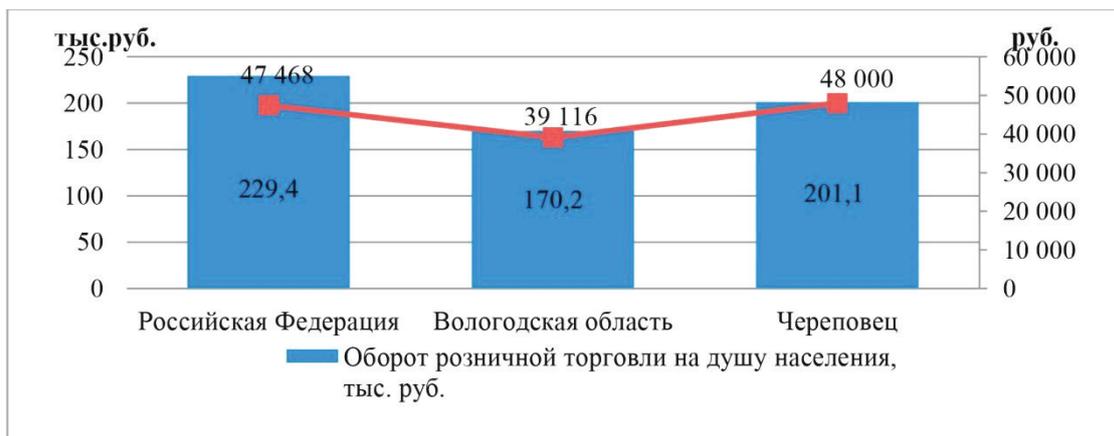

Рис. 2. Оборот розничной торговли на душу населения и среднемесячная заработная плата по России, Вологодской области и Череповцу в 2019 г.

Источник: составлено авторами [12, 13]

Для большей наглядности представим динамику оборота розничной торговли на душу населения

Череповца, Вологды, Липецка, Челябинска и Магнитогорска за период с 2015 по 2019 г.

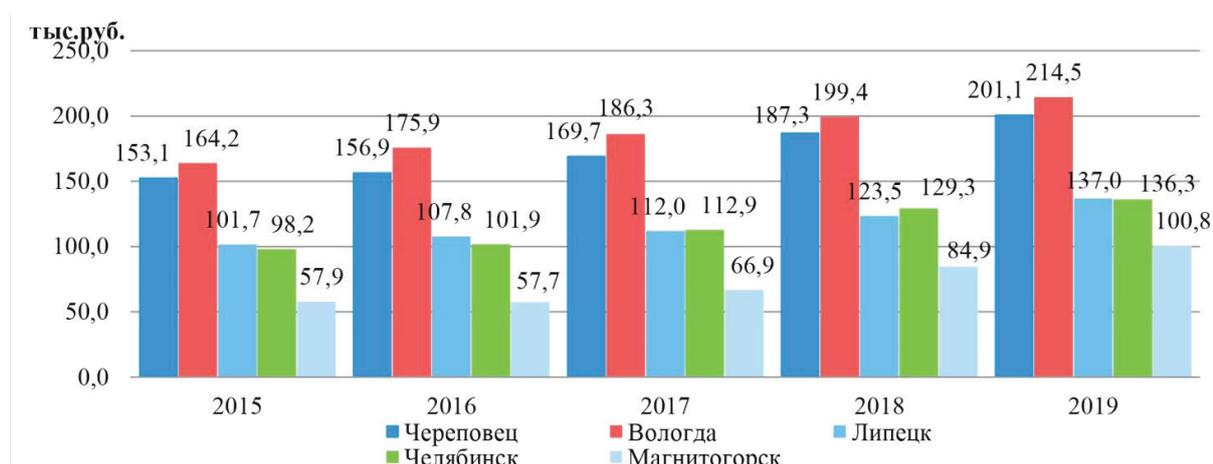

Рис. 3. Динамика оборота розничной торговли на душу населения Череповца, Вологды, Липецка, Челябинска и Магнитогорска в 2015–2019 гг.

Источник: составлено авторами [12, 13, 14]

Динамика роста оборота розничной торговли на душу населения за анализируемый период зафиксирован во всех пяти муниципальных образованиях. Вологда и Череповец в 2019 г. лидируют по товарообороту на душу населения — более 200 тыс. руб.

Сравнение оборота розничной торговли на душу населения и среднемесячной начисленной заработной платы указывает на то, что в городе более высокая заработная плата, чем в среднем по области и стране в целом, однако уровень потребительских расходов на розничную торговлю ниже.

За исследуемый период (2015–2019 гг.) наблюдается увеличение количества торговых объ-

ектов в Череповце на 0,2%, а их торговых площадей — на 16,4%. Стационарная торговля Череповца в 2015 г. была представлена 408 магазинами продовольственных товаров и 1117 — непродовольственных товаров. В 2016 г. эти показатели составили 408 единиц и 1191 единицы соответственно; в 2017 г. — 490 и 1199 единицы; в 2018 г. — 523 и 1216 магазинов, а в 2019 году они достигли значений в 517 и 1135 единиц.

Таким образом, количество продовольственных магазинов с 2015 по 2019 г. выросло на 109 единиц и непродовольственных — на 18 единиц, количество торговых площадей продовольственных магазинов увеличилось на 58,5 тыс. кв. м, непродовольственных — на 10,4 тыс. кв. м [14].

Заключение. В результате исследования выявлено, что в Череповце за рассматриваемый период зафиксирован устойчивый темп роста оборота розничной торговли. Ее положительная динамика наблюдается не только в Череповце, но и в целом по Вологодской области.

В Череповце за 5 лет (2015–2019 гг.) зафиксировано увеличение количества торговых объектов и торговых площадей. В связи с их увеличением выросло и количество работающих в сфере розничной торговли на 1212 человек. В 2019 г. оно составило 19822 человека. Но количество работающих в непродовольственных магазинах за 2015–2019 гг. снизилось на 272 человека [14].

Пандемия лишь незначительно повлияла на покупательское поведение и снижение частоты совершаемых покупок.

Среди возможных факторов позитивного влияния на увеличение оборота розничной торговли может служить рост денежных доходов населения, развитие новых предприятий, модернизация существующих производств.

Для улучшения уровня удовлетворения потребителей в Череповце действует ряд программ, например, утверждена Муниципальная программа «Содействие развитию потребительского рынка в городе Череповце на 2013–2022 годы». Целью данной Программы является создание необходимых условий для полного удовлетворения спроса населения на потребительские товары и услуги в широком ассортименте предпочтительно

отечественного производства, с соблюдением доступных цен в пределах территориальной доступности, повышением уровня качества торгового сервиса, соблюдением права потребителей на приобретение качественных и безопасных товаров и услуг¹.

В период 2013–2022 гг. данная Программа реализует следующие задачи: анализ и прогнозирование развития потребительского рынка в городе; обеспечение экономической (ценовой) и физической (территориальной) доступности товаров и услуг для населения города; реорганизация сети мелкорозничной торговли; содействие продвижению на потребительский рынок города Череповца товаров местных товаропроизводителей; повышение качества и безопасности товаров и услуг на потребительском рынке; формирование оптимальной инфраструктуры оптовой торговли города. Анализ освоения денежных средств Программы показал, что их использование в рамках городского бюджета выполнено полностью в 2016, 2017 и 2019 гг. Таким образом, в городе Череповце есть все основания для дальнейшего позитивного развития потребительского рынка и создания комфортной городской среды для населения.

¹ Муниципальная программа «Содействие развитию потребительского рынка в городе Череповце на 2013–2022 годы», утвержденная постановлением мэрии г. Череповца от 10.10.2012 № 5371 (ред. от 21.11.2019). URL: <https://cherinfo.ru/potreb> (дата обращения: 10.06.2021).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., доп. М., 2006. 944 с.
2. Чаплина А. Н. Управление потребительским рынком в региональной экономике // Проблемы современной экономики. 2008. № 2. С. 12.
3. Татаркин А. И., Куклин А. А. Изменение парадигмы исследований экономической безопасности региона // Экономика региона. 2012. № 2. С. 25–39.
4. Котлер Ф., Армстронг Г. Основы маркетинга: профессиональное издание / пер. с англ. О. Л. Пелявского и А. В. Назаренко. 12-е изд. М., 2009. 1067 с.
5. Селезнева Е. Ю. Развитие потребительского рынка как фактор социально-экономической безопасности региона: дисс. ... канд. экон. наук. Киров, 2020. С. 33–34. URL: https://www.vyatsu.ru/uploads/file/2007/diss_selezneva.pdf (дата обращения: 03.05.2021).
6. Смирнов А. В. Модель функционирования регионального потребительского рынка: автореф. дисс. ... канд. экон. наук. Владимир, 2006. 23 с.
7. Черемисина Т. Н. Регулирование регионального потребительского рынка товаров на основе экономической диагностики. Тамбов, 2012. 141 с.
8. Мингазинова Е. Р. Развитие механизма государственного регулирования регионального потребительского рынка: автореф. дисс. ... канд. экон. наук. Пермь, 2007. 22 с. URL: https://static.freereferats.ru/_avtoreferats/01003315869.pdf (дата обращения: 13.05.2021).
9. Газизов Д. И. Обзор методов статистического анализа временных рядов и проблемы, возникающие при анализе нестационарных временных рядов // Научный журнал. 2016. № 3 (4). URL: <https://cyberleninka>.

ru/article/n/obzor-metodov-statisticheskogo-analiza-vremennyh-ryadov-i-problemy-voznikayuschie-pri-analize-nestatsionarnyh-vremennyh-ryadov (дата обращения: 5.05.2021).

10. Лунева Е. А., Катунина Н. В., Реброва Н. П. Картирование как метод анализа потребительского опыта в маркетинге // Московский экономический журнал. 2020. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kartirovanie-kak-metod-analiza-potrebitelskogo-opyta-v-marketinge> (дата обращения: 15.05.2021).

11. Официальный сайт Правительства Вологодской области. Статистика. URL: http://www.vologda-oblast.ru/o_region/statistika/ (дата обращения: 16.05.2021).

12. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики по Вологодской области. Основные показатели торговли и общественного питания. URL: <https://vologdastat.gks.ru/folder/26939> (дата обращения: 10.05.2021).

13. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 12.05.2021).

14. Вологодская область в цифрах. 2019: крат. Стат. сб. / Вологдастат. URL: [https://vologdastat.gks.ru/storage/mediabank/%D0%92%D0%9E%20%D0%B2%20%D1%86%D0%B8%D1%84%D1%80%D0%B0%D1%85\(1\).pdf](https://vologdastat.gks.ru/storage/mediabank/%D0%92%D0%9E%20%D0%B2%20%D1%86%D0%B8%D1%84%D1%80%D0%B0%D1%85(1).pdf) (дата обращения: 15.05.2021).

REFERENCES

1. Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. Explanatory dictionary of the Russian language: 80,000 words and phraseological expressions. 4th ed., Add. Moscow, 2006. 944 p.

2. Chaplina A. N. Management of the consumer market in the regional economy // Problems of the modern economy. 2008. No. 2. P. 12.

3. Tatarin A. I., Kuklin A. A. Changing the paradigm of studies of the economic security of the region // Economy of the region. 2012. No. 2. Pp. 25–39.

4. Kotler F., Armstrong G. Fundamentals of Marketing: Professional Edition / tr. from English O. L. Pelyavsky and A. V. Nazarenko. 12th ed. Moscow, 2009. 1067 p.

5. Selezneva E. Yu. Dissertation for the degree of candidate of economic sciences. Development of the consumer market as a factor in the socio-economic security of the region. Kirov, 2020. Pp. 33–34. URL: https://www.vyatsu.ru/uploads/file/2007/diss_selezneva.pdf (date of access: 03.05.2021).

6. Smirnov A. V. Model of functioning of the regional consumer market: abstract diss. ... cand. econom. sciences. Vladimir, 2006. 23 p.

7. Cheremisina T. N. Regulation of the regional consumer market of goods on the basis of economic diagnostics. Tambov, 2012. 141 p.

8. Mingazinova E. R. Development of the mechanism of state regulation of the regional consumer market: abstract of diss. ... cand. econom. sciences. Perm, 2007. 22 p. URL: <https://static.freereferats.ru/avtoreferats/01003315869.pdf> (date of access: 13.05.2021).

9. Gazizov D. I. Review of methods of statistical analysis of time series and problems arising in the analysis of non-stationary time series // Scientific journal. 2016. No. 3 (4). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obzor-metodov-statisticheskogo-analiza-vremennyh-ryadov-i-problemy-voznikayuschie-pri-analize-nestatsionarnyh-vremennyh-ryadov> (date of access: 05.05.2021).

10. Luneva E. A., Katunina N. V., Rebrova N. P. Mapping as a method of analyzing consumer experience in marketing // Moscow Economic Journal. 2020. No. 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kartirovanie-kak-metod-analiza-potrebitelskogo-opyta-v-marketinge> (date of access: 15.05.2021).

11. Official site of the Government of the Vologda region. Statistics. URL: http://www.vologda-oblast.ru/o_region/statistika/ (date of access: 16.05.2021).

12. Official site of the Federal State Statistics Service for the Vologda Oblast. The main indicators of trade and public catering. URL: <https://vologdastat.gks.ru/folder/26939> (date of access: 10.05.2021).

13. Official site of the Federal State Statistics Service. URL: <https://rosstat.gov.ru/> (date of access: 12.05.2021).

14. Vologda region in figures. 2019: krat. Stat. Sat. / Vologdstat. URL: [https://vologdastat.gks.ru/storage/mediabank/%D0%92%D0%9E%20%D0%B2%20%D1%86%D0%B8%D1%84%D1%80%D0%B0%D1%85\(1\).pdf](https://vologdastat.gks.ru/storage/mediabank/%D0%92%D0%9E%20%D0%B2%20%D1%86%D0%B8%D1%84%D1%80%D0%B0%D1%85(1).pdf) (date of access: 15.05.2021).

Поступила в редакцию: 25.06.2021.

Принята к печати: 27.07.2021.

ОЦЕНКА ЗАТРАТ НА ФИНАНСИРОВАНИЕ ИННОВАЦИЙ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Ю. С. Пиньковецкая

Ульяновский государственный университет (Ульяновск, Россия)

Статья посвящена актуальной проблеме финансового обеспечения развития инноваций в субъектах Российской Федерации. Целью исследования является оценка доли затрат по финансированию инноваций в доходах, полученных от реализации произведенных товаров, работ и услуг в инновационных организациях. Исследование строилось на использовании официальных статистических данных за 2017–2019 гг., характеризующие затраты на финансирование инноваций организациями, расположенными в 82 субъектах страны. В процессе исследования разрабатывались экономико-математические модели, представляющие собой функции нормального распределения. Доказано, что существенных изменений значения доли затрат на финансирование инноваций в сумме доходов, поступивших от сбыта произведенной продукции организациями, расположенными в субъектах в 2017–2019 гг., не претерпели. Показано, что затраты на финансирование инноваций по организациям составляют небольшую долю в сумме доходов, поступивших от сбыта произведенной продукции. Подтверждено, что значения удельных весов затрат на финансирование инноваций существенно дифференцированы по субъектам. Полученные результаты обладают новизной и оригинальностью. Авторский подход к оценке доли затрат на финансирование инноваций в сумме доходов, поступивших от сбыта произведенной продукции организациями, может применяться в дальнейших исследованиях. Предложенные инструменты могут быть использованы и при проведении мониторинга затрат на финансирование инновационной деятельности в организациях. Результаты исследования важно применять в текущей деятельности государственных структур и общественных организаций, при обосновании мероприятий по совершенствованию использования инноваций.

Ключевые слова: инновации, инвестиции в инновации, инновационные товары и услуги, предприятия и организации, субъекты страны, функции нормального распределения, оценка затрат на инновации, развитие инноваций.

ASSESSMENT OF THE COSTS OF FINANCING INNOVATIONS: REGIONAL ASPECT

I. S. Pinkovetskaia

Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russia)

The article is devoted to the actual problem of financial support for the development of innovations. The purpose of the study is to estimate the share of innovation financing costs in the income received by organizations from the sale of manufactured goods, works and services for innovative organizations located in each of the regions of Russia. As the initial information, the study used official statistics for 2017–2019, which characterize the costs of financing innovations by organizations located in 82 regions of Russia. In the course of the study, economic and mathematical models were developed that represent the functions of the normal distribution. It is proved that there were no significant changes in the value of the share of innovation financing costs in the amount of income received from the sale of manufactured products by organizations located in the regions in 2017–2019. It is shown that the costs of financing innovations for organizations account for a small share in the amount of income received from the sale of manufactured products. It is shown that the values of the specific weights of innovation financing costs were significantly differentiated by region. The results obtained are new and original. The methodological approach presented in the article to estimate the share of innovation financing costs in the amount of revenue received from sales of manufactured products by organizations located in the regions can be used in further research. The proposed tools can be used to monitor the costs of financing innovation activities

---

in organizations. The results of the work can be applied in the current activities of state structures and public organizations, when justifying measures for the development of innovative activities.

Keywords: innovation, innovation financing, innovative products, technological organizations, Russian regions, normal distribution functions, innovation cost estimation, innovation development.

В России сформировались высокие ожидания роста инноваций в экономике каждого из субъектов страны. На основе внедрения инноваций предполагается переход к более технологичным и эффективным формам и методам деятельности предприятий и организаций. Для повышения уровня инновационной деятельности важным представляется обеспечение ее финансирования. Поэтому актуальной проблемой является рассмотрение финансового обеспечения разви-

тия инноваций в современных условиях. При этом необходимо основное внимание обратить на изучение региональных аспектов указанной научной проблемы.

Проблеме финансирования инновационной деятельности в России посвящен значительный ряд научных публикаций, изданных в 2019–2020 гг. Краткая характеристика этих публикаций приведена в таблице 1.

Таблица 1

Научные публикации по финансированию инновационной деятельности в России

Авторы	Исследуемые проблемы	Период, годы	Объекты инноваций	Тип показателей
И. М. Маренков [1]	Оценка состояния инноваций и инвестиций в промышленность России	2005–2016	Промышленные предприятия России	Абсолютные и удельные
Н. Н. Семенова [2]	Основные источники финансирования инноваций	2000–2017	Организации в России	Абсолютные и удельные
Е. В. Красова [3]	Структура источников финансирования инноваций	2010–2017	Расходы бюджета в России	Абсолютные и удельные
В. В. Макаров и др. [4]	Финансирование инновационных проектов	2017–2018	ПАО «Ростелеком»	Абсолютные
А. П. Соколова, Е. А. Кабанник [5]	Финансирование инновационных компаний	2013–2018	Организации в России	Качественные
Е. Е. Баркова [6]	Источники финансирования инноваций на разных этапах	-	Инновационные предприятия	Индексы
Е. Г. Шеина [7]	Венчурное финансирование инноваций	2013–2018	Организации в России	Абсолютные
М. В. Райская [8]	Инновации с использованием лизинга	2015–2019	Лизинговый рынок	Абсолютные
Е. Н. Быковская и др. [9]	Финансирование инновационной деятельности в условиях цифровой экономики	2018	Организации в России	-
А. Ф. Лещинская и др. [10]	Финансирование технологических инноваций	2014–2019	Отрасль нефтедобычи	Индексы
О. Н. Денисова [11]	Венчурное финансирование инновационного малого бизнеса	-	Малые предприятия	-

Источник: Таблица составлена автором на основе информации, приведенной в РИНЦ.

Исходя из данных таблицы 1, можно констатировать, что проблема исследования финансирования инновационной деятельности является достаточно актуальной в России. В большинстве из рассмотренных исследований проведен анализ финансирования инноваций по стране в целом, либо отдельным видам экономической деятельности. Можно отметить, что сравнительному анализу средств, которые были затрачены организациями, осуществлявшими технологические

инновации по субъектам страны, в выполненных в России исследованиях уделяется слабое внимание. В публикациях оценивались, как правило, абсолютные значения затрат на инновационную деятельность, что для сравнительного анализа по субъектам страны представляется нелогичным, поскольку они существенно отличаются по количеству предприятий и организаций, численности населения, размерам и расположению. Учитывая это, представляется целесообразным проведение

анализа затрат на инновационную деятельность по удельным показателям в каждом из субъектов страны.

Целью исследования была оценка доли затрат по финансированию инноваций в доходах, полученных от реализации произведенных товаров, работ и услуг инновационными организациями, расположенными практически в каждом из субъектов Российской Федерации.

Теоретические аспекты инновационной деятельности организаций подробно представлены в [12]. При этом под инновациями понимаются как производство продукции (товаров и услуг) в новом или усовершенствованном варианте, который существенно отличается от производимой ранее продукции, так и внедрение в организациях новых или более совершенных процессов производства, значительно отличающихся от тех, которые применялись ранее. Соответственно, инновации могут быть двух видов. Первый вид инноваций включает более совершенные товары и услуги, а второй — связан с изменениями в производственных процессах. Оба объединяются таким понятием, как технологические инновации. Необходимо отметить, что финансирование технологических инноваций включает затраты по проведению следующих мероприятий:

- внедрение нового оборудования, инструментов и комплектующих;
- изменение технологий производства и создание новой продукции (товаров и услуг);
- изменение логистических, транспортных, распределительных операций, связанных со снабжением организаций и реализацией готовой продукции;
- совершенствование технологии и организации информационных процессов;
- использование более эффективных методов ведения производственной деятельности, управления ею, включая вопросы учета и контроля;
- развитие взаимодействия организаций с внешней средой;
- повышение эффективности кадровой политики;
- совершенствование методов и форм маркетинга и ценообразования.

Анализ выполненных ранее исследований, в том числе приведенных в таблице 1, позволил сделать вывод, что в качестве показателей, описывающих финансирование инновационной деятельности, целесообразно использование доли затрат по финансированию инноваций в доходах от реализации произведенных товаров, работ и услуг организациями, которые ведут свою деятельность в каждом субъекте страны.

В процессе исследования было реализовано три этапа. Первый — связан с формированием исходных эмпирических данных, описывающих затраты на инновационную деятельность в доходах, полученных организациями от этой деятельности по каждому из субъектов страны. Второй этап предусматривал оценку распределения значений удельного веса затрат на финансирование инноваций в объемах реализованной продукции. Третий этап связан с проведением сравнительного анализа, который позволил выявить субъекты страны, в которых значения показателей были минимальными и максимальными.

Исследование строилось на использовании официальных статистических данных за 2017–2019 гг., характеризующих затраты на финансирование инноваций организациями, расположенными в 82 субъектах Российской Федерации [13]. При этом не учитывались субъекты страны, данные по которым учитываются в более крупных территориальных образованиях. Речь идет об автономных округах, данные по которым включены в информацию по Архангельской и Тюменской областям.

Экономико-математическое моделирование, используемое для проведения оценок распределенных значений доли затрат на финансирование инноваций в сумме доходов, поступивших от сбыта организациями произведенной продукции по субъектам страны, применялись функции нормального распределения. В статьях [14, 15] представлен методический подход к разработке и использованию такой функции для определения средних значений показателей по субъектам страны, а также диапазона их вариации.

Проведенное исследование включало проверку трех следующих гипотез:

- гипотеза 1 — затраты на финансирование инноваций по организациям составляют небольшую долю в сумме доходов, поступивших от сбыта произведенной продукции;
- гипотеза 2 — имеют место существенные различия значений каждого из показателей в организациях, находящихся в разных субъектах страны;
- гипотеза 3 — географическое положение субъектов страны существенно не влияет на то, относятся ли значения показателей по ним к максимальным и минимальным.

Процесс вычислительного эксперимента заключался в разработке экономико-математических моделей, описывающих эмпирическую информацию. Модели, характеризующие плотности распределения (y) трех показателей ($x, \%$) за разные годы по 82 субъектам страны, продемонстрировали следующее:

— доли затрат на финансирование инноваций в сумме доходов организаций, поступивших от сбыта произведенной продукции, в 2017 году:

$$y_1(x_1) = \frac{75,17}{1,21 \times \sqrt{2\pi}} \cdot e^{-\frac{(x_1-1,53)^2}{2 \times 1,21 \times 1,21}}; \quad (1)$$

— доли затрат на финансирование инноваций в сумме доходов организаций, поступивших от сбыта произведенной продукции, в 2018 г.:

$$y_2(x_2) = \frac{88,83}{1,18 \times \sqrt{2\pi}} \cdot e^{-\frac{(x_2-1,41)^2}{2 \times 1,18 \times 1,18}}; \quad (2)$$

— доли затрат на финансирование инноваций в сумме доходов организаций, поступивших от сбыта произведенной продукции, в 2019 г.:

$$y_3(x_3) = \frac{68,33}{1,09 \times \sqrt{2\pi}} \cdot e^{-\frac{(x_3-1,38)^2}{2 \times 1,09 \times 1,09}}. \quad (3)$$

Таблица 2

Значения показателей удельного веса затрат на инновационную деятельность, %

Наименования показателей	Средние величины	Значения для большинства субъектов страны
Доли затрат на финансирование инноваций в сумме доходов, поступивших от сбыта произведенной продукции организациями, в 2017 г.	1,53	0,32–2,74
Доли затрат на финансирование инноваций в сумме доходов, поступивших от сбыта произведенной продукции организациями, в 2018 г.	1,41	0,23–2,59
Доли затрат на финансирование инноваций в сумме доходов, поступивших от сбыта произведенной продукции организациями, в 2019 г.	1,38	0,29–2,47

Источник: показатели рассчитаны автором исходя из моделей (1) — (3).

Второй этап работы позволил выявить закономерности, вытекающие из анализа, разработанных моделей с первой по третью. Итоги этого анализа сведены в таблицу 2, в которой по каждому году приведены данные, характеризующие как средние значения долей затрат на финансирование инноваций в сумме доходов организаций, поступивших от сбыта произведенной продукции, (второй столбец), так и диапазоны изменения соответствующих значений по большинству субъектов страны (третий столбец).

Средние значения доли затрат на финансирование инноваций в сумме доходов организаций, поступивших от сбыта произведенной продукции (табл. 2), находились в 2017–2019 гг. в диапазоне от 1,53 до 1,38%. При этом за рассматриваемые годы наблюдалось небольшое (на 0,15%) снижение рассматриваемых показателей. В 2019 г. их значения на уровне ниже среднего (1,38%) наблюдались в 47 субъектах страны. Интервалы изменения показателей по большинству субъектов за эти годы были следующие: наименьшее значение составляло 0,23%, а наибольшее — 2,74%. То есть затраты по большинству субъектов не превышали одной тридцатой от общей стоимости, произведенной инновационными организациями продукции и оказанных услуг. Таким образом, изложенное выше показывает, что первая гипотеза нашла свое подтверждение.

Для проверки гипотезы 2 о дифференциации показателей по субъектам страны был проведен анализ размаха вариации каждого из показателей,

представленных в таблице 2. Индексы вариации составили: для первого показателя — 79%, для второго — 84%, для третьего показателя — 79%. Таким образом, была подтверждена вторая гипотеза о существенных различиях всех показателей по субъектам страны.

Третий этап позволил определить перечни субъектов страны с максимальными и минимальными значениями долей затрат на финансирование инноваций в сумме доходов, поступивших от сбыта произведенной продукции организациями, расположенных в соответствующих субъектах Российской Федерации. При этом максимальными и минимальными являются значения, которые, соответственно, превышают верхнюю границу диапазона в 2019 г. и меньше по сравнению с нижней границей диапазона (третий столбец). Указанные перечни представлены во втором и третьем столбце таблицы 3. Кроме перечней субъектов страны в указанных столбцах приведены также наименования федеральных округов и удельные веса инновационных организаций в субъектах страны, которые указаны в скобках.

Показатели в таблице 3 позволяют сделать выводы о величинах финансирования инновационной деятельности в организациях, с максимальными (столбец 2) и минимальными (столбец 3) значениями доли затрат. Анализ информации о территориальном размещении субъектов страны показал отсутствие связи с их включенными в тот или иной федеральный округ. Таким образом, можно констатировать подтверждение третьей гипотезы.

Таблица 3

**Субъекты страны, для которых в 2019 году отмечались максимальные
и минимальные значения показателей**

Наименование показателя	Максимальные значения	Минимальные значения
Доля затрат на финансирование инноваций в сумме доходов, поступивших от сбыта произведенной продукции организациями, в 2019 г.	Нижегородская область (8,0%), Тульская область (6,9%), Сахалинская область (5,5%), Республика Тыва (5,3%), Хабаровский край (5,0%), Липецкая область (3,8%), г. Москва (3,6%), г. Севастополь (3,5%), республика Бурятия (3,5%), Чувашская Республика (3,5%), Тамбовская область (3,5%), Республика Татарстан (3,3%), Республика Мордовия (3,1%), Самарская область (2,9%). Расположены в Центральном (четыре субъекта), Приволжском (пять субъектов), Южном (один субъект), Дальневосточном и Сибирском федеральных округах по два субъекта	Республика Дагестан (0,25%), Вологодская область (0,20%), Республика Калмыкия (0,19%), Республика Хакасия (0,10%), Псковская область (0,10%), Орловская область (0,10%), Ивановская область (0,10%), Карачаево-Черкесская Республика (0,08%), Республика Северная Осетия (0,05%), Чеченская Республика (0,04%), Республика Ингушетия (0,02%). Расположены в Центральном (два субъекта), Северо-Западном (два субъекта), Южном (один субъект), Северо-Кавказском (пять субъектов), Сибирском (один субъект) федеральных округах

Источник: анализ выполнен автором по данным таблицы 1 и статистической информации.

Итак, поставленная в исследовании цель, заключающаяся в оценке доли затрат на финансирование инноваций в сумме доходов, поступивших от сбыта произведенной продукции организациями, расположенными в конкретном субъекте страны за 2017–2019 гг., была достигнута. О научной новизне и оригинальности свидетельствуют следующие результаты:

1. Апробирован авторский подход к оценке доли затрат на финансирование инноваций в сумме доходов, поступивших от сбыта произведенной продукции организациями Российской Федерации.

2. Разработаны экономико-математические модели, описывающие распределение показателей по данным за 2017, 2018, 2019 гг.

3. Доказано, что существенных изменений значения доли затрат на финансирование инноваций в сумме доходов, поступивших от сбыта произведенной продукции организациями, расположенными в разных субъектах страны в 2017–2019 гг., не претерпели.

4. Показано, что средние затраты на финансирование инноваций по организациям в 2017–2019 гг. составляли небольшую долю (менее 2%) в сумме доходов, поступивших от сбыта произведенной продукции.

5. Подтверждено, что значения удельных весов затрат на финансирование инноваций были существенно дифференцированы по субъектам.

6. Выявлены субъекты страны с максимальными и минимальными значениями в 2019 г. удельного веса затрат на финансирование инноваций.

В субъектах с высоким уровнем финансирования инноваций соответствующие затраты

составляют от 2,9 до 8% от суммы доходов, поступивших от сбыта произведенной продукции. Для субъектов с низкими значениями показателей они находятся в диапазоне от 0,02 до 0,25%. Полученные результаты исследования свидетельствуют о неравномерности инновационного развития организаций в российских регионах. Такое положение противоречит задачам существенного роста инновационной активности предприятий и организаций во всех без исключения регионов, определенных решениями Правительства Российской Федерации. Поэтому в регионах с низким уровнем финансирования инноваций необходима реализация мероприятий по стимулированию вложений в производство инновационной продукции.

Итоги проведенного исследования имеют теоретическую и практическую значимость. Приведенный в статье инструментальный оценки доли затрат на финансирование инноваций в сумме доходов, поступивших в организации от сбыта произведенной продукции организациями, может применяться в дальнейших исследованиях. Предложенные инструменты могут быть использованы при проведении мониторинга затрат на финансирование инновационной деятельности в организациях. Результаты исследования также могут применяться в текущей деятельности государственных структур и общественных организаций, при обосновании мероприятий по развитию инновационной деятельности. Кроме того, полученная информация может использоваться для решения задач повышения доли инновационных организаций в субъектах страны, где такие организации не получили широ-

кого развития. Результаты исследования необходимы для лизинговых фирм, обеспечивающих внедрение новой техники и передовых технологий.

Дальнейшие исследования могут быть проведены для оценки отраслевых особенностей, характерных для финансирования инноваций.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Маренков И. М. Инновации в промышленности России: состояние и перспективы развития // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2019. № 1. С. 35–42.
2. Семенова Н. Н. Финансирование инноваций как условие формирования новой модели экономического развития России // Финансовая жизнь. 2019. № 1. С. 77–82.
3. Красова Е. В. Государственное финансирование инноваций в России: динамика и специфика // Территория новых возможностей. Вестник ВГУЭС. 2019. № 1. С. 47–58.
4. Макаров В. В., Слуцкий М. Г., Александрова Н. А. Результаты реализации инновационных проектов в ПАО «Ростелеком» // Евразийское научное объединение. 2019. № 5–4 (51). С. 286–289.
5. Соколова А. П., Кабанник Е. А. Экономические условия и приоритетные направления инновационного развития экономики России // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2020. № 1. С. 86–94.
6. Баркова Е. Е. Разработка алгоритма выбора источника финансирования инновационных проектов на ранних стадиях жизненного цикла // Вестник Российского университета кооперации. 2020. № 1 (39). С. 11–18.
7. Шеина Е. Г. Венчурное финансирование инновационной деятельности субъектов хозяйствования в условиях формирования экономики опережающего развития // Российский экономический вестник. 2020. Т. 3. № 2. С. 206–214.
8. Райская М. В. Сфера применения, состояние и перспективы развития инновационного лизинга // Экономический вектор. № 1 (20). 2020. С. 72–79.
9. Быковская Е. Н., Гафиятуллина Ю. Н., Харчилава Г. П. Анализ источников и механизмов финансирования инновационной деятельности в условиях цифровой экономики // Уровень жизни населения регионов России. 2020. Т. 16. № 2. С. 36–41.
10. Лещинская А. Ф., Иволгина Н. В., Степанова Д. И., Акимова Н. А. Проблемы финансирования технологических инноваций на рынке нефтедобычи // Российский журнал промышленной экономики. 2020. Т. 13. № 2. С. 233–243.
11. Денисова О. Н. Венчурное финансирование инновационного малого бизнеса в России // Инновации и инвестиции. 2020. № 6. С. 3–7.
12. Oslo Manual 2018: Guidelines for Collecting, Reporting and Using Data on Innovation. The Measurement of Scientific, Technological and Innovation Activities, OECD Publishing. Paris/Eurostat, Luxembourg, 2018. 258 p. URL: <https://www.oecd.org/science/oslo-manual-2018-9789264304604-en.htm> (дата обращения: 19.05.2021).
13. Федеральная служба государственной статистики. Наука и инновации. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/14477?print=1> (дата обращения: 19.05.2021).
14. Pinkovetskaia I., Slepova V. Estimation of Fixed Capital Investment in SMEs: the Existing Differentiation in the Russian Federation // Business Systems Research. 2018. No. 9 (1). Pp. 65–78.
15. Pinkovetskaia I., Nuretdinova Y., Nuretdinov I., Lipatova N. Mathematical modeling on the base of functions density of normal distribution // REVISTA DE LA UNIVERSIDAD DEL ZULIA. 2021. 3ª época. Año 12 (33). Pp. 34–49. DOI: <http://dx.doi.org/10.46925//rdluz.33.04>

REFERENCES

1. Marenkov I. M. Innovations in the Russian industry: state and prospects of development // Intelligence. Innovation. Investment. 2019. No. 1. Pp. 35–42.
2. Semenova N. N. Financing of innovations as a condition for the formation of a new model of economic development of Russia // Financial life. 2019. No. 1. Pp. 77–82.
3. Krasova E. V. State financing of innovations in Russia: dynamics and specifics // The territory of new opportunities. Vestnik VSUES. 2019. No. 1. Pp. 47–58.
4. Makarov V. V., Slutsky M. G., Alexandrova N. A. Results of implementation of innovative projects in PJSC «Rostelecom» // Eurasian Scientific Association. 2019. No. 5–4 (51). Pp. 286–289.

5. Sokolova A. P., Kabannik E. A. Economic conditions and priority directions of innovative development of the Russian economy // *Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law*. 2020. No. 1. Pp. 86–94.
6. Barkova E. E. Development of an algorithm for selecting a source of financing for innovative projects at the early stages of the life cycle // *Bulletin of the Russian University of Cooperation*. 2020. No. 1 (39). Pp. 11–18.
7. Sheina E. G. Venture financing of innovative activity of business entities in the conditions of formation of the economy of advanced development // *Russian Economic Bulletin*. 2020. Vol. 3. No. 2. Pp. 206–214.
8. Raikaya M. V. Scope of application, state and prospects of innovative leasing development // *Economic vector*. No. 1 (20). 2020. Pp. 72–79.
9. Bykovskaya E. N., Gafiyatullina Yu. N., Kharchilava G. P. Analysis of sources and mechanisms of financing innovation activities in the digital economy // *The standard of living of the population of the regions of Russia*. 2020. Vol. 16. No. 2. Pp. 36–41.
10. Leshchinskaya A. F., Ivolgina N. V., Stepanova D. I., Akimova N. A. Problems of financing technological innovations in the oil production market // *Russian Journal of Industrial Economics*. 2020. Vol. 13. No. 2. Pp. 233–243.
11. Denisova O. N. Venture financing of innovative small business in Russia // *Innovations and Investments*. 2020. No. 6. Pp. 3–7.
12. Oslo Manual 2018: Guidelines for Collecting, Reporting and Using Data on Innovation. The Measurement of Scientific, Technological and Innovation Activities, OECD Publishing. Paris/Eurostat, Luxembourg, 2018. 258 p. URL: <https://www.oecd.org/science/oslo-manual-2018-9789264304604-en.htm> (date of access: 19.05.2021).
13. Federal State Statistics Service. Science and Innovation. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/14477?print=1> (date of access: 19.05.2021).
14. Pinkovetskaia I., Slepova V. Estimation of Fixed Capital Investment in SMEs: the Existing Differentiation in the Russian Federation // *Business Systems Research*. 2018. No. 9 (1). Pp. 65–78.
15. Pinkovetskaia I., Nuretdinova Y., Nuretdinov I., Lipatova N. Mathematical modeling on the base of functions density of normal distribution // *REVISTA DE LA UNIVERSIDAD DEL ZULIA*. 2021. 3ª época. Año 12 (33). Pp. 34–49. DOI: <http://dx.doi.org/10.46925//rdluz.33.04>

Поступила в редакцию: 10.06.2021.

Принята к печати: 01.07.2021.

УПРАВЛЕНИЕ ИЗМЕНЕНИЯМИ: МЕТОДИКА ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

О. Н. Пяткова

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

Экономический рост однозначно предполагает развитие организаций, базирующееся на внедрении новых прогрессивных технологий, требующих изменения форм организации труда, его содержания и т. п., что неизбежно влечет за собой сопротивление персонала внедрению изменений. Известные методики отчасти решают эту проблему, но их никак нельзя назвать эффективными и результативными. Причина в том, что они в своих воздействиях на персонал ориентированы в основном на трудовое поведение работников, а именно обучение работе в измененных условиях, трансформации организационных культур и организационных структур. Сопротивление персонала, выражающееся в оппортунистическом поведении работников при исполнении ими новых трудовых обязанностей, новых трудовых процедур, решения прежних задач новыми методами и средствами и пр., от применения данных методов отнюдь не ослабевает. Однако причина сопротивления глубже, она лежит в содержании и структуре социально-трудовых отношений. В статье данная проблема рассматривается через призму институциональной структуры социально-трудовых отношений, представляющих собой сущностную основу труда. Предложена методика трансформации социально-трудовых отношений перед внедрением изменений в направлении снижения потенциала сопротивления работников.

Ключевые слова: управление изменениями, сопротивление персонала изменениям, социально-трудовые отношения.

CHANGE MANAGEMENT: METHODOLOGY OF INSTITUTIONAL TRANSFORMATION OF SOCIAL AND LABOR RELATIONS

O. N. Pyatkova

Altai State University (Barnaul, Russia)

Economic growth unambiguously presupposes the development of enterprises based on the introduction of new technologies that require changes in the forms of organization of labor, its content. This inevitably entails staff resistance to the implementation of changes. Known techniques solve this problem, but they cannot be called effective and efficient. The reason is that when influencing personnel, they are guided mainly by the labor behavior of employees. Resistance of personnel, expressed in the opportunistic behavior of employees in the performance of new job duties, new labor procedures, solving old tasks with new methods and means. But the reason for the resistance goes deeper. It lies in the content and structure of social and labor relations. In the article, this the problem is considered through the prism of the institutional structure of social and labor relations, which are the essential basis of labor. A method of transforming them before introducing changes in order to reduce the potential of workers' resistance is also proposed.

Keywords: change management, staff resistance to change, social and labor relations.

Содержание проблемы, гипотеза ее решения: вместо введения. Рынок, как отмечает Р. Хейнберг, не может нормально функционировать без экономического роста; прежде всего без роста валового внутреннего продукта (ВВП) [1, с. 21–34]. Рост же, в свою очередь, предполагает либо постоянное технологическое развитие, либо повышение интенсивности труда; последнее, как известно, имеет естественные пределы. Следовательно, экономический рост должен обуславливаться исключительно технологическим развитием. Именно так полагал Й. Шумпетер. «Обычный рост экономики, выражающийся в увеличении населения и богатства, ... не рассматривается ... как процесс развития, поскольку он не порождает новые в качественном отношении явления, а всего-навсего дает толчок процессам их приспособления, подобно тому, как это происходит при изменении природных показателей» [2, с. 129]. Таким образом, рост, по Й. Шумпетеру, — это просто увеличение объемов производства («богатства», в его терминологии). Под развитием же, согласно его утверждениям, «следует понимать лишь такие изменения хозяйственного кругооборота, которые экономика сама порождает» [2, с. 128]. Здесь автор вел речь о создании и внедрении в производство новых технологий, которые способны вывести экономический рост на принципиально иной количественный уровень. Его пример о смене почтовых карет железнодорожным транспортом [2, с. 127] — яркая характеристика того, как технологическое развитие обуславливает экономический рост, без которого рыночная экономика не может функционировать [1]. Таким образом, развитие неизбежно, оно объективно обусловлено самой природой рыночных отношений. Связь между развитием и ростом — причинно-следственная, диалектическая, не без внутренних противоречий, которые нужно разрешать. Развитие предполагает совершенствование прежних технологий, разработку и внедрение новых технологических систем (например, цифровых технологий), требующих новых форм организации труда и вызывающих непереносимые изменения в сфере труда и производства. Суть возникающих при этом противоречий выражается в сопротивлении персонала организационным изменениям, которые обуславливаются внедрением инноваций. Эта проблема носит объективный и всеобщий характер. В ответ на ее проявления в последние десятилетия в зарубежной теории и практике менеджмента стали появляться многочисленные методы и методики управления изменениями, направленные на ее решение, которые, однако, никак не могут справиться с проблемой сопротивления персонала изменениям. Очевидно, эти методики ориентированы отнюдь не на при-

чины такого поведения работников, а всего лишь на их видимые формы. В связи с этим выдвинута гипотеза о том, что скрытые существенные причины сопротивления персонала изменениям кроются в содержании и структуре сложившихся в организациях социально-трудовых отношениях, которые представляют собой не что иное, как трудовой оппортунизм работников, выражающийся в извлечении индивидуумами личной выгоды за счет скрытого и умышленного нанесения ущерба организации. При внедрении изменений трудовые оппортунистические отношения выражаются в скрытом (неочевидном) сопротивлении персонала внедряемым изменениям: не все хотят расставаться с прошлыми трудовыми стереотипами, устоявшимися формами трудового поведения, приобретенными привилегиями и т. п., но вынуждены скрывать это и проявляют сопротивление нововведениям в скрытой оппортунистической форме.

Механизм формирования оппортунистического поведения работников при внедрении изменений. В концепциях зарубежного менеджмента управление изменениями представляют как целенаправленный перевод организации, или ее структурного подразделения, из исходного состояния в новое, характеризующееся более высокой результативностью и эффективностью, улучшением условий труда, повышением качества трудовой жизни и т. п. В общем и целом, это называется «стратегией вмешательства для осуществления плановых изменений» [3, с. 14]. Разработке таких стратегий вмешательства всегда предшествует этап диагностики возможностей внедрения технологических и организационных изменений, на котором оценивается, в том числе, и готовность работников к восприятию ими изменений, сокращения потенциала сопротивления, обуславливаемого тем, что изменения затрагивают интересы работников, изменяют стереотипы их трудового поведения, ценностные ориентиры, составляющие основу организационных культур. Все эти обстоятельства и вызывают сопротивление персонала внедрению изменений, которое выражается в оппортунистическом поведении работников при исполнении ими новых трудовых обязанностей или трудовых процедур, решения прежних задач новыми методами и средствами, решения принципиально новых трудовых задач и т. п. Основными сферами, где изначально зарождаются оппортунистические настроения, являются организационные структуры и организационные культуры.

Если под организационными структурами понимать не только подразделения организаций на отдельные функциональные составляющие, но и регламенты, определяющие организацию труда, то причины трудового оппортунизма объек-

тивно закладываются именно в эти регламенты. Они — эти причины, с одной стороны, являются объективными (без изменения трудовых регламентов внедрить новые технологии никак нельзя), а с другой стороны, — очевидными, и ими можно управлять, используя методы мотивации, обучения работников, объяснения необходимости внедрения изменений и т. п.

Сложнее обстоит дело с причинами сопротивления персонала изменениям, которые зарождаются в организационных культурах. Ядром организационных культур являются ценностные установки работников, ориентированные на экономические и социальные параметры труда. Они, в отличие от трудовых регламентов, не являются очевидными, наблюдаемыми; их трудно выделить, изучить, наметить мероприятия по управлению ими. Зарубежные исследователи Д. Надлер и М. Ташман обращают внимание на то, что организационные культуры, являясь неотъемлемой компонентой организации, определяют ее взаимосвязь с внешней средой и оказывают влияние на внутренние процедуры функционирования организации [4, с. 86]. Из этого можно сделать вывод, что посредством организационных культур в трудовой среде формируется оппортунистический потенциал, который и определяет сопротивление работников изменениям. Но при этом следует подчеркнуть, что причины проблемы лежат глубже. Они находятся, как уже отмечено выше, на уровне социально-трудовых отношений. А ценностные установки, имеющие социально-экономическую природу и составляющие ядро организационных культур, просто опосредуют связь социально-трудовых отношений, составляющих сущностную (скрытую, неочевидную) основу организации труда, с внешней средой, в которую внедряются изменения. Отметим также, что через посредство организационных культур идет и обратный импульс: а именно от социально-трудовых отношений к трудовому поведению работников. Таков скрытый, не во всем очевидный механизм формирования оппортунистического поведения работников при внедрении изменений. Его следует изучать с тем, чтобы управление процессом внедрения изменений было более результативным и эффективным.

Методика управления изменениями К. Левина и направления ее развития. Известно несколько методик управления изменениями. Наиболее распространенной является методика К. Левина, которая представляет собой последовательность процедур, сгруппированных в три этапа: размораживание, изменение, замораживание [5]. Есть смысл несколько подробнее остановиться на содержании этой методики с тем, чтобы наметить пути

ее совершенствования в направлении преодоления проблем сопротивления персонала изменениям.

Основным из этапов методики К. Левина следует назвать первый. Употребленная автором в его названии метафора «размораживание» отражает характер работ, направленных на подготовку работников к адекватному восприятию изменений. Как она — эта подготовка — будет проведена, таковым будет и результат внедрения изменений. На первом этапе К. Левин предложил посредством мотивов и стимулов создавать приемлемую для внедрения изменений трудовую атмосферу. В частности, проводить профессиональную подготовку персонала к работе в новых условиях, в том числе и посредством вовлечения их в работу по внедрению изменений, материально стимулировать работников за участие в процедурах внедрения изменений. Таким образом, на первом этапе предложено проводить целенаправленные управленческие воздействия на формирование адекватного содержанию изменений трудового поведения работников. О социально-трудовых отношениях в содержании работ первого подготовительного этапа, как, впрочем, и других этапов тоже, в методике не упоминается. И это при том, что уж если что-то и нужно размораживать при внедрении изменений, так это именно социально-трудовые отношения, сложившиеся в трудовых коллективах за годы работы в прежних технологических и организационных условиях. Почему? Потому что именно они — социально-трудовые отношения — составляют сущностную основу трудового поведения работников вообще. И уж если что и размораживать перед внедрением изменений, так это именно социально-трудовые отношения. Таким образом, развитие действующей методики управления изменениями рекомендуется дополнить конкретными мероприятиями, связанными с определением содержания и структуры социально-трудовых отношений, соответствия их содержания содержанию внедряемых изменений, определения мер и процедур, направленных на обеспечение содержательного соответствия социально-трудовых отношений внедряемым изменениям.

Итак, основные мероприятия по развитию методики управления изменениями К. Левина предлагается осуществлять в основном на первом ее этапе. На втором этапе должны быть предусмотрены мероприятия по воздействию на структуру и содержание социально-трудовых отношений. Третий этап, названный автором методики замораживанием, предполагает закрепление новых стереотипов трудового поведения работников. Предлагаемые мероприятия по совершенствованию этой методики требуют осуществления закреплений (замораживания) не на поверхности явлений, а на сущностном

уровне социально-трудовых отношений. Другими словами, методика К. Левина по форме сохраняет свой первоначальный вид (три этапа с теми же названиями); содержание же ее дополняется процедурами исследования структуры социально-трудовых отношений и управленческих воздействий на последние с целью обеспечения восприятия внедряемых изменений трудовой средой организации на уровне ее организационной культуры. Соответствие внедряемых изменений организационным структурам обеспечивается традиционным административным путем.

Формирование институтов социально-трудовых отношений в организациях. Исследование содержания и структуры социально-трудовых отношений возможно только с системных позиций институционального подхода. Только представив социально-трудовые отношения в качестве института, можно разобраться в их структуре, содержании, причинах и факторах их динамики.

В. Л. Тамбовцев при определении понятия «институт» в качестве ключевого использует термин «правило». Из его определения следует, что институт представляет собой правило или совокупность правил, имеющий внешний механизм принуждения индивидов к исполнению» [6, с. 32]. Если вести речь об институтах социально-трудовых отношений, возникающих в организациях, то можно назвать два источника формирования правил трудового поведения работников. Выше они уже назывались. Это организационные структуры, начиная с органов власти страны и заканчивая руководством организации. Они создают трудовые регламенты, начиная от Трудового кодекса РФ [7] до должностных инструкций, которые разрабатываются администрацией организаций. Организационные структуры формируют официальные правила трудового поведения работников (например, правила техники безопасности, правила эксплуатации производственного оборудования, др.); они очевидны и исполнение их контролируется. Еще одним из источников формирования институциональных правил трудового поведения являются организационные культуры; о них тоже уже упоминалось выше. Эти правила являются неофициальными и формируются участниками трудовых процессов; иногда в ответ на официальные регламенты, иногда — с ориентацией на свои экономические, социальные интересы и ценности. Официальные и неофициальные правила вступают во взаимодействие, формируя нечто похожее на цельный «сплав» правил трудового поведения в данном трудовом коллективе. Официальные правила контролируются администрацией, неофициальные — собственным трудовым коллективом (или его отдельными активными представителями). Так формируют-

ся институты социально-трудовых отношений, которые имеют определенную структуру и содержание. В них — в этих правилах — и кроются скрытые сущностные причины трудового поведения вообще, и сопротивления персонала изменениям, в частности. Если работники организации увидят, поймут, что какие-то внедряемые новшества не отвечают их интересам, а не исполнять и обсуждать его внедрение нельзя, ибо это чревато последствиями, скрытое сопротивление, скорее всего, неизбежно. Так, в принципе, проявляют себя институты социально-трудовых отношений при внедрении изменений. Это и обуславливает необходимость дополнять методику управления изменениями К. Левина мероприятиями, направленными на институциональную трансформацию социально-трудовых отношений в направлении обеспечения как можно большего соответствия этих отношений содержанию внедряемых изменений.

Содержание и структура институтов социально-трудовых отношений на предприятиях. В теории экономики труда выделяют несколько типов (классов) социально-трудовых отношений. В частности, Р. П. Колосова, определив социально-трудовые отношения как «объективно существующие взаимозависимость и взаимодействие субъектов этих отношений в процессе труда, нацеленные на регулирование качества трудовой жизни» [8, с. 48], выделила и следующие типы отношений: солидарность, патернализм, субсидиарность, партнерство конфликт, дискриминация [8, с. 53–56]. Названия этих типов говорят и об их содержании. Б. М. Генкин дополнил этот перечень включением в него внутренней конкуренции работников между собой. Кроме того, он предложил сгруппировать все типы социально-трудовых отношений в две группы: конструктивные типы, и деструктивные [9, с. 355–358]. Эти названия также дают исчерпывающую характеристику предложенных групп типов социально-трудовых отношений.

Ранее автор этих строк участвовала в общей работе по гранту РФФИ № 15–06–05376 «Исследование социально-трудовых отношений на предприятиях в решении проблем трудового оппортунизма» в рамках которого посредством использования матричной классификации по признакам «противодействие и сопротивление (сильное-слабое)», «форма проявления (явная-неявная)» были выявлены следующие типы (классы) деструктивных социально-трудовых отношений:

- трудовой оппортунизм (сильное сопротивление при неявных формах проявления);
- трудовая конфронтация (сильное сопротивление при явных формах проявления);
- трудовой конфликт (слабое сопротивление при явной форме проявления);

- трудовое фрирайдерство (слабое сопротивление при неявной форме проявления — трудовой эгоизм) [10, с. 99–102].

Поскольку трудовой конфликт был ранее выделен как самостоятельный тип социально-трудовых отношений по признаку особенностей принятия управленческих решений, а в данной классификации по другим признакам он проявился вновь, то можно судить о том, что и вся данная классификация отражает реальное положение дел. Следовательно, и три новых типа социально-трудовых отношений также имеют место быть в структуре отношений в организациях, и трудовой оппортунизм представляет собой не что иное, как самостоятельный тип (класс) социально-трудовых отношений. И именно трудовой оппортунизм является сущностной основой, обуславливающей скрытое сопротивление персонала внедрению изменений.

Таким образом, можно констатировать, что в структуру институтов социально-трудовых отношений организаций могут в разных пропорциях входить десять или менее типов социально-трудовых отношений. Каждый из них по-разному влияет на трудовое поведение работников, в том числе и при внедрении изменений. И то, какой из типов превалирует, таким, в общем и целом, и будет трудовое поведение работников. Если над всеми довлеет трудовой оппортунизм, внедрение изменений, безусловно, будет наталкиваться на скрытое неявное сопротивление работников. Решить данную задачу возможно посредством исследования институциональной структуры и содержания социально-трудовых отношений. Таким образом, методика управления изменениями К. Левина должна начинаться с исследования институциональной структуры социально-трудовых отношений, сложившейся в организации за время, предшествующее изменениям.

Методика исследования институциональной структуры социально-трудовых отношений. Разработанная автором методика [11, с. 14] исследования институциональной структуры социально-трудовых отношений организации предназначена для получения знаний о соотношении конструктивных и деструктивных отношений, сложившихся в организации на момент внедрения изменений. Методика представляет собой логическую схему, включающую ряд последовательных шагов, каждый из которых, имея определенную цель, описывает содержание исследовательских процедур. Промежуточные результаты исследования, согласно методике, ориентированы на получение данных об организационных структурах и организационных культурах и их совместное влияние на воспроизводственные процессы институтов социально-трудовых отношений. Конечные результаты

исследования позволяют получить знания о содержании и институциональной структуре социально-трудовых отношений, сложившихся в организации на момент внедрения изменений. Завершающий этап предполагает построение графической модели такой структуры.

Так, апробируя данную методику в некоторых медицинских организациях города Барнаула в ходе получения данных о влиянии организационных структур и организационных культур на структуру и содержание социально-трудовых отношений, наблюдалось проявление такого типа социально-трудовых отношений как трудовой оппортунизм, который является серьезным препятствием на пути внедрения в работу учреждений инновационных изменений. Факты скрытого сопротивления персонала внедрению изменений подтвердили большинство сотрудников обследуемых организаций — 96% респондентов. А поскольку организационная культура обследуемых организаций была оценена (в ходе исследования) как сильная, то есть основание полагать, что сопротивление персонала изменениям будет весьма существенным и нужно принимать управленческие решения на снижение оппортунистического потенциала сотрудников. Анализ результатов исследования также показал преобладание в медицинских организациях деструктивных социально-трудовых отношений вообще — 67% респондентов, причем 35% из них — трудовой оппортунизм. Исходя из этого, можно сделать вывод о преобладании в институтах социально-трудовых отношений обследуемых медицинских учреждений деструктивных типов социально-трудовых отношений над конструктивными. Графическая интерпретация результатов исследования сложившейся (до внедрения изменений) институциональной структуры социально-трудовых отношений и приемлемой для успешного внедрения изменений, предусмотренная методикой, позволяют менеджменту учреждения наметить определенные управленческие действия по изменению ситуации в направлении снижения оппортунистического потенциала сотрудников перед внедрением изменений.

Методика трансформации институциональной структуры социально-трудовых отношений на предприятия. Институционализация представляет собой процесс изменения (развития) института, который может быть, как управляемым, в форме разработки официальных регламентов, так и стихийным, посредством формирования неофициальных правил и норм трудового поведения. Следовательно, в ходе институционализации, как целенаправленного процесса, изменяется структура социально-трудовых отношений, причем не всегда явно и очевидно. В частности, изменения

должны касаться долей типов социально-трудовых отношений в структуре их институтов. Изменения должны быть направлены на сокращение доли деструктивных и увеличение доли конструктивных типов с целью создания организационно-структурных и организационно-культурных предпосылок и условий для адекватного восприятия персоналом изменений. Разработанная автором методика трансформации институциональной структуры социально-трудовых отношений [11, с. 15], представляющая собой логическую взаимосвязь методов и процедур создания официальных регламентов и внедрения неофициальных культурных правил трудового поведения работников, снижает оппортунистический потенциал работников, выражающийся в сопротивлении их внедрению изменений.

В предлагаемой методике выделены три блока взаимосвязанных методов, процедур и т. п., логически и содержательно связанных между собой и направленных на последовательное решение задач институциональной трансформации социально-трудовых отношений на микроуровне.

Первый блок предполагает применение методов и средств для построения модели сложившегося института социально-трудовых отношений до внедрения изменений с целью последующего анализа структуры и содержания социально-трудовых отношений.

Во втором блоке методики предлагается построенную на предыдущем этапе модель использовать для анализа структуры и содержания института социально-трудовых отношений в организации. Для более полного восприятия и визуализации такой структуры рекомендуется ее представить в виде диаграммы. Диаграмма также позволит определить вектор институциональной трансформации (направления управленческих воздействий) с целью создания приемлемой для восприятия персоналом внедряемых изменений структуры института.

Данную диаграмму целесообразно использовать для модельных исследований с целью наблюдения за результатом, получаемым после встраивания (включения) в модель параметров изменений, которые могут способствовать созданию приемлемой структуры социально-трудовых отношений для восприятия работниками этих изменений. Сложность формализации решения данной задачи обусловлена зачастую существенными различиями

характера изменений в разных организациях. Здесь могут использоваться экспертные знания о содержании предметной области.

В третьем блоке, используя результаты модельных исследований, рекомендуется построить некую «идеальную» модель института социально-трудовых отношений, которая должна быть встроена в социально-трудовую среду коллектива до начала внедрения изменений с целью нивелирования оппортунистического поведения персонала в направлении уменьшения сопротивления изменениям. Так, при использовании диаграммы М. Портера, в качестве осей могут выступать типы социально-трудовых отношений, расположив на них конкретные численные значения, полученные в ходе исследования, а также возможные значения, отражающие видение персонала относительно каждого типа, формирующих благоприятную среду для внедряемых изменений.

Так, по результатам исследования медицинских организаций выяснилось, что до внедрения тех или иных инновационных изменений характеризовались высокой степенью проявления такие деструктивные типы социально-трудовых отношений, как трудовое фрирайдерство (трудовой эгоизм), трудовой конфликт, трудовая конфронтация и трудовой оппортунизм. Исходя из чего сделано заключение о сопротивлении персонала обследуемых организаций изменениям по данным типам. По мнению большинства респондентов, корректировка структуры социально-трудовых отношений требуется по направлению снижения трудового оппортунизма и трудового фрирайдерства, по направлению увеличения — субсидиарности, партнерства. При этом, поскольку трудовой оппортунизм имеет самое высокое значение балльной оценки среди всех других деструктивных типов социально-трудовых отношений, то наибольшее внимание менеджменту учреждения следует обратить именно на него.

Заключение. Таким образом, институциональная трансформация социально-трудовых отношений, если она правильно проведена, способна снижать потенциал оппортунистического поведения работников при внедрении изменений, что, безусловно, будет способствовать развитию и экономическому росту организаций, осуществляющих внедрение инновационных новшеств.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Хейнберг Р. Конец роста. М., 2013. 384 с.
2. Шумпетер Й. Теория экономического развития. Капитализм, социализм, демократия. М., 2007. 864 с.
3. Управление развитием и изменением. Кн. 11. Управление изменением: навыки и стратегии / Э. Фармер, К. Мэйби, Дж. Батслер. Жуковский, 1998. 84 с.

4. Надлер Д. А. Концепции управления организационными изменениями // Управление изменением: хрестоматия. Жуковский, 1996. С. 84–98.
5. Lewin K. Field theory in social science. Harper, 1951. 346 p.
6. Институциональная экономика: Новая институциональная экономическая теория / под ред. А. А. Аузана. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2016. 448 с.
7. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 26.07.2019). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/ (дата обращения: 15.05.2021).
8. Экономика труда и социально-трудовые отношения / под ред. Г. Г. Меликьяна, Р. П. Колосовой. М., 1996. 623 с.
9. Генкин Б. М. Экономика и социология труда. 6-е изд., доп. М., 2006. 448 с.
10. Беляев В. И., Самсонов Р. А., Пяткова О. Н. Экспликация, таксономия и институциональная трансформация трудового оппортунизма в системе социально-трудовых отношений предприятия // Журнал экономической теории. 2015. № 4. С. 98–113.
11. Пяткова О. Н. Управление институциональной трансформацией социально-трудовых отношений при решении проблем сопротивления персонала изменениям: автореф. дисс. ... канд. экон. наук: 08.00.05. 2020. 23 с.

REFERENCES

1. Heinberg R. End of growth. M., 2013. 384 p.
2. Schumpeter J. Economic development theory. Capitalism, socialism, democracy. M., 2007. 864 p.
3. Management of development and change. Book 11. Managing Change: Skills and Strategies / E. Farmer, K. Mayby and J. Batsler. Zhukovsky, 1998. 84 p.
4. Nadler D. A. Organizational Change Management Concepts // Change management: reader. Zhukovsky, 1996. Pp. 84–98.
5. Lewin K. Field theory in social science. Harper, 1951. 346 p.
6. Institutional economy: New institutional economics / ed. A. A. Auzan. M., 2016. 448 p.
7. Labor Code of the Russian Federation of 30.12.2001 No. 197-FZ (ed. from 26.07.2019). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/ (date of access: 15.05.2021).
8. Labor economics and social and labor relations / ed. G. G. Melikyan, R. P. Kolosova. M., 1996. 623 p.
9. Genkin B. M. Economics and Sociology of Labor. 6th ed. M., 2006. 448 p.
10. Belyaev V. I., Samsonov R. A., Pyatkova O. N. Explication, taxonomy and institutional transformation of labor opportunism in the system of social and labor relations of an enterprise // Journal of Economic Theory. 2015. No. 4. Pp. 98–113.
11. Pyatkova O. N. Management of the institutional transformation of social and labor relations in solving the problems of personnel resistance to changes: author. diss. ... cand. econom. sciences: 08.00.05. SPb., 2020. 23 p.

Поступила в редакцию: 18.06.2021.

Принята к печати: 30.07.2021.

ТЕНДЕНЦИИ И ФАКТОРЫ РАЗВИТИЯ АГРОПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА АЛТАЙСКОГО КРАЯ В СИСТЕМЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РЕГИОНА

М. Н. Семиколенова¹, Л. А. Семина¹, С. Н. Землякова²

¹Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

²Донской государственный аграрный университет (пос. Персиановский, Россия)

В условиях динамично развивающегося конкурентного рынка, глобальных изменений в производстве и распределении производственных ресурсов, возрастающего влияния политических и социально-экономических факторов вопросы обеспечения экономической безопасности как региона, так и входящих в его экономику отраслей приобретают особую актуальность. Сельское хозяйство является, с одной стороны, наиболее уязвимой отраслью экономики и подвержено влиянию многих факторов, но, с другой стороны, наиболее значимой для устойчивого развития Алтайского края. В ходе исследования сделан вывод о высокой его конкурентоспособности и зависимости продовольственной безопасности других регионов Сибирского федерального округа от развития агропромышленного комплекса края. Однако существуют угрозы экономической безопасности, наличие которых препятствует эффективному функционированию агропромышленного комплекса. На основе проведенного исследования выявлены основные риски и угрозы, имеющие наибольшее значение для экономической безопасности сельского хозяйства Алтайского края: низкий уровень инвестиционной активности, изношенность сельскохозяйственной техники, дефицит квалифицированных кадров, риски природных факторов.

Ключевые слова: сельское хозяйство, конкурентоспособность, агропромышленный комплекс, экономическая безопасность, региональная безопасность.

TRENDS AND FACTORS IN THE DEVELOPMENT OF THE AGRO-INDUSTRIAL COMPLEX ALTAI REGION IN THE REGION'S ECONOMIC SECURITY SYSTEM

M. N. Semikolenova¹, L. A. Semina¹, S. N. Zemlyakova²

¹Altai State University (Barnaul, Russia)

²Don State Agrarian University (Persianovsky settlement, Russia)

In the context of a dynamically developing competitive market, global changes in production and the distribution of production resources, the increasing influence of political and socio-economic factors, the issues of ensuring the economic security of both the region and the industries included in its economy acquire special relevance. Agriculture is, on the one hand, the most vulnerable sector of the economy and is influenced by many factors, but, on the other hand, the most significant for the sustainable development of the Altai Territory. The study concluded that it is highly competitive and dependent in food security in other regions of the Siberian Federal District and the dynamics of development of the agro-industrial complex of the region. However, there are threats to economic security, the presence of which impedes the effective functioning of the agro-industrial complex. Based on the study, the main risks and threats have been identified that are of the greatest importance for the economic security of agriculture in the Altai Territory: a low level of investment activity, deterioration of agricultural machinery, a shortage of qualified personnel, risks of natural factors.

Keywords: agriculture, competitiveness, agro-industrial complex, economic security, regional security.

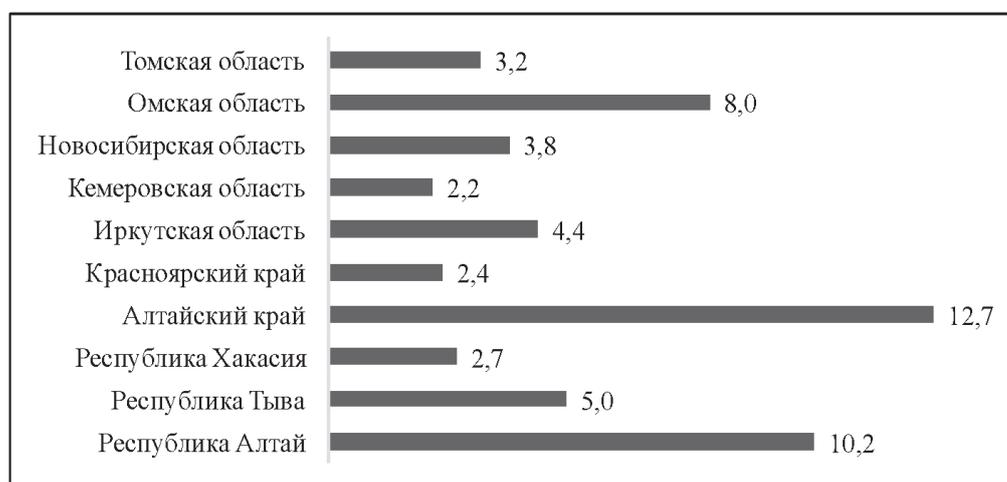

Алтайский край является агроориентированным регионом Российской Федерации. Поэтому развитие АПК в регионе имеет большое значение для его экономики. Во-первых, эффективность функционирования отрасли сельского хозяйства влияет на состояние продовольственной безопасности — одной из составляющих экономической безопасности государства в целом. Во-вторых, аграрные производители активно участвуют в экспортно-импортных отношениях, поэтому от развития данного сектора зависит эффективность развития всего хозяйственного механизма. В связи с этим вопросы функционирования и развития сельского хозяйства регионов являются особенно актуальными в исследованиях как отечественных ученых [1–4], так и зарубежных экономистов [5–8]. Кроме того, выявление и мониторинг факторов, негативно сказывающихся на сельскохозяйственной отрасли, является важным этапом для разработки направлений предотвращения рисков и угроз для сельскохозяйственного производства.

Целью настоящей статьи является оценка динамики и перспектив наращивания сельскохозяйственного производства Алтайского края на основе сравнительного и конкурентного анализа, а также выявление основных факторов и рисков в развитии рассматриваемой отрасли.

Исследование предполагает системный подход, в рамках которого последовательно были рассмотрены вопросы наличия и эффективности использования ресурсной базы сельского хозяйства в целях обеспечения экономического роста и безопасности агроориентированного региона в целом. Комплексный подход исследования предполагает рассмотрение экономической безопасности сельского хозяйства во взаимосвязи всех входящих в него элементов. Для изучения негативного воздействия факторов на развитие сельскохозяйственной отрасли использованы приемы сравнительного и динамического анализа, методы выявления и построения карты рисков, инструменты PEST-анализа.

Прежде всего, остановимся на динамическом и трендовом анализе сельскохозяйственной отрасли исследуемого региона. Исходя из данных рисунка, производство сельскохозяйственной продукции в Алтайском крае в 2016–2020 гг. имеет неустойчивую динамику. Так, в 2016 г. ее произведено на 143 325,3 млн руб., в 2017 г. наблюдается спад на 17326 млн руб., в 2018 г. производство постепенно восстанавливается и увеличивается на 5825,8 млн руб., в 2019 г. также возрастает и достигает уровня 2016 г. Несмотря на колебания объемов производства, их масштабы остаются на высоком уровне.

Динамический анализ объема сельскохозяйственного производства Алтайского края 2016–2020 гг., млн руб. [9]

Валовой региональный продукт является важнейшим показателем экономического развития региона. Для определения конкурентоспособности сельского хозяйства Алтайского края целесообразно определить его долю в ВРП и сравнить с другими регионами Сибирского федерального округа. Алтайский край занимал первое место по удельному весу отрасли сельского, лесного хозяйства, охо-

ты, рыболовства и рыбоводства в структуре ВРП регионов Сибирского федерального округа в 2019 г. Данный показатель в регионе составляет 12,7%. Это говорит о его высокой конкурентоспособности в федеральном округе и зависимости других регионов от развития агропромышленного комплекса Алтайского края. На втором месте находится Республика Алтай с величиной показателя в 10,2%.

Наиболее низкие доли сельского хозяйства в структуре ВРП наблюдаются в Красноярском крае, Кемеровской области.

Если рассмотреть основные показатели развития предприятий сельскохозяйственной отрасли по Алтайскому краю (табл. 1), то можно выявить ряд проблем, присущих данной отрасли. За анализируемый период существенно сократилась численность сельскохозяйственных организаций, при этом доля убыточных предприятий выросла и составила 15% на 2019 г. По всем остальным показателям также наблюдается отрицательная динамика: сокращается объем посевных площадей, поголовья КРС, падает индекс производства и реализации сельскохозяйственной продукции. Также стоит отметить сокращение количества сельскохо-

зяйственной техники на предприятиях, снижение обеспеченности предприятий тракторами и комбайнами, что ведет к росту нагрузки на технику и повышает риск износа и поломки. Несмотря на то, что средний возраст основных производственных фондов немного снизился, он все еще довольно высок и составляет свыше 9 лет.

Одной из угроз является устаревание и изношенность сельскохозяйственной техники в организациях края. Для повышения эффективности производства продукции растениеводства необходимо увеличивать производственные мощности. Но ввиду низкого научно-технического потенциала регион не может самостоятельно обеспечить сельскохозяйственные организации высокотехнологичной техникой [10].

Таблица 1

Показатели деятельности сельскохозяйственных организаций Алтайского края [9]

Показатели	2017	2018	2019	Темп роста, %
Численность сельскохозяйственных предприятий, в т. ч.:	2410	2209	1963	81,5
— удельный вес убыточных предприятий, %	14,3	14,7	15,0	104,9
Посевные площади, тыс. га	5397,9	5134,7	5146,9	95,4
Поголовье КРС, тыс. голов	349,6	333,1	328,2	93,9
Реализация основных видов продукции, % к предыдущему году	108,6	112,6	102,7	94,6
Парк сельскохозяйственной техники, шт.	25922	25367	24095	93,0
Количество тракторов на 1000 га пашни, шт.	2,2	2,1	2,0	90,9
Количество комбайнов на 1000 посевов, шт.	10,5	10,3	8,8	83,8
Средний возраст основных производственных фондов, лет	9,3	9,2	9,1	97,8
Индекс цен производителей сельскохозяйственной продукции, % к предыдущему году	88,5	104,5	100,3	113,3
Удельный вес работников, занятых в сельском хозяйстве, %	12,6	12,7	13,0	103,2

Аграрные организации края используют устаревшее оборудование. Высокий износ сельскохозяйственных машин приводит к дополнительному ремонту и модернизации, увеличению времени обработки посевов и, как следствие, к экономическим потерям.

Индекс цен производителей сельскохозяйственной продукции говорит о нестабильности цен на эту продукцию, из-за чего производитель может недополучить запланированную прибыль, так как данный показатель труднопрогнозируемый.

Наблюдается рост удельного веса занятых в сельском хозяйстве, за исследуемый период данный показатель вырос и составил 13%. Однако дефицит кадров остается нерешенной серьезной проблемой для сельского хозяйства Алтайского края. С одной стороны, это проявляется в низком спросе абитуриентов на сельскохозяйственные специальности, а с другой — в нехватке высококвалифицированных кадров на профессии, которых ранее не было на рынке.

В феврале 2021 г. на международном агрофоруме В. Бердышев (генеральный директор Ассоциации «Агрообразование») отметил, что список аграрных профессий и специальностей в высших учебных заведениях необходимо обновить в соответствии с современными реалиями [11]. Это связано с тем, что в последние годы произошли глобальные изменения в сельском хозяйстве — интенсификация и механизация производства послужили поводом для введения новых должностей. Так, в ближайшее время будут востребованными агроном-экономист, сельскохозяйственный эколог, агрокибернетик, сити-фермер. Также необходимыми на данный момент являются специалисты по контролю качества пищевой продукции. Актуальными стали должности менеджеров в сфере сельского хозяйства, подготовка которых ранее не производилась, поскольку для аграрных вузов считалась не профильной. Востребованными стали также специалисты в области агроинженерии, агробототехники.

На сегодняшний день сельское хозяйство в условиях рыночной экономики особенно нужда-

ется в государственной поддержке. Если сравнить объемы финансирования сельского хозяйства разных стран, то можно увидеть, что Россия здесь существенно отстает. Так, финансирование на 1 га сельскохозяйственных угодий в странах ЕС составляет 300 долларов США, а в России — только 10.

Инвестиционная активность имеет большое значение для развития отрасли. Эффективное привлечение инвестиций приводит к наибольшим финансовым вложениям в исследования и разработки, совершенствование парка сельскохозяйственной техники, расширение производства. Тем не менее размеры инвестиций недостаточны и их объем уступает более развитым аграрным регионам РФ [9]. Алтайский край занимает последнее место среди наиболее развитых аграрных регионов России по величине инвестиций в сельское хозяйство. На первом месте находится Воронежская область — размер инвестиций составил 58558,5 млн руб., при этом в общем объеме инвестиций в регионе сельское хозяйство заняло 19,6%. Второе место занимает самый развитый аграрный регион — Краснодарский край, который поставляет наибольшее количество сельскохозяйственной продукции в регионы страны. Инвестиции в крае в 2019 г. оказались на уровне 8,9%, к итогу — 29429,0 млн руб. Третье место занял Ставропольский край с объемом инвестиций 24361,1 млн руб., или 12,4% к итогу. Тем не менее несмотря на сравнительно низкий объем инвестиций, в Алтайском крае он составил 10,2% от общего итога, что говорит о проблеме слабой инвестиционной активности не только по отрасли, но и в целом в регионе.

Наиболее непредсказуемыми являются природные факторы, поэтому риски, связанные с ними, существенно влияют на экономическую безопасность. В регионе существует 7 почвенно-климатических зон, такое многообразие климатических условий дает возможность выращивать большой набор сельскохозяйственных культур. Однако различия в климате не только позволяют использовать весь производственный потенциал края, но и вызывают необходимость прогнозирования природных условий по каждой климатической зоне в отдельности, выработки стратегии с учетом возможных природных рисков.

В исследовании Н. А. Шевчук, А. А. Майкова проанализированы 4 района Алтайского края на предмет развития сельского хозяйства и влияния природно-климатических условий на результаты деятельности [12]. При этом выявлено, что климату Панкрушихинского района в большей степени свойственно засушливое жаркое лето, что часто становится причиной недобора или потери урожая растениеводческой продукции. Тальменский район подвержен более суровым зимам и гораздо

меньшему годовому количеству осадков. Змеиногорский и Красногорский районы обладают более мягким климатом. Сравнительный анализ показал, что в Панкрушихинском районе за 2016–2018 гг. наблюдается сокращение посевной площади, производства животноводческой продукции, а также достаточно низкая результативность сельского хозяйства в целом. Это подтверждает влияние природно-климатических факторов на его эффективность.

Таким образом, сельскохозяйственное производство имеет множество рисков и угроз:

- производственные риски — ухудшение состояния окружающей среды, изменение климата, появление вредоносных насекомых, болезни животных, существенный износ основных производственных фондов, поломка оборудования и многое другое. Данный вид риска является основным для сельскохозяйственных предприятий, и управлять им довольно сложно. Появление таких рисков отрицательно сказывается на количестве и качестве производимой продукции, способствует росту издержек производства, падению прибыли и рентабельности предприятий;
- технологические риски — низкий уровень обеспеченности техникой и ресурсами, использование неэффективных и высокозатратных технологий производства. Данные риски ведут к нарушению сроков проведения сельскохозяйственных работ, росту издержек производства, возникает риск потери продукции и предприятие может понести убытки;
- ценовые риски — изменчивость цен на сельскохозяйственную продукцию. В результате производитель не может реализовать продукцию по запланированной цене, и компания несет большие потери;
- кадровые риски — недостаток в сельской местности высококвалифицированных работников, отсутствие возможности привлечения молодых специалистов, высокая текучесть кадров. Это ведет к росту трудовых затрат и снижению производительности труда работников;
- финансовые риски — снижение финансовой устойчивости, платежеспособности, ограниченность собственных финансовых средств, кредитные риски и другие. Это самый опасный вид рисков, может привести к банкротству организации;
- прочие риски — риск резкого изменения политического курса в условиях нестабильной экономической ситуации, введение новых стандартов для сельскохозяйственных про-

изводителей, чрезвычайные ситуации, хищения и другие.

В целях оценки состояния агропромышленного комплекса представляется необходимым проведение PEST-анализа. Развитие отрасли сельского хозяйства в регионе подвержено влиянию многих факторов, разделенных на группы: политические, экономические, социально-культурные, технологические.

На основе субъективных экспертных оценок определена сила влияния фактора по 3-балльной шкале (где 1 — малое влияние фактора, при его изменении в отрасли наблюдается незначительная динамика, 2 — только при значительном из-

менении фактора происходит влияние на отрасль, 3 — любое изменение фактора оказывает влияние на отрасль). В рамках анализа оценка проведена на основе опроса сотрудников Управления Россельхознадзора Алтайского края и аппарата управления сельскохозяйственных организаций. Также на данном этапе определена вероятность изменения фактора по 5-балльной шкале, где 1 — минимальная, 5 — максимальная вероятность. На основе субъективной экспертной оценки влияния факторов на сельское хозяйство Алтайского края и вероятности их изменения определена реальная оценка значимости факторов и построена матрица PEST-анализа (табл. 2).

Таблица 2

Матрица PEST-анализа отрасли сельского хозяйства Алтайского края

ПОЛИТИЧЕСКИЕ		ЭКОНОМИЧЕСКИЕ	
Фактор	Оценка значимости	Фактор	Оценка значимости
Нормативно-правовое регулирование отрасли	0,33	Процентные ставки по кредитам	0,33
Ограничения на импорт	0,27	Уровень налогообложения	0,33
Стремление к протекционизму отрасли	0,20	Инвестиционная привлекательность отрасли	0,27
		Темпы роста экономики	0,20
		Уровень располагаемых доходов населения	0,20
		Уровень инфляции	0,18
		Курсы валют	0,13
СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЕ		ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ	
Требования к качеству продукции	0,18	Уровень инноваций и технологического развития отрасли	0,27
Уровень жизни населения	0,09	Состояние машин и оборудования	0,27
Потребительские предпочтения	0,07	Финансирование НИОКР	0,07
Темпы роста населения	0,04	Развитие цифровых технологий	0,04
Социальная стратификация в обществе	0,04		
Половозрастная структура населения и продолжительность жизни	0,02		

Наиболее значимыми факторами, оказывающими влияние на агропромышленный комплекс Алтайского края, являются политические, экономические и технологические. При этом с наибольшим влиянием из них оказались нормативно-правовое регулирование отрасли, процентные ставки по кредитам, уровень налогообложения, ограничения на импорт, инвестиционная привлекательность отрасли, уровень инноваций и технологического развития отрасли, состояние машин и оборудования. К факторам со сред-

ней значимостью относятся стремление к протекционизму отрасли, темпы роста экономики, уровень располагаемых доходов населения, уровень инфляции, курсы валют, требования к качеству продукции. Низкое влияние из всех факторов на отрасль оказывают уровень жизни населения, потребительские предпочтения, темпы роста населения, социальная стратификация в обществе, половозрастная структура населения и продолжительность жизни, финансирование НИОКР, развитие цифровых технологий.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Неганова В. П., Дудник А. В. Совершенствование государственной поддержки АПК региона // Экономика региона. 2018. Т. 14. С. 651–662.

2. Полулях Ю. Г., Ададимова Л. Ю. Оценка уровня научно-технического развития сельского хозяйства региона: методические аспекты // Экономика сельского хозяйства России. 2018. №9. С. 96–102.
3. Сутыгина А. И. Влияние интеграционных процессов на развитие производственных систем региональных агропродовольственных комплексов // АПК: Экономика, управление. 2021. №4. С. 13–20.
4. Semikolenova M., Rudakova T., Shavkunova N. Regional Food Security: A Concept And An Assessment // IOP Conference Series: Earth and Environmental Science. International Conference on Sustainable Development of Cross-Border Regions. 2019. Vol. 395. 012097. DOI: 10.1088/1755-1315/391/1/012097.
5. Barkley A., Barkley P. Principles of agricultural economics. London, 2013. 351 p.
6. Atkinson R. D. Innovation economics: the race for global advantage. New Haven and London, 2013. 442 p.
7. Chen Y. F., Nie F. Y. Analysis of China's Food Supply and Demand Balance and Food Security // Food Security and Industrial Clustering in Northeast Asia. Springer, Japan, 2016. Pp. 47–59.
8. Mogale D. G., Cheikhrouhou N., Tiwari M. K. Modelling of Sustainable Food Grain Supply Chain Distribution System: A Bi-Objective Approach // International Journal of Production Research. 2020. Vol. 58. Pp. 5521–5544. DOI: 10.1080/00207543.2019.1669840.
9. Управление Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю и Республике Алтай. URL: https://rosstat.gov.ru/investment_nonfinancial (дата обращения: 22.05.2021).
10. Сычева И. Н., Пермякова Е. С. Емкость рынка сельскохозяйственной техники Алтайского края и Восточно-Казахстанской области как трансграничного региона // Экономика и бизнес: теория и практика. 2017. №9. С. 51–54.
11. Шевчук Н. А., Майкова А. А. Влияние природно-климатических факторов на развитие сельского хозяйства в Алтайском крае // Аграрная наука — сельскому хозяйству. Барнаул, 2020. С. 135–137.
12. И наука, и практика // ФГБУ «Редакция «Российской газеты». URL: <https://rg.ru/2021/02/17/reg-sibfo/v-altajskom-gau-proshel-mezhdunarodnyj-agroforum.html> (дата обращения: 08.05.2021).

REFERENCES

1. Neganova V. P., Dudnik A. V. Improving state support for the agro-industrial complex of the region // Economy of the region. 2018. (Vol. 14). Pp. 651–662.
2. Polulyah Yu. G., Adadimova L. Yu. Assessment of the level of scientific and technical development of agriculture in the region: methodological aspects // Economy of agriculture of Russia. 2018. No. 9. Pp. 96–102.
3. Sutyigina A. I. The influence of integration processes on the development of production systems of regional agri-food complexes // APK: Economics, Management. 2021. No. 4. Pp. 13–20.
4. Semikolenova M., Rudakova T., Shavkunova N. Regional Food Security: A Concept And An Assessment // IOP Conference Series: Earth and Environmental Science. International Conference on Sustainable Development of Cross-Border Regions. 2019. Vol. 395. 012097. DOI: 10.1088/1755-1315/391/1/012097.
5. Barkley A., Barkley P. Principles of agricultural economics. London, 2013. 351 p.
6. Atkinson R. D. Innovation economics: the race for global advantage. New Haven and London, 2013. 442 p.
7. Chen Y. F., Nie F. Y. Analysis of China's Food Supply and Demand Balance and Food Security // Food Security and Industrial Clustering in Northeast Asia. Springer, Japan, 2016. Pp. 47–59.
8. Mogale D. G., Cheikhrouhou N., Tiwari M. K. Modelling of Sustainable Food Grain Supply Chain Distribution System: A Bi-Objective Approach // International Journal of Production Research. 2020. Vol. 58. Pp. 5521–5544. DOI: 10.1080/00207543.2019.1669840.
9. Office of the Federal State Statistics Service for the Altai Territory and the Altai Republic. URL: https://rosstat.gov.ru/investment_nonfinancial (date of access: 22.05.2021).
10. Syicheva I. N., Permyakova E. S. The capacity of the agricultural machinery market in the Altai Territory and the East Kazakhstan region as a cross-border region // Economy and business: theory and practice. 2017. No. 9. Pp. 51–54.
11. Shevchuk N. A., Maykova A. A. The influence of natural and climatic factors on the development of agriculture in the Altai Territory // Agrarian Science — Agriculture. Barnaul, 2020. Pp. 135–137.
12. Both science and practice // FGBU “Editorial office of the Russian newspaper”. URL: <https://rg.ru/2021/02/17/reg-sibfo/v-altajskom-gau-proshel-mezhdunarodnyj-agroforum.html> (date of access: 08.05.2021).

Поступила в редакцию: 22.07.2021.

Принята к печати: 09.08.2021.

ФИЗИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА И СПОРТ КАК СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИ ЗНАЧИМЫЙ ВИД ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

И. И. Самсонов

Краевое автономное учреждение «Центр спортивной подготовки сборных команд Алтайского края»
(Барнаул, Россия)

Статья посвящена изучению вопроса об отнесении физической культуры и спорта к социально-экономически значимым видам деятельности наряду с педагогической (преподавательской), научной и иной творческой деятельностью. Изложены причины и основания, обуславливающие сложившуюся проблематику и необходимость принятия законодательных новелл. Выявлен перечень нормативно-правовых актов, устанавливающих запреты ряду служащих органов публичной власти и работникам организаций, исполняющих публично-значимые функции, на занятия ими иной оплачиваемой деятельностью в области физической культуры и спорта. Обоснованы признаки взаимной аутентичности между деятельностью в области физической культуры и спорта и иными социально-значимыми видами деятельности. Сформулированы предложения о корректировке ряда нормативно-правовых актов, в части их дополнения факультативной формой предписания о занятии иной оплачиваемой физкультурно-спортивной деятельностью. Продемонстрированы условия выполнения иной оплачиваемой физкультурно-спортивной деятельности как второстепенного (дополнительного) варианта поведения. Автором статьи сделан вывод о необходимости дальнейшего изучения вопроса об установленных законодательством о противодействии коррупции ограничениях для государственных (муниципальных) служащих в области физической культуры и спорта на трудоустройство в подведомственных организациях.

Ключевые слова: физкультурно-спортивная деятельность, социально значимая деятельность, публичные органы власти, организации, исполняющие публично значимые функции.

PHYSICAL CULTURE AND SPORT AS A SOCIALLY-ECONOMICALLY SIGNIFICANT TYPE OF ACTIVITY

I. I. Samsonov

Regional Autonomous Institution "Center for Sports Training of National Teams of the Altai Territory"
(Barnaul, Russia)

The article is devoted to the study of the issue of attributing physical culture and sports to socio-economically significant types of activity along with pedagogical (teaching), scientific and other creative activities. The reasons and grounds that determine the existing problems and the need for the adoption of legislative novels are stated. A list of normative legal acts was identified that prohibits a number of employees of public authorities and employees of organizations performing publicly significant functions from engaging in other paid activities in the field of physical culture and sports. Signs of mutual authenticity between activities in the field of physical culture and sports and other socially significant types of activities have been substantiated. Proposals were formulated to correct a number of normative legal acts, in terms of their addition with an optional form of prescription for engaging in other paid physical culture and sports activities. The conditions for the fulfillment of another paid physical culture and sports activity as a secondary (additional) variant of behavior have been demonstrated. The author of the article concluded that it is necessary to further study the issue of anti-established by legislation for state (municipal) employees in the field of physical culture and sports for employment in subordinate organizations.

Keywords: physical culture and sports activities, socially significant activities, public authorities, organizations performing publicly significant functions.

Физическая культура и спорт (далее — ФКиС) — это социально значимая сфера деятельности государства не только по сохранению и укреплению общественного здоровья граждан (пп. «е», «ж» ст. 72 Конституции РФ) как неотъемлемого личного права на жизнь (ст. 20 Конституции РФ), но и драйвер экономического роста [1]. В связи с этим не вызывает удивления установление государством столь высоких показателей по вовлечению населения в систематические занятия ФКиС (не менее 55% — 2025 г. и 70% — 2030 г.).

Однако в регионах, особенно в малых городах (до 100 тыс. населения) и сельских поселениях, при дефиците и (или) нарастающем старении квалифицированных кадров в области ФКиС достижение установленных показателей по вовлечению в систематические занятия ФКиС выполнить практически невозможно. Причины нехватки кадров общеизвестны (низкая заработная плата; требования к образованию и обучению; ограничения и запреты для ряда служащих и работников на занятия ими иной оплачиваемой деятельностью в области ФКиС).

Ранее система ФКиС не имела выраженных признаков отрасли и, как правило, функционировала в системе образования, реализуя образовательные программы в области ФКиС [2–4]. В этой ситуации служащие публичных органов управления и работники организаций, исполняющих публично значимые функции (далее — Организации) не имели запретов и ограничений на занятие ими иной оплачиваемой деятельностью, так как занимались педагогической деятельностью.

Однако система ФКиС, базировавшаяся с 1934 г. на примате системы образования, с середины 1990 г. начала испытывать кризис в подготовке спортивного резерва (далее — ПСР). Это обусловило тенденцию по снижению результатов в спорте высших достижений [5], что стало основанием принятия Правительством РФ решения [6] о модернизации системы ПСР. В дальнейшем была изменена структура и статус работников системы ПСР, вид экономической деятельности, и внедрена «новая» технология ПСР — спортивная подготовка [2–4].

Это обусловило проблематику, связанную с отсутствием правовых оснований для привлечения работников из вышеупомянутых Организаций, подтверждаемое судебной практикой [7–10], практикой регулирования трудовых отношений [11], решений Комиссий Советом судей по этике [12]. Кроме этого, личные беседы с муниципальными служащими в области ФКиС, администрацией спортивных организаций (спортивные школы, центры ФКиС) подтверждают возникающие трудности у работников Организаций при их трудоустройстве тренерами, инструкторами по спорту и (или) спортсменом на условиях совместительства.

Таким образом, отсутствие поименованного социально значимого вида деятельности — ФКиС — в перечне разрешенных видов иной оплачиваемой деятельности для служащих и работников Организаций негативно отражается на возможном устранении дефицита кадров. Это также ограничивает в правах квалифицированных специалистов, имеющих возможность трудоустройства в организации, осуществляющие деятельность в области ФКиС и вовлечения населения в систематические занятия ФКиС.

Приступая к исследованию данного вопроса, нам не совсем понятны мотивы законодателя относительно игнорирования деятельности в области ФКиС как социально значимого вида деятельности при исполнении установленных государством целей по сохранению и укреплению здоровья населения, достижению значимых результатов в ПСР. За рубежом также отмечается высокая социальная значимость занятий ФКиС [13, 14], в том числе защите детей от дискриминации [15]. Здесь стоит обратить внимание на многогранность ФКиС как явления общественной жизни, включающее в себя массовый спорт (любительский характер), спорт высших достижений и профессиональный спорт (достиженческий, профессиональный характер) [4, 16, 17].

Служащим и иным работникам Организаций должны быть устранены ограничения и запреты на занятие ими иной оплачиваемой физкультурно-спортивной деятельностью (см. табл. 1) до уровня спортивных мероприятий межрегионального значения (пп. 7, 8 ст. 9 Закон РФ № 329-ФЗ).

Таблица 1

Перечень категорий работников Организаций, имеющих запреты и ограничения на занятие иными оплачиваемыми видами деятельности, кроме педагогической, научной и иной творческой деятельностью

№ п/п	Категория работников	Ссылка на норму закона
1	Лица, замещающие государственные должности РФ, лица, замещающие государственные должности субъектов РФ, муниципальные должности и осуществляющие свои полномочия на постоянной основе	пп. 3 ч. 3 ст. 12.1 Федерального закона от 25.12.2008 № 273-ФЗ (ред. от 24.04.2020) «О противодействии коррупции»
2	Высшее должностное лицо субъекта РФ (руководитель высшего исполнительного органа государственной власти субъекта РФ)	ч. 4 ст. 18 Федерального закона от 06.10.1999 № 184-ФЗ (ред. от 24.02.2021) «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов РФ»
3	Глава местной администрации муниципального образования	ч. 9 ст. 37 Федерального закона от 06.10.2003 № 131-ФЗ (ред. от 23.05.2020) «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ»; ч. 2 ст. 14 Федерального закона от 02.03.2007 № 25-ФЗ (ред. от 08.06.2020) «О муниципальной службе в РФ»
4	Члены Правительства РФ	пп. 2 ч. 3 ст. 6 Конституционный закон от 06.11.2020 № 4-ФКЗ «О Правительстве РФ»
5	Депутат, член выборного органа местного самоуправления, выборное должностное лицо местного самоуправления, осуществляющий полномочия на постоянной основе	пп. 3 ч. 7 ст. 40 Федерального закона от 06.10.2003 № 131-ФЗ (ред. от 29.12.2020) «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ»
6	Член Совета Федерации	пп. «в» ч. 1 ст. 4, пп. «в» ч. 2 ст. 6 Федерального закона № 3-ФЗ «О статусе сенатора РФ и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания РФ»
7	Депутат Государственной Думы	ч. 3 ст. 97 Конституция РФ; пп. «в» ч. 2 ст. 6 Федерального закона от 08.05.1994 № 3-ФЗ (ред. от 22.12.2020) «О статусе сенатора РФ и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания РФ»
8	Депутат, выборное должностное лицо, работающее на постоянной основе	ч. 9 ст. 4 Федерального закона от 12.06.2002 № 67-ФЗ (ред. от 31.07.2020) «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан РФ»
9	Депутат, осуществляющий деятельность на постоянной основе в законодательном (представительном) органе государственной власти субъектов РФ	ч. 2 ст. 12 Федерального закона от 06.10.1999 № 184-ФЗ (ред. от 23.05.2020) «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов РФ»
10	Сотрудники органов внутренних дел	ч. 4 ст. 34 Федерального закона от 30.11.2011 № 342-ФЗ (ред. от 08.12.2020) «О службе в органах внутренних дел РФ и внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ»
11	Сотрудники уголовно-исполнительной системы РФ	ч. 4 ст. 34 Федерального закона от 19.07.2018 № 197-ФЗ (ред. от 17.02.2021) «О службе в уголовно-исполнительной системе РФ и о внесении изменений в Закон РФ «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы»
12	Сотрудники таможенных органов	пп. 1 ч. 2 ст. 7 Федерального закона от 21.07.1997 № 114-ФЗ (ред. от 31.07.2020) «О службе в таможенных органах РФ»
13	Военнослужащие	абз. 2 ч. 7 ст. 10 Федерального закона от 27.05.1998 № 76-ФЗ (ред. от 13.07.2020) «О статусе военнослужащих»
14	Сотрудники кадрового состава органов внешней разведки РФ	абз. 5 ст. 18 Федерального закона от 10.01.1996 № 5-ФЗ (ред. от 09.11.2020) «О внешней разведке»
15	Военнослужащие, гражданский персонал органов федеральной службы безопасности	ч. 9 ст. 16.1. Федерального закона от 03.04.1995 № 40-ФЗ (ред. от 09.11.2020) «О федеральной службе безопасности»
16	Прокурорский работник	ч. 5 ст. 4 Федерального закона от 17.01.1992 № 2202-1 (ред. от 30.12.2020) «О прокуратуре РФ»

Продолжение таблицы 1

№ п/п	Категория работников	Ссылка на норму закона
17	Сотрудник органов принудительного исполнения	ч. 4 ст. 33 Федерального закона от 01.10.2019 № 328-ФЗ (ред. от 22.12.2020) «О службе в органах принудительного исполнения РФ и внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ»
18	Лица начальствующего состава органов федеральной фельдъегерской связи и федеральных государственных гражданских служащих органов федеральной фельдъегерской связи	абз. 8 ст. 9 Федерального закона от 17.12.1994 № 67-ФЗ (ред. от 30.03.2015) «О федеральной фельдъегерской связи»
19	Сотрудник федеральной противопожарной службы	Федеральный закон от 23.05.2016 № 141-ФЗ (в ред. 08.12.2020) «О службе в федеральной противопожарной службе Государственной противопожарной службы и внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ»
20	Руководитель частной охранной организации	ч. 8 ст. 15.1 Закон РФ от 11.03.1992 № 2487-1 (ред. от 27.12.2019) «О частной детективной и охранной деятельности в РФ»
21.	Руководители унитарных предприятий	ч. 2 ст. 21 Федерального закона от 14.11.2002 № 161-ФЗ (ред. от 23.11.2020) «О государственных и муниципальных унитарных предприятиях»
22	Нотариус	абз. 2 ст. 6 Основ законодательства РФ о нотариате (утв. ВС РФ 11.02.1993 № 4462-1) (ред. от 27.12.2019)
23	Адвокат	ч. 1 ст. 2 Федерального закона от 31.05.2002 № 63-ФЗ (ред. от 02.12.2019) «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ»
24	Председатель Счетной палаты, заместитель Председателя Счетной палаты, аудиторы Счетной палаты	пп. 3 ч. 1 ст. 10 Федерального закона от 05.04.2013 № 41-ФЗ (ред. от 29.05.2019) «О Счетной палате РФ»
25	Председатель, заместитель председателя и аудитор контрольно-счетных органов субъектов РФ и муниципальных образований	ч. 7 ст. 7 Федерального закона от 07.02.2011 № 6-ФЗ (ред. от 27.12.2018) «Об общих принципах организации и деятельности контрольно-счетных органов субъектов РФ и муниципальных образований»
26	Член Центральной избирательной комиссии РФ с правом решающего голоса, работающий в указанной комиссии на постоянной (штатной) основе, замещает государственную должность РФ. Член избирательной комиссии субъекта РФ с правом решающего голоса, работающий в комиссии на постоянной (штатной) основе, член иной избирательной комиссии, действующей на постоянной основе и являющейся юридическим лицом, с правом решающего голоса, работающий в комиссии на постоянной (штатной) основе; замещают в соответствии с законом, иным нормативным правовым актом субъекта РФ, уставом муниципального образования, иным нормативным правовым актом органа местного самоуправления соответственно государственную должность субъекта РФ, муниципальную должность	ч. 1 ст. 29 Федерального закона от 12.06.2002 № 67-ФЗ (ред. от 23.05.2020) «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан РФ»
27	Судья Конституционного Суда РФ	абз. 1 ст. 11 Федерального конституционного закона от 21.07.1994 № 1-ФКЗ (ред. от 29.07.2018) «О Конституционном Суде РФ»
28	Судьи РФ, в том числе в отставке (занятие которой не должно препятствовать исполнению обязанностей судьи и не может служить уважительной причиной отсутствия на заседании)	пп. 5 ч. 3 ст. 3 Закона РФ от 26.06.1992 № 3132-1 (ред. от 08.12.2020, с изм. от 30.12.2020) «О статусе судей в РФ»

Окончание таблицы 1

№ п/п	Категория работников	Ссылка на норму закона
29	Федеральные государственные гражданские служащие Судебного департамента при Верховном Суде РФ, а также работники, замещающие отдельные должности на основании трудового договора в организации, созданной для выполнения задач, поставленных перед Судебным департаментом при Верховном Суде РФ	п. 3 Приказа Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 24.08.2016 № 172 (ред. от 17.10.2018) «Об утверждении Положения о порядке получения федеральными государственными гражданскими служащими Судебного департамента при Верховном Суде РФ, а также работниками, замещающими отдельные должности на основании трудового договора в организации, созданной для выполнения задач, поставленных перед Судебным департаментом при Верховном Суде РФ, разрешения представителя нанимателя на выполнение оплачиваемой деятельности, финансируемой исключительно за счет средств иностранных государств, международных и иностранных организаций, иностранных граждан и лиц без гражданства»
30	Уполномоченный по правам человека в РФ	ч. 1 ст. 11 Федерального конституционного закона от 26.02.1997 (ред. от 09.11.2020) № 1-ФКЗ «Об Уполномоченном по правам человека в РФ»
31	Уполномоченный по правам ребенка в РФ	ч. 2 ст. 4 Федерального закона от 27.12.2018 № 501-ФЗ «Об уполномоченных по правам ребенка в РФ»
32	Уполномоченный по защите прав предпринимателей в РФ	ч. 5 ст. 1 Федерального закона от 07.05.2013 № 78-ФЗ (ред. от 28.11.2015) «Об уполномоченных по защите прав предпринимателей в РФ»
33	Уполномоченный по правам потребителей финансовых услуг	ч. 2 ст. 3 Федерального закона от 04.06.2018 № 123-ФЗ «Об уполномоченном по правам потребителей финансовых услуг»
34	Уполномоченный по правам человека в субъектах РФ	ч. 8 ст. 16.1. Федерального закона от 06.10.1999 № 184-ФЗ (ред. от 24.02.2021) «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов РФ»; пп. 4 ч. 1 ст. 7 Федерального закона от 18.03.2020 № 48-ФЗ «Об уполномоченных по правам человека в субъектах РФ»
35	Должностные лица Межгосударственного банка	ч. 4 ст. 10 Соглашение между Межгосударственным банком и Правительством РФ от 30.07.1996 «Об условиях пребывания Межгосударственного банка на территории РФ»
36	Члены Коллегии Комиссии Евразийского экономического союза	п. 35 Договора о Евразийском экономическом союзе (подписан в г. Астане 29.05.2014) (ред. от 01.10.2019)
37	Депутаты Палаты Представителей	ч. 2 ст. 41 Договора между РФ и Республикой Беларусь от 08.12.1999 «О создании Союзного государства»
38	Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ в иностранном государстве и Постоянный представитель (представителе, постоянном наблюдателе) РФ при международной организации (в иностранном государстве)	пп. 3 ч. 1 ст. 4 Федерального закона от 23.06.2016 № 186-ФЗ «О Чрезвычайном и Полномочном После РФ в иностранном государстве и Постоянном представителе (представителе, постоянном наблюдателе) РФ при международной организации (в иностранном государстве)»
39	Председатель Банка России, служащие Банка России, занимающие утвержденные Советом директоров должности	пп. 10 ст. 20, пп. 1 ст. 90 Федерального закона от 10.07.2002 № 86-ФЗ (ред. от 24.02.2021) «О Центральном банке РФ (Банке России)»
40	Начальник Российской таможенной Академии	п. 6.31 Приказа Федеральной таможенной службы от 16.06.2015 № 1170 «Об утверждении Устава государственного казенного образовательного учреждения высшего образования «Российская таможенная академия»

Источник: составлено автором.

Таким образом, в целях признания равнозначности между физкультурно-спортивной и педагогической (преподавательской), научной и иной творческой деятельностью как социально-экономически значимыми явлениями были определены следующие признаки их взаимной аутентичности:

1. Физкультурно-спортивная, как и педагогическая (преподавательская) деятельность, в своем

сущностном значении основывается на процессе обучения и воспитания [18, 19], то есть имеет педагогический характер деятельности [4, 18].

2. В должностные обязанности специалистов в области ФКиС включены трудовые функции по воспитательной работе. Физическое воспитание как одно из базовых явлений ФКиС входит в перечень обязанностей тренера, инструктора по спор-

ту и т. д., реализующих программы в области ФКиС как неотъемлемую часть правильного воспитания [18]. Например, проведение воспитательной работы со спортсменами как одно из трудовых действий установлено профессиональным стандартом «Тренер» для главного и старшего тренера спортивной сборной команды РФ.

3. Законодательством РФ определена взаимосвязь физической культуры как части сферы культуры (пп. 26 ст. 2 Закона № 329-ФЗ), а спорт — как части сферы социально-культурной деятельности (пп. 12 ст. 2 Закона № 329-ФЗ). Поэтому не требует доказательств творческий характер ФКиС, находящийся в литературе, живописи, театре, кинематографе. Большое количество научных публикаций посвящено взаимосвязи ФКиС с культурой, искусством и иной творческой деятельностью. Например, заслуживают внимание работы В. И. Столярова [20, 21]. Он в них отмечает имеющуюся, но недостаточно тесную и глубокую связь между спортом и искусством [19], а также противоречивый характер культурного потенциала спорта [20]. Несмотря на это, по его мнению, рассматриваемые категории занимают важное место в современной социально-педагогической системе и системе явлений современной культуры как «спортивная культура». В определенном смысле его мнение подтверждают А. Д. Куманьков [22], Ю. Л. Мазуров [23]. Так, Ю. Л. Мазуров утверждает, что спорт и культура являются самыми социализированными феноменами современности и между ними наблюдается онтологическая близость.

4. Специалист в области ФКиС без получения и применения новых знаний не может качественно управлять и организовать тренировочный процесс [18, 24], проявляя научно-исследовательскую компетентность.

Таким образом, мы предлагаем скорректировать действующие нормативно-правовые акты, устанавливающие для служащих и работников Организаций запреты и ограничения в части дополнения факультативной формы предписания физ-

культурно-спортивной деятельностью. При этом необходимо установить следующие условия выполнения второстепенного варианта поведения:

- учет характера деятельности в области ФКиС (муниципальные, межмуниципальные или региональные мероприятия, в том числе включенные в единый календарный план);
- оплата труда по нормативам в соответствии с порядком финансирования физкультурных и спортивных мероприятий, а также типовым положением об оплате труда, утвержденным органом исполнительной власти или органом местного самоуправления в области ФКиС;
- выполнение работы в свободное время от основного места трудовой деятельности, не сопровождающееся ухудшением исполнения должностных обязанностей по основному месту работы;
- согласование выполнения иной оплачиваемой деятельности с представителем нанимателя или работодателем.

В дальнейшем необходимо рассмотреть возможность устранения ограничения (запрета) для государственных и муниципальных служащих в области ФКиС на трудоустройство в подведомственных организациях, установленного законодательством о противодействии коррупции.

Итак, физкультурно-спортивную работу, наряду с преподавательской (педагогической), научной и иной творческой деятельностью, следует считать социально-экономически значимым явлением.

Необходимо дополнить факультативную форму предписания нормативно-правовых актов, устанавливающих запреты и ограничения для служащих органов публичной власти и работников организаций, исполняющих публично-значимые функции, по выполнению ими иной оплачиваемой физкультурно-спортивной деятельностью наряду с преподавательской (педагогической), научной и иной творческой деятельностью.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Засимова Л. С., Локтев Д. А. Занятия спортом — удел богатых? (Эмпирический анализ занятий спортом в России) // Экономический журнал Высшей школы экономики. 2016. Т. 20. № 3. С. 471–499.
2. Самсонов И. И., Головина Т. В., Повалева Г. В. Менеджмент спортивной школы (нормативно-правовой аспект): учебно-методическое пособие. Омск, 2010. 222 с.
3. Самсонов И. И. Тренер или тренер-преподаватель? // Эж-Юрист. 2014. № 4. С. 8.
4. Сейранов С. Г., Булгакова Н. Ж., Евсеев С. П., Фомиченко Т. Г. К вопросу о недостатках и противоречиях системы подготовки спортивного резерва в Российской Федерации // Вестник спортивной науки. 2020. № 6. С. 29–37.
5. Хроника. В. Мутко: «Результаты в Пекине неадекватны». URL: <https://sportrbc.ru/olymp2008/rfteam/newsline/24/08/2008/189847.shtml> (дата обращения: 08.03.2021).

6. Распоряжение Правительства РФ от 17.11.2008 № 1662-р (ред. от 28.09.2018) «О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года» (вместе с «Концепцией долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года»). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82134/ (дата обращения: 06.03.2021).
7. Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 04.05.2016 № 33а-8483/2016 по делу № 2а-2458/2016. URL: <https://base.garant.ru/139977267/> (дата обращения: 06.03.2021).
8. Определение Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 28.02.2019 № АПЛ 19–19. URL: <https://legalacts.ru/sud/apelliatsionnoe-opredelenie-apelliatsionnoi-kollegii-verkhovnogo-suda-rf-ot-28022019-n-apl19-42/> (дата обращения: 06.03.2021).
9. Определение Верховного Суда РФ от 30.10.2019 № 308-ЭС19–14808 по делу № А63–12376/2018. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-30102019-n-308-es19-14808-po-delu-n-a63-123762018/> (дата обращения: 06.03.2021).
10. Определение Московского городского суда от 12.03.2012 по делу № 33–7700. URL: <https://internet.garant.ru/#/document/57988799/paragraph/1/doclist/1181/showentries/0/highlight/Определение%20СК%20по%20гражданским%20делам%20Московского%20городского%20суда%20от%2012%20марта%202012%20г.%20N%2033-7700:2> или <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SOCN&n=115479#06036638061802249> (дата обращения: 06.03.2021).
11. Ответ службы правового консалтинга о возможном трудоустройстве военнослужащего спортсменом-инструктором. URL: <https://internet.garant.ru/#/document/57628097/paragraph/1/doclist/364/highlight/спортсмен-инструктор%20военнослужащий:2> (дата обращения: 06.03.2021).
12. Заключение Комиссии Совета судей РФ по этике от 04.12.2019 № 12-КЭ. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/73252075/> (дата обращения: 06.03.2021).
13. *Le sport au service du développement et de la paix*. Zurich (Suisse). 2005. P. 8.
14. *Le sport, les loisirs et le jeu* / UNICEF. New York, 2004. P. 2.
15. Arpino M. *Il Maestro italiano di Scherma nel Sistema delle Qualifiche Europee: Tesi / Accademia nazionale di scherma*. Napoli, 2011. P. 4.
16. Переверзин И. И., Сулов Ф. П. О структуре современного спорта высших достижений и социально-правовом статусе спортсменов-профессионалов // *Теория и практика физической культуры*. 2002. № 5. С. 57–61.
17. Понкин И. В. *Общая теория публичного управления: избранные лекции*. М., 2013. 196 с.
18. Матвеев Л. П. *Теория и методика физической культуры (общие основы теории и методики физического воспитания; теоретико-методические аспекты спорта и профессионально-прикладных форм физической культуры): учеб. для ин-тов физ. культуры*. М., 1991. 543 с.
19. Подласый И. П. *Педагогика: в 3 кн. Кн. 3: Теория и технологии воспитания: учеб. для студентов вузов, обучающихся по направлениям подгот. и специальностям в обл. «Образование и педагогика»*. 2-е изд., испр. и доп. М., 2007. 463 с.
20. Столяров В. И. *Спорт и искусство: сходство, различие, пути интеграции* // *Спорт, дух, ценности, культура*. М., 1997. Вып. 5. С. 101–265.
21. Столяров В. И. *Спорт и культура (методологический и теоретический аспекты проблемы)* // *Спорт, дух, ценности, культура*. М., 1997. Вып. 1. С. 84–209.
22. Куманьков А. Д. *Современный спорт и культура насилия* // *Спорт: экономика, право, управление*. 2016. № 4. С. 18–21.
23. Мазуров Ю. Л. *Спорт как универсальная культура* // *Вестник РМОУ*. 2012. № 4. С. 42–47.
24. Соломченко М. А., Прохоров Р. А. *Содержание деятельности тренера и основные принципы работы со спортсменами* // *Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки*. 2015. № 5 (68). С. 291–294.

REFERENCES

1. Zasimova L. S., Loktev D. A. Sports — the lot of the rich? (An empirical analysis of sports in Russia) // *Economic Journal of the Higher School of Economics*. 2016. T. 20. No. 3. Pp. 471–499.
2. Samsonov I. I., Golovina T. V., Povalyaeva G. V. *Management of a sports school (regulatory aspect): teaching aid*. Omsk, 2010. 222 p.
3. Samsonov I. I. *Trainer or trainer-teacher?* // *Ezh-Lawyer*. 2014. No. 4. P. 8.

4. Seyranov S. G., Bulgakova N. Zh., Evseev S. P., Fomichenko T. G. On the issue of the shortcomings and contradictions of the system of training the sports reserve in the Russian Federation // Bulletin of sports science. No. 6. 2020. Pp. 29–37.
5. Chronicle. V. Mutko: “The results in Beijing are inadequate.” URL: <https://sportrbc.ru/olymp2008/rfteam/newsline/24/08/2008/189847.shtml> (date of access: 08.03.2021).
6. Order of the Government of the Russian Federation of November 17, 2008 No. 1662-r (as amended on September 28, 2018) “On the Concept of long-term socio-economic development of the Russian Federation for the period up to 2020” (together with the “Concept of long-term socio-economic development of the Russian Federation for period until 2020”). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82134/ (date of access: 06.03.2021).
7. Appeal ruling of the St. Petersburg City Court dated 04.05.2016 No. 33a-8483/2016 in case No. 2a-2458/2016. URL: <https://base.garant.ru/139977267/> (date of access: 06.03.2021).
8. Determination of the Appellate Collegium of the Supreme Court of the Russian Federation dated 02.28.2019 No. APL19–19. URL: <https://legalacts.ru/sud/apelliatsionnoe-opredelenie-apelliatsionnoi-kollegii-verkhovnogo-suda-rf-ot-28022019-n-apl19-42/> (date of access: 06.03.2021).
9. Determination of the Supreme Court of the Russian Federation dated October 30, 2019 No. 308-ES19–14808 in case No. A63–12376 / 2018. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-30102019-n-308-es19-14808-po-delu-n-a63-123762018/> (date of access: 06.03.2021)
10. Determination of the Moscow City Court dated 12.03.2012 in case No. 33–7700. URL: <https://internet.garant.ru/#/document/57988799/paragraph/1/doclist/1181/showentries/0/highlight/Определение%20СК%20по%20гражданским%20делам%20Московского%20городского%20суда%20от%2012%20марта%202012%20г.%20N%2033-7700:2> or <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SOCN&n=115479#06036638061802249> (date of access: 06.03.2021).
11. The answer of the legal consulting service about the possible employment of a soldier as an athlete-instructor. URL: <https://internet.garant.ru/#/document/57628097/paragraph/1/doclist/364/highlight/спортсмен-инструктор%20военнослужащий:2> (date of access: 06.03.2021).
12. Conclusion of the Commission of the Council of Judges of the Russian Federation on Ethics dated 04.12.2019 No. 12-KE. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/73252075/> (date of access: 06.03.2021).
13. Le sport au service du développement et de la paix. Zurich (Suisse), 2005. P. 8.
14. Le sport, les loisirs et le jeu / UNICEF. New York, 2004. P. 2.
15. Arpino M. Il Maestro italiano di Scherma nel Sistema delle Qualifiche Europee: Tesi. Napoli, 2011 P. 4.
16. Pereverzin I. I., Suslov F. P. On the structure of modern sports of the highest achievements and the social and legal status of professional athletes // Theory and practice of physical culture. 2002. No. 5. Pp. 57–61.
17. Ponkin I. V. General theory of public administration: Selected lectures. M., 2013. 196 p.
18. Matveev L. P. Theory and methodology of physical culture (general foundations of the theory and methodology of physical education; theoretical and methodological aspects of sports and professionally applied forms of physical culture): textbook for universities of physical culture. M., 1991. 543 p.
19. Podlasy I. P. Pedagogy: in 3 book, Book 3: Theory and technology of education: textbook for university students studying in the areas of preparation and specialties in the filed “Education and Pedagogy”. 2nd ed., rev. and add. M., 2007. 463 p.
20. Stolyarov V. I. Sport and Art: Similarity, Difference, Ways of Integration // Sports, spirit values, culture. M., 1997. Iss. 5. Pp. 101–265.
21. Stolyarov V. I. Sport and culture (methodological and theoretical aspects of the problem) // Sport, spirit values, culture. M., 1997. Iss. 1. Pp. 84–209.
22. Kumankov A. D. Modern sport and the culture of violence // Sport: economics, law, management. 2016. No. 4. Pp. 18–21.
23. Mazurov Yu. L. Sport as a universal culture // Vestnik RIOU. 2012. No. 4. Pp. 42–47.
24. Solomchenko M. A., Prokhorov R. A. The content of the coach’s activity and the basic principles of working with athletes // Scientific notes of the Oryol State University. Series: Humanities and Social Sciences. 2015. No. 5 (68). Pp. 291–294.

Поступила в редакцию: 01.07.2021.

Принята к печати: 26.07.2021.

НЕКОТОРЫЕ ПОДХОДЫ К ГОСУДАРСТВЕННОМУ СТИМУЛИРОВАНИЮ ИННОВАЦИОННОЙ АКТИВНОСТИ ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ

Д. А. Степаненко¹, А. А. Ермолина²

¹Санкт-Петербургский государственный экономический университет
(Санкт-Петербург, Россия)

²Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)

Инновационное развитие России является важнейшим индикатором конкурентоспособности национальной экономики. Осуществляя инновационную политику, государство стимулирует инновационную активность промышленных предприятий. Исследование содержит анализ влияния изменений нормативно-правовой базы в РФ на уровень развития инноваций и положение страны в мировом рейтинге инновационной активности. В статье проведен обзор тенденций зарубежного государственного стимулирования инновационной активности бизнеса на примере США, Индии и Швеции и сделан вывод о значительной роли государства и необходимости адресного финансирования инновационной деятельности предприятий.

В качестве методов исследования были использованы сравнительный анализ и диагностика проблем инновационной политики, анализ рейтинга инновационной активности, прогнозирование затрат на технологические инновации, определение критериев инновационной активности промышленных предприятий.

В результате предложены подходы стимулирования инновационной активности промышленных предприятий, учитывающие дифференциацию предприятий по адресату, каналам, частоте и способу осуществления стимулирования. Внедрение предложенных подходов позволит повысить инновационную активность промышленных предприятий, что приведет к росту конкурентоспособности национальной экономики.

Ключевые слова: государственное стимулирование, инновационная активность, инновации, промышленная политика, промышленные предприятия.

APPROACHES TO STATE STIMULATION OF INNOVATIVE ACTIVITY OF INDUSTRIAL ENTERPRISES

D. A. Stepanenko¹, A. A. Ermolina²

Saint-Petersburg State University of Economics (Saint-Petersburg, Russia) ¹

Saint-Petersburg State University (Saint-Petersburg, Russia) ²

The Russia's innovative development is the most important indicator of the competitiveness of the national economy. By implementing an innovation policy, the state stimulates the innovative activity of industrial enterprises. The study analyzes the impact of changes in the regulatory framework in the Russian Federation on the level of innovation development and the country's position in the world ranking of innovative activity. The article reviews the tendencies of foreign government stimulation of business innovation activity on the example of the USA, India and Sweden and draws a conclusion about the significant role of the state and the need for targeted financing of enterprises' innovative activities.

Comparative analysis and diagnostics of innovation policy problems, analysis of the rating of innovation activity, forecasting the costs of technological innovation, determination of criteria for innovative activity of industrial enterprises were used as research methods.

As a result, the proposed approaches to stimulate the innovative activity of industrial enterprises, taking into account the differentiation of enterprises by the addressee, channels, frequency and method of implementation

---

of incentives. The introduction of the proposed approaches will increase the innovative activity of industrial enterprises, which will lead to an increase in the competitiveness of the national economy.

Keywords: government incentives, innovative activity, innovations, industrial policy, industrial enterprises.

Роль государственного регулирования инновационной деятельности промышленных предприятий. Эффективность инновационной политики в современном мире определяет темпы экономического роста государства. Осуществляя инновационную политику, оно участвует в реализации инноваций в различных формах — выступает прямым инвестором, создателем фондов, законодателем, определяющим способы регистрации разработок и защиты изобретательского права. Правительство финансирует различные фундаментальные исследования, ресурсно-затратные проекты и инновации, которые направлены на улучшение социальной жизни общества и не принесут потенциальному инвестору дохода в будущем. Множественность ролей государства в данном процессе оказывает значительное влияние на эффективность инноваций. Для формирования эффективной стратегической инновационной политики государства необходимо осуществить классификацию подходов к стимулированию новаторской деятельности промышленных предприятий.

Вопросы, связанные с системой государственного стимулирования инноваций, исследуют зарубежные авторы Д. Бора, Х. Малик и С. Массини, М. Делейди и М. Маццукато, Р. Фукар и Ц. Шер Ли, Е. Ивус, М. Хосе, Р. Шарма и др. [1–5].

Среди современных отечественных авторов, исследующих проблематику применения инструментов государственного стимулирования инновационного развития, следует выделить таких авторов, как Н. М. Абдикеева, А. Г. Бездудную, Ю. С. Богачева, О. В. Власова, Т. В. Говорунова, И. С. Джавадова, И. В. Казьмина, Г. А. Краюхина, Т. Ю. Ксенофонтову, О. Н. Кузнецову, Е. Л. Мореву, В. И. Норовяткина, Ю. И. Растову, И. А. Родионову, Е. Ю. Сулова, А. С. Тулупова, Е. Б. Тютюкина, А. С. Чернову и др.

В работе И. С. Джавадовой акцент сделан на финансовые инструменты [6], работа А. С. Черновой посвящена исследованию прямых и косвенных методов государственного стимулирования [7], в работе О. Н. Кузнецовой — на развитие территориальных инновационных кластеров [8]. Особый интерес представляет работа Е. Ю. Сулова и Ю. И. Растовой по технологиям интеграционных решений, в которой предложен подход развития интеграционного потенциала по сценарию «Собственный центр силы» с отладкой «горизонтальных» связей ме-

жду партнерами при создании НИОКР [9]. Работа И. А. Родионовой и др. содержит рекомендации по расширению налоговых льгот и механизм развития государственно-частного партнерства, как основных элементов государственного стимулирования инновационной активности в стране [10], в работе Н. М. Абдикеева анализируется результативность бюджетного финансирования инновационной деятельности в России [11].

Важный акцент на обеспечение гибкости и адаптивности промышленных предприятий через ускоренную реализацию наукоемких проектов и ускоренную амортизацию оборудования предложен в статье А. Г. Бездудной, Т. Ю. Ксенофонтовой, Г. А. Краюхина, Ю. И. Растовой. Исследование И. В. Казьминой содержит классификацию механизмов повышения инновационной активности промышленных предприятий и анализ показателей инновационной активности региона [12].

Таким образом, можно говорить о достаточной изученности и актуальности темы государственного стимулирования инновационной активности промышленных предприятий. Вместе с тем текущая ситуация не позволяет отнести Россию к лидерам в области инновационной активности на мировом рынке. Для определения сдерживающих факторов целесообразно исследовать нормативно-правовую базу РФ в области стимулирования инновационной активности, изучить зарубежный опыт государственной поддержки технологического предпринимательства и подходы к стимулированию инновационной деятельности.

Анализ влияния нормативно-правовой базы в области инновационной политики на рейтинг ГИИ. Приоритетные направления инновационной деятельности промышленных предприятий отражены в федеральных и региональных документах стратегического планирования Российской Федерации:

- Федеральный закон от 28.06.2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации»;
- Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года, утвержденная распоряжением Правительства Российской Федерации от 08.12.2011 № 2227-р;
- Постановление Правительства Российской Федерации от 21.05.2013 № 426 «О феде-

ральной целевой программе «Исследования и разработки по приоритетным направлениям развития научно-технологического комплекса России на 2014–2020 годы»;

- Постановление Правительства Российской Федерации от 15.04.2014 № 328 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности»;
- Постановление Правительства Российской Федерации от 5.04.2014 № 316 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Экономическое развитие и инновационная экономика»;
- Программа «Цифровая экономика Российской Федерации», утвержденная распоряжением Правительства Российской Федерации от 28 июля 2017 г. № 1632-р;
- Приоритетная программа «Повышение производительности труда и поддержка занятости», утвержденная Советом при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и приоритетным проектам от 30.08.2017 г.;
- Прогноз научно-технологического развития Российской Федерации на период до 2030 года, утвержденный Правительством Российской Федерации 3 января 2014 года.

Действуют также государственные программы и стратегии развития различных отраслей. Данная нормативно-правовая среда недостаточно гармонична, так как выделяет отрасли, ориентированные на создание новых видов инновационной продукции, на потребительский рынок и на инвестиционный спрос [13], то есть ограничивает развитие инновационной активности ряда промышленных предприятий.

Глобальный индекс инноваций представляет собой исследование, результатом которого является формирование рейтинга стран по уровню развития данного вида деятельности. Этот показатель рассчитывается бизнес-школой INSEAD. В 2020 г. Россия в рейтинге Глобального индекса инноваций занимала в 47 место. По сравнению с периодом 2014–2019 гг. позиции государства постепенно ухудшаются, а по сравнению с периодом 2010–2015 гг. значительно улучшились. 2020 г. являлся годом завершения Стратегии инновационного развития Российской Федерации [14], разработанной в 2011 г. Основные цели, которые были приняты в данной концепции, не были достигнуты. Уровень экспорта высокотехнологичных товаров остался на прежнем уровне, который как в начале, так и в конце программы составлял около 1,5%. Число предприятий, выпускающих высокотехнологичную продукцию, также осталось на прежнем

уровне — 10%, что значительно отличается от заявленных 40%. В 2020 г. после провала предыдущей стратегии была начата разработка новой — «Стратегия инновационного развития Российской Федерации до 2030 года». Основной целью развития государства по новому проекту является повышение доли предприятий, производящих инновационную продукцию до 50%. Длительность временного промежутка, на который рассчитан документ, неопределенность и размытость входящих в него показателей говорит о возможности повторной неудачи.

Вместе с тем значительные изменения внесены в Налоговый кодекс РФ в отношении IT отрасли. Они вступили в силу в самом начале 2021 г. Снижение ставки налога на прибыль составило 17%, полученные средства будут поступать в федеральный бюджет. Страховые взносы технологических компаний снижены до 7,6%. Данная политика государства уже принесла свои результаты — на мировом рынке спад IT отрасли в 2020 г. составил 5%, в РФ наблюдался рост, равный 5%.

В 2020 г. Государственная дума одобрила законопроект, позволяющий оценивать эффективность венчурного финансирования государственных средств портфельным образом — эффективность деятельности фонда будет оценена не по каждому проекту отдельно, а по их совокупности. Данное изменение в законодательстве позволит венчурным фондам инвестировать средства в большее количество высокорискованных проектов и с большей вероятностью получить уникальную прибыльную инновацию [15].

Исследование тенденций в области зарубежного государственного стимулирования инновационной активности бизнеса. В США существует программа развития и содействия инновационным исследованиям в малом бизнесе. Государство выполняет роль главного инвестора на начальном этапе осуществления инновации — вкладывает в деятельность фирмы порядка 65% средств, необходимых для запуска проекта. Данная программа состоит из трех этапов. На первом этапе происходит оценка технологической идеи проекта, ее востребованность на рынке, на следующем этапе проводится выпуск первых прототипов инновационного товара или оказания услуги, на третьем этапе осуществляется запуск производства. Все этапы осуществляются за счет государственных средств, также государство берет на себя роль оценки рискованности проекта и создания рыночной ниши для уникального новшества [16]. Таким образом, США осуществляет финансирование не только крупных, но и мелких идей, которые создают частные лица, при этом государство помогает превращать самые перспективные из них в крупные проекты, которые в будущем позволят

усовершенствовать текущую структуру производства или создать уникальный продукт, что приведет к росту национальной экономики и повышению конкурентоспособности страны на мировом рынке. Для осуществления фундаментальных исследований в США создаются специальные технологические лаборатории на территории университетов, которые также финансируются государством.

В Индии созданы специальные платформы, которые позволяют разработчикам и компаниям взаимодействовать для определения концепции будущих инноваций. Осуществление инновационной политики производится на уровне министерств, которые определяют инновационное развитие; фондов, которые оказывают различную помощь при разработке инноваций средним и крупным компаниям; поддержка частных инициатив происходит и с помощью проведения индивидуальных экспертиз и поэтапному финансированию проекта в случае его востребованности на рынке. В Индии также существует университет Дели, который определяет значимость научных инноваций, создавая различные лаборатории, технопарки и исследовательские центры на территории всей страны [17, 5].

Таким образом, как в Индии, так и в США, стимулирование инноваций производится адресно — гранты и выплаты направляются конкретным частным лицам, имеющим перспективную идею или разработку. В случае успеха и высокого спроса на разработанную инновацию идея превращается в крупную компанию, которая продолжает получать поддержку государства в осуществлении инновационной деятельности. Стимулирование могут также получить существующие компании, которые совершенствуют производимый или создают новый продукт, и научные организации, разрабатывающие технологии, которые могут совершенствовать производство. В РФ частному лицу практически невозможно получить инвестиции для своего проекта, только крупные государствен-

ные компании могут рассчитывать на гранты. Разработчик не имеет возможности найти средств даже для проработки идеи, оценки рисков и создания прототипа, так как государство готово инвестировать только в готовые крупные проекты, которые получают прибыль в будущем с высокой вероятностью, при том государственные инвестиции позволят покрыть только незначительную часть затрат.

В США и Индии инвестирование не массовое, оно является конкретным. Механизмы стимулирования идей, существующих производств и глобальных исследований значительно отличаются между собой, в результате чего отдача от вложенных средств значительно возрастает, и каждый субъект может реализовать как отвлеченные инновации, которые сначала создаются, а потом определяется ее использование; так и инновации по необходимости, для которых есть критерии оценки и понимание задач, для которых она создается [18].

Особенностью промышленной политики Швейцарии является масштабное стимулирование инновационной активности в секторе частного бизнеса, а также конкурсная поддержка малых инновационных предприятий, осуществляющих разработки в рамках государственной тематики и специальных целевых программ [19]. Исследование европейского опыта развития инновационной деятельности также отражает наличие взаимосвязи бизнеса, университетов и власти, описанной в модели «тройной спирали» Г. Ицковича. Однако учет индивидуальных черт инновационной экосистемы должен стать национальной прерогативой. Наглядным примером могут служить Северная и Южная Корея, доказавшим эффективность противоположно направленной инновационной политики при общей культуре и истории [20].

Анализ динамики индикаторов инновационной активности. Исследование динамики индекса инновационной активности США, Индии и России представлено на рисунке 1.

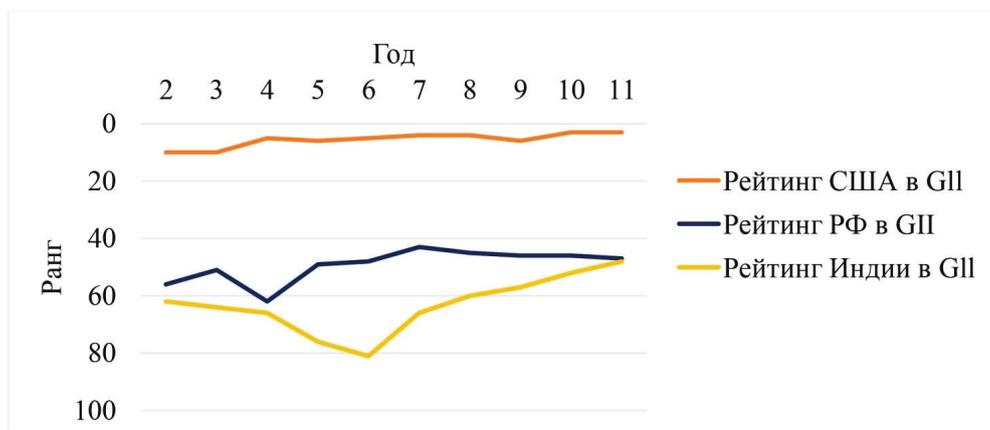

Рис. 1. Динамика индекса инновационной активности США, России и Индии за 2010–2020 гг. [21].

На графике видно, что инновационная политика США на протяжении 10 лет демонстрирует свою эффективность: страна занимает одно из лидирующих положений в мире.

Прорыв Индии обусловлен рядом факторов, один из которых имеет жизненно важное значение — партнерство правительства и Всемирной организацией интеллектуальной собственности (ВОИС). Благодаря качеству научных публикаций, университетов и семейств патентов-аналогов, по которым Индия занимает второе место среди стран со средним доходом, благодаря экспорту информационно-коммуникационных технологий, росту объема инвестиций в экономику, экспорт результатов творческого труда и кластерным научно-техническим образованиям. Страна на протя-

жении 9 лет демонстрирует уверенный рост показателей инновационной деятельности [17].

Россия отстает от США более чем на 30 позиций, при этом в течение последних 5 лет наблюдается стагнация — Россия практически не меняет позицию в рейтинге, из чего следует, что государственная политика стимулирования инновационной активности неэффективна.

Другим индикатором эффективности инновационной политики государства по отношению к предприятиям являются основные источники затрат на новшества организаций, а именно доля государственного финансирования в этих затратах. На рисунке 2 представлены источники затрат на технологические инновации по источникам финансирования.

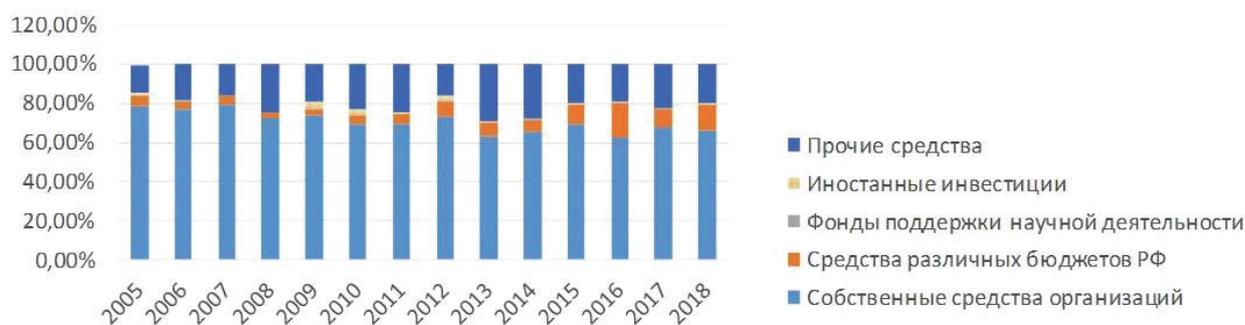

Рис. 2. Основные источники затрат на технологические инновации по источникам инвестирования [22]

С 2005 по 2018 г. основными источниками средств для реализации инноваций производственных компаний являются собственные средства предприятий — в среднем от 60 до 80% в общей доле инвестиций. Доля средств различных бюджетов РФ — не более 10%. Таким образом, компании, реализующие инновации, в основном делают это с использованием собственных средств, которые в необходимом размере имеются только у крупных успешных организаций. Недостаток средств приводит к тому, что промышленные организации в РФ проявляют низкую инновационную активность (рис. 3), которая с 2006 по 2016 г. не превышает 11,2%. В 2017 и 2018 гг. инновационная активность компаний возросла за счет изменения метода расчета показателя — расширен список видов процессных инноваций и инновационно-активных организаций. Таким образом, государственное стимулирование инновационной активности промышленных предприятий необходимо осуществлять дифференцированно.

Анализ многообразия и распространенности форм инновационной активности. В России существует множество форм инновационной активности. Технопарки выступают площадкой

с необходимым для проведения исследований и разработок соответствующим оснащением и инфраструктурой. Структуры также создаются на базе высших учебных заведений, исследовательских организаций и промышленных предприятий. В научных технопарках работают студенты и преподаватели, разрабатывая технологии и делая научные открытия. В промышленных технопарках в основном развиваются организации, которые являются поставщиками и партнерами производственной организации-основателя. В 2017–2019 гг. регионам, в которых расположены более перспективные технопарки, государство выделило порядка 6,9 млрд долл. Основной задачей данной формы инновационной активности государство видит создание рабочих мест, что минимизирует возможность получения дополнительных льгот для малого бизнеса, связанного с научными разработками и расположенного на территории технопарков. В случае реализации инновационной идеи на базе технопарка компания получает некоторые льготные условия и необходимую инфраструктуру, но не имеет индивидуального финансирования, то есть данная форма инновационной активности не дает возможности для реализации идей, создатели кото-

рых не имеют средств для ее запуска. Другими словами, стимулирование будет эффективно для всех участников рынка только в том случае, если каждая инновационная организация будет оцениваться в соответствии со своими возможностями, це-

лями и задачами, которые определяются этапом развития организации. Для определения перспектив развития проекта необходима индивидуальная оценка каждой организации — дифференцированный подход.

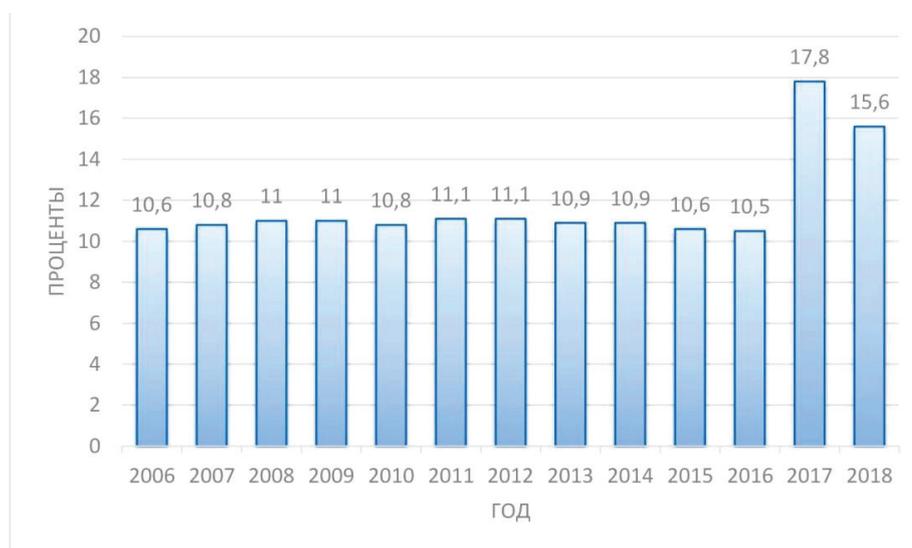

Рис. 3. Совокупный уровень инновационной активности промышленного производства [23]

Подходы к государственному стимулированию инновационной активности. На основе анализа нормативно-правовых актов и трендов промышленной политики развитых стран мира с целью повышения эффективности государственной политики стимулирования инновационной активности целесообразно дифференцировать подходы к стимулированию.

Адресный подход. Стимулирование частных лиц — поддержка отдельных предпринимателей или малых предприятий дает возможность создания конкретных инноваций, которые в будущем могут быть использованы на крупных производствах для повышения качества продукции, сокращения издержек, совершенствования производства, снижения вредных выбросов в атмосферу. Стимулирование компаний является более эффективным в том плане, что заказчик изменения совпадает с изобретателем в результате чего вероятность провала инновационного проекта сводится к минимуму. Компании, совершенствуя собственное производство улучшают выпускаемую продукцию, а при поставке обновленной продукции другим компаниям, улучшают множество конечных продуктов. Если компания является производителем готовой продукции, то она собственной инновационной активностью повышает требования к составным частям конечного товара. Оба этих процесса приводят к качественному развитию отрасли внутри страны и повыше-

нию конкурентоспособности государства на мировом рынке. Стимулирование университетов позволяет сформировать среду, в которой множество студентов могут создавать уникальный продукт или идею совместными усилиями, образовывать исследовательские и экспертные группы, самостоятельно оценивать идею и определять уровень востребованности на рынке. Идеи, созданные в университетах и научных организациях, часто являются революционными и прорывными, так как ориентируются не на получение прибыли или улучшение определенных систем производства, а на определенное несовершенство, которое пронизывает все отрасли и тормозит развитие производства и страны в целом.

Посреднический подход. На начальном этапе выделения средств все инновационные организации можно стимулировать через определенных посредников (**по каналам инвестиций**), например, **через высшие учебные заведения и научно-исследовательские центры**, которые объективно могут совместными усилиями ученых оценить перспективность разработки и возможность ее реализации и использования в практической деятельности. Исследовательские организации с помощью использования уже имеющихся у них ресурсов могут значительно сократить объемы инвестиций и привлечь к реализации необходимых специалистов, что значительно ускорит процесс реализации проекта.

Можно производить вложение и **через производственные организации**, которые осуществляют инновационную деятельность частично с помощью собственных ресурсов для повышения эффективности работы и совершенствования технологии производства. Осуществление самостоятельных исследований является сложным для средних и мелких компаний в финансовом плане и без участия крупного инвестора не может быть доведено до конца. Государственные инвестиции дают возможность компаниям создать те производственные инновации, которые могут качественно повлиять на развитие целой отрасли. В данном случае вероятность неэффективного использования средств сводится к минимуму, снимается вопрос о перспективности проекта, так как компания производит исследования, максимально приближенные к практической деятельности, которые направлены на улучшение определенной области производства.

Инвестировать также можно **через частные компании**, которые состоят из профессионалов в сфере инновационного предпринимательства — бизнесменов, представителей государственной власти, коучей. Примером такой компании является «Деловая Россия», которая проводит конкурс стартапов, отбирает лучшие и производит финансирование на средства участников организации. Инвестиции через такого посредника позволяют осуществить объективный отбор качественных востребованных на рынке проектов, определить направленность развития, откорректировать идеи и выбрать самые эффективные методы реализации. Данный посредник дает возможность государству не только оказать финансовую и менторскую поддержку на самом сложном этапе — реализации идеи. Такие посредники производят конкурсный отбор инновационных идей.

Этапный подход. Государственное стимулирование инновационной активности промышленных предприятий должно происходить в соответствии с определенной периодичностью, необходимой для последовательного и гармоничного развития проекта. Исходя из данного критерия, стимулирование инновационного развития можно классифицировать **по частоте**.

Постоянные инвестиции необходимы фундаментальным исследованиям, которые могут происходить в течение десятков лет. Эффективность и перспектива данных исследований на протяжении всего времени их осуществления находится под вопросом, но положительным эффектом, который возникает в процессе реализации таких проектов является множество побочных открытий — практических изобретений, которые сделали жизнь людей удобнее и проще. В 1942 году Г. Кувер, работавшая особый материал, который мог бы быть

использован для производства прицелов боевого оружия, случайно создал суперклей.

Периодические инвестиции будут возможны в том случае, когда инновационная деятельность производится предприятием и компания имеет определенные финансовые трудности, в результате чего разработка новшества замедляется или вообще приостанавливается, так как в случае наступления кризиса или внутренних проблем большинство организаций сокращают затраты на научные разработки. Возможность получения быстрого дополнительного финансирования могла бы дать предприятиям возможность не только продолжить разработку, но и улучшить производство, тем самым повысив качество продукции, укрепить положение компании на рынке или даже занять новую рыночную нишу.

Единовременные инвестиции возможны в случае, когда индивидуальный предприниматель или группа лиц уже имеет идею, которая с высокой вероятностью будет пользоваться на рынке спросом, но у них нет достаточных средств для выпуска пробных экземпляров и осуществления рекламной кампании для привлечения потенциальных потребителей. В случае реального успеха разработки после единичного финансирования необходимого для запуска производства компания быстро найдет клиентов и получит прибыль.

Инвестиционный подход (по способу осуществления стимулирования). Государство может производить не только прямые инвестиции, но и косвенное воздействие на инновационную активность компаний.

К **прямым** инвестициям относятся выделение средств на осуществление проектов — государственные гранты, направленная помощь, различные виды целевых инвестиций. Прямые инвестиции без анализа проекта и сопровождения в реализации возможны только в том случае, когда инновацию реализует компания, преобразуя текущее производство — риски минимальны, так как планируемая к реализации инновация практически применима и способна к быстрой модернизации в случае изменения запроса компании.

Косвенными инвестициями государства является создание инфраструктуры, которая поможет новаторам реализовывать свои проекты. В России создаются технопарки, которые представляют собой здания, строения, приборы и другие приспособления, необходимые для разработки новшеств, но также существует проблема согласования запроса производственных компаний на изменение определенных процессов деятельности и разработчиков, которые могут предложить варианты решения проблем. Важной задачей государства в данном случае является создание инновационной инфраструкту-

ры, которая позволит заказчику и потенциальному исполнителю установить контакт за короткий промежуток времени. Государству необходимо создать единую систему, которая позволит компании разместить запрос, определить время исполнения задачи и бюджет, а также обозначить необходимость государственного финансирования в том случае, если собственных средств фирмы недостаточно для реализации новшества, которое в перспективе может качественно улучшить производства.

Успех инновационной деятельности в стране возможен только в случае комбинирования косвенных и прямых методов регулирования. Создание работающей инфраструктуры позволит создать условия для внедрения конкурентоспособных инноваций в реальном секторе экономики.

Перспективы. Для повышения эффективности инновационной политики на уровне государства необходимо постоянно корректировать ее страте-

гию, дополняя краткосрочными планами, которые включают в себя определенные показатели, способы их достижения, каналы инвестирования, возможные объемы средств и определение взаимных обязательств государства и субъектов, разрабатывающих и реализующих инновации в соответствии с мировыми тенденциями развития экономики.

Внедрение дифференцированных подходов государственного стимулирования промышленных предприятий позволит повысить инновационную активность за счет адресности, целевого использования, доступности, учета этапов проведения исследований и разработок и дифференциации способов привлечения и реализации инвестиций. В перспективе можно ожидать увеличение доли промышленных предприятий, осуществляющих внедрение инновационных проектов, рост их конкурентоспособности и национальной экономики в целом как на внутреннем, так и на мировом рынке.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Borah D., Khaleel Malik Kh., Massini S. Teaching-focused university — industry collaborations: Determinants and impact on graduates' employability competencies // *Research Policy*. 2021. Vol. 50. Iss. 3. DOI: 10.1016/j.respol.2020.104172. URL: <https://EconPapers.repec.org/RePEc:eee:respol:v:50:y:2021:i:3:s0048733320302468/>
2. Castellacci F., Natera J. The dynamics of national innovation systems: A panel cointegration analysis of the coevolution between innovative capability and absorptive capacity // *Research Policy*. 2013. Vol. 42. Iss. 3. Pp. 579–594. DOI: 10.1016/j.respol.2012.10.006. URL: <https://EconPapers.repec.org/RePEc:eee:respol:v:42:y:2013:i:3:p:579-594/>
3. Deleidi M., Mazzucato M. Directed innovation policies and the supermultiplier: An empirical assessment of mission-oriented policies in the US economy // *Research Policy*. 2021. Vol. 50. Iss. 2. DOI: 10.1016/j.respol.2020.104151. URL: <https://EconPapers.repec.org/RePEc:eee:respol:v:50:y:2021:i:2:s0048733320302262/>
4. Foucart R., Qian Cher Li. The role of technology standards in product innovation: Theory and evidence from UK manufacturing firms // *Research Policy*. 2021. Vol. 50. Iss. 2. DOI: 10.1016/j.respol.2020.104157. URL: <https://EconPapers.repec.org/RePEc:eee:respol:v:50:y:2021:i:2:s0048733320302316/>
5. Ivus O., Manu Jose M., Sharma R. R&D tax credit and innovation: Evidence from private firms in India // *Research Policy*. 2021. Vol. 50. Iss. 1. DOI: 10.1016/j.respol.2020.104128. URL: <https://EconPapers.repec.org/RePEc:eee:respol:v:50:y:2021:i:1:s0048733320302031/>
6. Джавадова И. С. Финансовое стимулирование инновационного развития в системе государственного регулирования: автореф. дисс. ... канд. экон. наук. М., 2011. URL: <https://www.econ.msu.ru/cmt2/lib/a/1885/file/Djavadova.pdf/> (дата обращения: 13.04.2021).
7. Чернова А. С. Понятие и методы стимулирования инновационной активности предприятий // *Современные научные исследования и инновации*. 2015. № 1. Ч. 2. URL: <https://web.snauka.ru/issues/2015/01/44928/> (дата обращения: 12.04.2021).
8. Кузнецова О. Н. Стимулирование инновационной активности экономических субъектов // *Финансы: теория и практика*. 2017. № 21 (1). С. 28–34.
9. Суслов Е. Ю., Растова Ю. И. Технологии интеграционных решений в инновационном сотрудничестве на пространстве ЕАЭС // *Экономика и предпринимательство*. 2016. № 7 (72). С. 87–90.
10. Родионова И. А., Говорунова Т. В., Власова О. В., Норовяткин В. И. Формы государственной поддержки науки и инноваций: отечественный и зарубежный опыт // *Аграрный научный журнал*. 2017. № 5. С. 91–96.
11. Абдикеев Н. М., Тютюкина Е. Б., Богачев Ю. С., Морева Е. Л. Оценка эффективности финансово-экономических механизмов государственного стимулирования инновационной активности в России // *Финансы: теория и практика*. 2018. Т. 22. № 5 (107). С. 40–55.

12. Bezdudnaya A. G., Ksenofontova T. Y., Rastova Y. I., Kraiukhin G. A., Tulupov A. S. On the issue of the perspective directions of the science-driven production development in Russia // *The Journal of Social Sciences Research*. 2018. № 3. Pp. 76–80.
13. Салимьянова И. Г., Зинчик Н. С., Погорельцев А. С., Степаненко Д. А., Трейман М. Г., Цыганков И. С. Инновационное развитие предприятий в условиях цифровой трансформации экономики: монография / под общ. ред. А. Г. Бездудной. СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2020. 166 с.
14. Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года, утвержденная распоряжением Правительства Российской Федерации от 08.12.2011 № 2227-п. URL: <https://ac.gov.ru/files/attachment/4843.pdf> (дата обращения: 10.03.2021).
15. Госдума поддержала законопроект о поддержке высокорисковых инновационных и технологических проектов // Министерство экономического развития Российской Федерации. URL: https://economy.gov.ru/material/news/gosduma_podderzhala_zakonoproekt_o_podderzhke_vysokoriskovyh_innovacionnyh_i_tehnologicheskikh_proektov_.html (дата обращения: 12.04.2021).
16. Балышев А. В., Зиновьева Е. С. Стимулирование развития науки и инноваций в США: политика в отношении малых фирм (на примере программы содействия инновационным исследованиям малого бизнеса (sbir)) // *Вестник Чувашского университета*. 2013. № 4. С. 292–300. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/stimulirovanie-razvitiya-nauki-i-innovatsiy-v-ssha-politika-v-otnoshenii-malyh-firm-na-primere-programmy-sodeystviya-innova-tsionnykh-programm> / (дата обращения: 13.04.2021).
17. Индия и ГИИ: история успеха в сфере инноваций. URL: https://www.wipo.int/global_innovation_index/ru/news/2019/news_0001.html (дата обращения: 12.04.2021).
18. Зарембо В. Е., Степаненко Д. А. К вопросу о рыночной востребованности инноваций в России // *Проблемы современной экономики*. № 3 (73). 2020. С. 32–35.
19. Белов Н. И. Особенности промышленной политики Швейцарии, поддержка инноваций // *Российский внешнеэкономический вестник*. 2014. № 7. С. 105–117.
20. Растова Ю. И., Степаненко Д. А. Инновационная активность бизнеса в процессе реализации модели «тройной спирали» Генри Ицковича // *Омский научный вестник*. Сер. Общество. История. Современность. 2020. Т. 5. № 3. С. 117–121. DOI: 10.25206/2542-0488-2020-5-3-117-121.
21. Global Innovation Index. URL: <https://www.globalinnovationindex.org/analysis-indicator> (дата обращения: 03.02.2021).
22. Индикаторы инновационной деятельности: 2020: статистический сборник / Л. М. Гохберг, К. А. Дитковский, Е. И. Евневич и др.; Нац. Исслед. Ун-т И60 «Высшая школа экономики». М.: НИУ ВШЭ, 2020. 336 с. URL: <https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/397986230.pdf> (Дата обращения 10.12.2020).
23. Приказ Росстата от 27.12.2019 № 818 «Об утверждении методики расчета показателя «Уровень инновационной активности организаций». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_344264/ (дата обращения: 10.03.2021).

REFERENCES

1. Borah D., Khaleel Malik Kh., Massini S. Teaching-focused university — industry collaborations: Determinants and impact on graduates' employability competencies // *Research Policy*. 2021. Vol. 50. Iss. 3. DOI: 10.1016/j.respol.2020.104172. URL: <https://EconPapers.repec.org/RePEc:eee:respol:v:50:y:2021:i:3:s0048733320302468/>
2. Castellacci F., Natera J. The dynamics of national innovation systems: A panel cointegration analysis of the coevolution between innovative capability and absorptive capacity // *Research Policy*. 2013. Vol. 42. Iss. 3. Pp. 579–594. DOI: 10.1016/j.respol.2012.10.006 URL: <https://EconPapers.Repec.org/RePEc:eee:respol:v:42:y:2013:i:3:p:579-594/>
3. Deleidi M., Mazzucato M. Directed innovation policies and the supermultiplier: An empirical assessment of mission-oriented policies in the US economy // *Research Policy*. 2021. Vol. 50. Iss. 2. DOI: 10.1016/j.respol.2020.104151 URL: <https://EconPapers.repec.org/RePEc:eee:respol:v:50:y:2021:i:2:s0048733320302262/>
4. Foucart R., Qian Cher Li. The role of technology standards in product innovation: Theory and evidence from UK manufacturing firms // *Research Policy*. 2021, Vol. 50. Iss. 2. DOI: 10.1016/j.respol.2020.104157. URL: <https://EconPapers.repec.org/RePEc:eee:respol:v:50:y:2021:i:2:s0048733320302316/>

5. Ivus O., Manu Jose M., Sharma R. R&D tax credit and innovation: Evidence from private firms in India // *Research Policy*. 2021. Vol. 50. Iss. 1. DOI: 10.1016/j.respol.2020.104128 URL: <https://EconPapers.repec.org/RePEc:eee:respol:v:50:y:2021:i:1:s0048733320302031/>
6. Dzhavadova I. S. Financial incentives for innovative development in the system of state regulation // Abstract of the thesis for the degree of candidate of economic sciences. Moscow, 2011. URL: <https://www.econ.msu.ru/cmt2/lib/a/1885/file/Djavadova.pdf/> (date of access: 13.04.2021).
7. Chernova A. S. The concept and methods of stimulating the innovative activity of enterprises // *Modern research and innovation*. 2015. No. 1. Part 2. URL: <https://web.snauka.ru/issues/2015/01/44928> (date of access: 12.04.2021).
8. Kuznetsova O. N. Stimulating innovation activity of economic entities // *Finance: theory and practice / Finance: Theory and Practice*. 2017. No. 21 (1). Pp. 28–34.
9. Suslov E. Yu., Rastova Yu. I. Technologies of integration solutions in innovative cooperation in the EAEU space // *Economy and Entrepreneurship*. 2016. No. 7 (72). Pp. 87–90.
10. Rodionova I. A., Govorunova T. V., Vlasova O. V., Norovyatkin V. I. Forms of state support for science and innovation: domestic and foreign experience // *Agrarian scientific journal*. 2017. No. 5. Pp. 91–96.
11. Abdikeev N. M., Tyutyukina E. B., Bogachev Yu. S., Moreva E. L. Assessment of the effectiveness of financial and economic mechanisms of state stimulation of innovative activity in Russia // *Finance: theory and practice*. 2018. Vol. 22. No. 5 (107). Pp. 40–55.
12. Bezdudnaya A. G., Ksenofontova T. Y., Rastova Y. I., Kraiukhin G. A., Tulupov A. S. On the issue of the perspective directions of the science-driven production development in Russia // *The Journal of Social Sciences Research*. 2018. No. 3. Pp. 76–80.
13. Salimyanova I. G., Zinchik N. S., Pogoreltsev A. S., Stepanenko D. A., Treiman M. G., Tsygankov I. S. Innovative development of enterprises in the context of digital transformation of the economy: a monograph / ed. by A. G. Bezdudnoy. SPb., 2020. 166 p.
14. Strategy for innovative development of the Russian Federation for the period up to 2020, approved by the order of the Government of the Russian Federation dated 08.12.2011 No. 2227-r. URL: <https://ac.gov.ru/files/attachment/4843.pdf/> (date of access: 10.03.2021).
15. The State Duma supported the bill on the support of high-risk innovative and technological projects // Ministry of Economic Development of the Russian Federation. URL: https://economy.gov.ru/material/news/gosduma_podderzhala_zakonoproekt_o_podderzhke_vysokoriskovyh_innovatsionnyh_i_tehnologicheskikh_proektov_.html/ (date of access: 12.04.2021).
16. Balyshev A. V., Zinovieva E. S. Stimulating the development of science and innovation in the United States: policy towards small firms (on the example of the program for promoting innovative research in small business (sbir)) // *Bulletin of the Chuvash University*. 2013. No. 4. Pp. 292–300. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/stimulirovanie-razvitiya-nauki-i-innovatsiy-v-ssha-politika-v-otnoshenii-malyh-firm-na-primere-programmy-sodeystviya-innovatsionnym/> (date of access: 13.04.2021).
17. India and the GII: A Success Story in Innovation. URL: https://www.wipo.int/global_innovation_index/ru/news/2019/news_0001.html/ (date of access: 12.04.2021).
18. Zarembo V. E., Stepanenko D. A. On the issue of market demand for innovations in Russia // *Problems of modern economy*. 2020. No. 3 (73). Pp. 32–35.
19. Belov N. I. Features of industrial policy in Switzerland, support for innovation // *Russian Foreign Economic Bulletin*. 2014. No. 7. Pp. 105–117.
20. Rastova Yu. I., Stepanenko D. A. Innovative activity of business in the process of implementing the model of “triple helix” by Henry Itskovich // *Omsk Scientific Bulletin. Ser. Society. History. Modernity*. 2020. Vol. 5. No. 3. Pp. 117–121. DOI: 10.25206 / 2542-0488-2020-5-3-117-121.
21. Global Innovation Index. URL: <https://www.globalinnovationindex.org/analysis-indicator> (date of access: 03.02.2021).
22. Indicators of innovation: 2020: statistical collection / L. M. Gokhberg, K. A. Ditkovsky, E. I. Evnevich and others. M., 2020. 336 p. URL: <https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/397986230.pdf> (date of access: 10.12.2020).
23. Order of Rosstat of December 27, 2019 N 818 “On approval of the methodology for calculating the indicator “The level of innovative activity of organizations”. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_344264/ (date of access: 10.03.2021).

Поступила в редакцию: 31.05.2021.

Принята к печати: 14.07.2021.

ИННОВАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ НАЦИОНАЛЬНЫХ ЭКОНОМИК: СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Д. О. Тарасов¹, И. Н. Дубина^{1,2}

¹Новосибирский национальный исследовательский государственный университет (Новосибирск, Россия)

²Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

В настоящее время, с внедрением технологических инноваций, происходит трансформация экономики Российской Федерации. По этой причине возникает необходимость оценить ее инновационный потенциал и сопоставить его с уровнем инновационного потенциала других стран. Для проведения исследования были выбраны экономики стран БРИКС, в качестве примера развитой инновационной экономики также рассмотрены США. Для оценки инновационного потенциала указанных стран идентифицированы группы показателей, определяющих степень инновационного развития. В исследовании использованы данные раздела Science and Technology сайта Всемирного банка (The World Bank) и применены методы корреляционно-регрессионного анализа. Результаты проведенного анализа позволяют определить и сопоставить ключевые факторы развития инновационного потенциала в рассматриваемых странах.

Ключевые слова: инновационный потенциал, национальная экономика, корреляционно-регрессионный анализ, БРИКС, США.

INNOVATION POTENTIAL OF NATIONAL ECONOMIES: A COMPARATIVE ANALYSIS

D. O. Tarasov¹, I. N. Dubina^{1,2}

¹Novosibirsk National Research State University (Novosibirsk, Russia)

²Altai State University (Barnaul, Russia)

Currently, with the expansion of technological innovations, the economy of the Russian Federation is being transformed. For this reason, it becomes necessary to assess its innovation potential and compare it with the level of innovation potential of other countries. The economies of the BRICS countries were selected for the study, and the United States was also considered as an example of a developed innovation economy. To assess the innovation potential of these countries, groups of indicators were identified that determine the degree of innovation development. The study used data from the Science and Technology section of the World Bank site and applied the methods of correlation and regression analysis. The results of the analysis make it possible to identify and compare the key factors in the development of innovation potential in the countries under consideration.

Keywords: innovation potential, national economy, correlation-regression analysis, BRICS, USA.

В современных условиях для ускорения социально-экономического развития государствам необходимо предпринимать последовательные действия по активизации инновационной деятельности, так как именно инвестиции в инновационную сферу определяют производственные возможности и структуру отраслей промышленности. При неэффективном привлечении инвестиций в инновационный сектор экономики оказывается затруднено развитие всех ее сфер и общественной жизни.

Формирование инвестиционной политики, а также инвестиционная активность выступают основой достижения государством целей социального и экономического развития. Так как существующая материально-техническая база нуждается в модернизации, новые инвестиции приведут к развитию инноваций и, как следствие, к увеличению объема производства инновационных товаров и освоению современных технологий.

Понятие инновации занимает место ключевого фактора экономического развития националь-

ной экономики в современной научной литературе. Оно выражается в некоем изменении, привнесении новизны в существующий процесс, завершающихся появлением принципиально новых товаров или процессов.

Международное объединение в формате БРИКС, основанное на общих экономических и политических интересах, направлено на интеграцию финансовых и торговых процессов между входящими в него странами. Изначальной целью объединения выступали необходимость снижения эффектов от последствий мирового финансового кризиса, а также совместная деятельность по формированию устойчивой и стабильно развивающейся экономической системы, которая могла бы конкурировать с другими глобальными объединениями, такими как G7 и G20.

Построение конкурентоспособной финансовой системы в настоящее время невозможно без интенсификации процесса инвестирования в инновационный сектор экономики. Однако несмотря на сильную институциональную структуру

научной сферы в таких странах, как Россия и Китай, практически в каждой стране, входящей в БРИКС, наблюдается серьезное отставание от темпов финансирования производства инноваций в таких развитых странах, как Южная Корея, США, Израиль, Япония, Швеция. В данной связи представляется важным установление основных направлений инвестирования в сектор инноваций, а также количественное определение финансовой отдачи от произведенных вложений.

Инновационное развитие России отстает от уровня передовых стран, в том числе за счет таких ограничивающих факторов, как:

- замедленное применение научных инноваций в производстве и недостаточная обратная связь между производственным и научным сектором, вызванные автономностью элементов инновационной системы;
- несоответствие инновационной системы потребностям рынка, влекущее за собой недостаточную степень внедрения инноваций в промышленности [1].

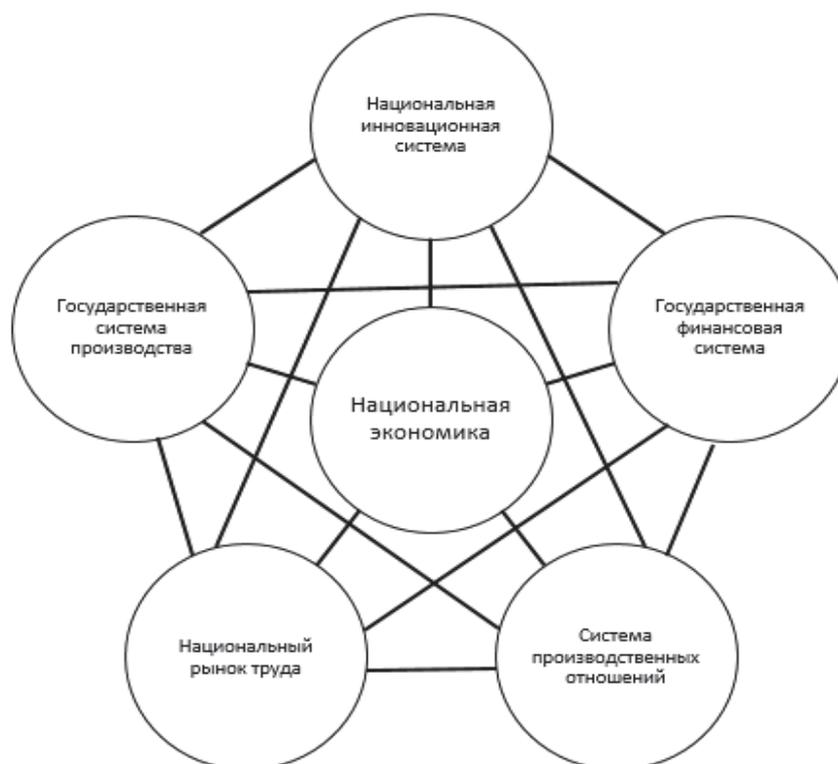

Рис. 1. Структура национальной экономики
 Источник: подготовлено авторами на основе [2]

Формирование инновационного сектора страны обеспечивает повышение показателей национальной экономики и закладывает фундамент для ее дальнейшего развития на широком временном периоде.

Национальная экономика является системой, включающей в себя совокупность факторов, определяющих социально-экономическое развитие государства в национальном и региональном разрезе. Она имеет различные функциональные, отрасле-

вые и территориальные особенности, определяющие ее характер.

Основные свойства национальной экономики как экономической системы выражаются в [2].

- 1) целостности, так как все составляющие национальной экономики взаимосвязаны и оказывают взаимное влияние друг на друга, при этом преобразовывая структуру связей (рис. 1);
- 2) иерархичности, выражающейся в связи национальной экономики с мировой, при наличии в национальной экономике подуровней и подсистем в качестве ее компонентов;
- 3) интегрированности в виде наличия у национальной экономики свойств системы, что не присуще компонентам такой системы;
- 4) динамичности, заключающейся в изменчивости и развитии, однако, не всегда выражающихся в значимых трансформациях, которые возможно оценить количественно либо качественно.

Благополучие населения, прямо зависящее от уровня развития экономики страны, выступает основной целью национального экономического развития. Национальная экономическая политика заключается в разработке, внедрении и контроле за обеспечением мер и законов, направленных на снижение безработицы и инфляции, повышение уровня оплаты труда и пр.

Таким образом, повышение инновационного потенциала национальной экономики, выступающего как объединение материальных и нематериальных ценностей, становится важной задачей для инновационной политики, являющейся частью государственной социально-экономической политики. Она выражается в формировании профильных программ финансирования, а также изменении законодательства, направленных на поддержку и развитие принципиально новых проектов и технологий.

Финансирование инноваций, используемых в производственном цикле промышленности, обеспечивает дальнейшее развитие всех сфер национальной экономики [3] (рис. 2).

Рис. 2. Взаимосвязь инвестиций, реализации инновационного потенциала и экономического развития.
Источник: подготовлено авторами на основе [3]

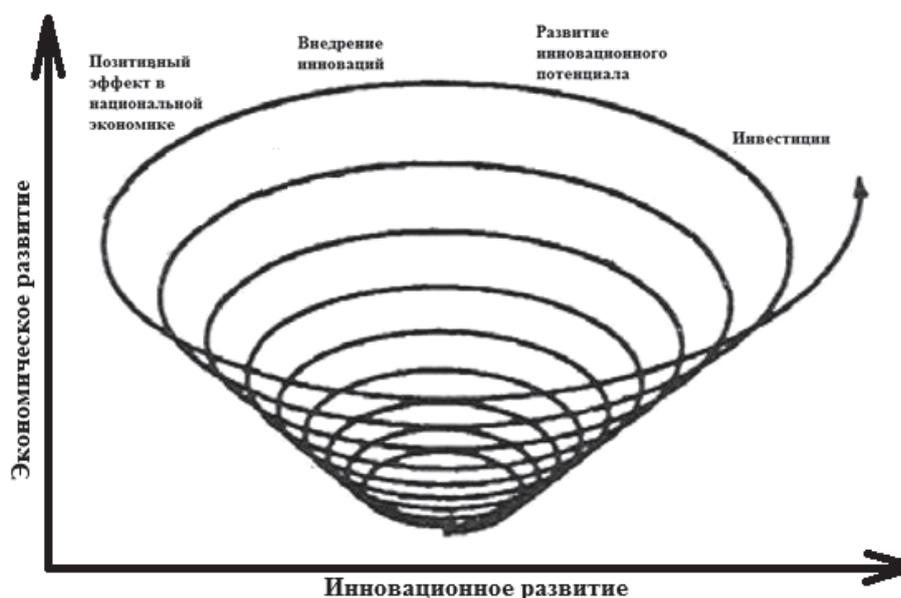

Рис. 3. Мультипликативный эффект инвестиций в развитие инновационного потенциала.
Источник: подготовлено авторами

Коэффициенты уравнений регрессии, коэффициенты детерминации и уровни статистической значимости (y — ВВП страны, млрд долл., x — соответствующий показатель инновационного потенциала)

Показатель	Бразилия	Индия	Китай	Россия	США
Доля электричества, полученного из возобновляемых источников, % от общего числа	—	—	$y = 1101.41 \cdot x - 14964.3$ $x = 0.00059 \cdot y + 15.14$ $R^2 = 0,66; p < 0,00$	—	$y = 1112.34 \cdot x + 2962.34$ $x = 0.00072 \cdot y - 0.13$ $R^2 = 0,80; p < 0,01$
Объем экспорта высокотехнологичной продукции, млн долл. США	$y = 0.29 \cdot x - 896.5$ $x = 2.04 \cdot y + 5230.21$ $R^2 = 0,60; p < 0,05$	$y = 0.11 \cdot x + 339.99$ $x = 7.97 \cdot y - 1617.53$ $R^2 = 0,89; p < 0,01$	$y = 17.2 \cdot x - 711.1$ $x = 0.5349 \cdot y + 69.81$ $R^2 = 0,92; p < 0,01$	$y = 0.14 \cdot x + 341.31$ $x = 2.59 \cdot y - 3446.24$ $R^2 = 0,35; p < 0,05$	—
Объем экспорта высокотехнологичной продукции, % от общего объема экспорта	—	$y = 437.99 \cdot x - 1761.8$ $x = 0.00112 \cdot y + 5.7$ $R^2 = 0,49; p < 0,05$	—	—	—
Количество патентных заявок от нерезидентов страны, шт.	$y = 0.14 \cdot x - 1179.09$ $x = 6.05 \cdot y + 9670.34$ $R^2 = 0,87; p < 0,01$	$y = 0.06 \cdot x - 113.65$ $x = 11.98 \cdot y + 7402.27$ $R^2 = 0,75; p < 0,01$	$y = 0.11 \cdot x - 3966.82$ $x = 8.1 \cdot y + 43882.58$ $R^2 = 0,87; p < 0,01$	$y = 0.2 \cdot x - 1216.14$ $x = 3.93 \cdot y + 7539.88$ $R^2 = 0,78; p < 0,01$	$y = 0.05 \cdot x + 3762.55$ $x = 19.94 \cdot y - 66360.9$ $R^2 = 0,96; p < 0,01$
Количество патентных заявок от резидентов страны, шт.	$y = 0.96 \cdot x - 2627.31$ $x = 0.67 \cdot y + 3303.6$ $R^2 = 0,64; p < 0,05$	$y = 0.17 \cdot x + 94.23$ $x = 5.87 \cdot y - 432.41$ $R^2 = 0,98; p < 0,01$	$y = 0.01 \cdot x + 2098.07$ $x = 104.45 \cdot y - 189992$ $R^2 = 0,94; p < 0,01$	$y = 0.16 \cdot x - 2917.81$ $x = 1.77 \cdot y + 23703.56$ $R^2 = 0,29; p < 0,1$	$y = 0.07 \cdot x - 1155.9$ $x = 13.83 \cdot y + 31531.28$ $R^2 = 0,93; p < 0,01$
Расходы на исследования и разработки, % от ВВП	$y = 4964.04 \cdot x - 4028.38$ $x = 0.00011 \cdot y + 0.95$ $R^2 = 0,54; p < 0,05$	—	$y = 9507.13 \cdot x - 9040.51$ $x = 0.0001 \cdot y + 0.99$ $R^2 = 0,94; p < 0,01$	—	$y = 21755.79 \cdot x - 43381.7$ $x = 0.00003 \cdot y + 2.31$ $R^2 = 0,55; p < 0,05$
Количество ученых в области исследования и разработок, человек на миллион населения	$y = 4.25 \cdot x - 1005.42$ $x = 0.21 \cdot y + 273.52$ $R^2 = 0,89; p < 0,01$	—	$y = 15.65 \cdot x - 8535.62$ $x = 0.05 \cdot y + 646.25$ $R^2 = 0,74; p < 0,01$	—	$y = 10.56 \cdot x - 26959.9$ $x = 0.08 \cdot y + 2727.98$ $R^2 = 0,87; p < 0,01$
Количество технических работников в области исследований и разработок, человек на миллион населения	$y = 3.53 \cdot x - 653.66$ $x = 0.27 \cdot y + 209.01$ $R^2 = 0,94; p < 0,01$	—	—	—	—
Количество статей в научных и технических журналах	$y = 0.04 \cdot x + 78.95$ $x = 19.19 \cdot y + 7058.6$ $R^2 = 0,77; p < 0,01$	$y = 0.02 \cdot x + 157.77$ $x = 48.72 \cdot y - 5924.34$ $R^2 = 0,97; p < 0,01$	$y = 0.03 \cdot x - 1467.97$ $x = 33.53 \cdot y + 61332.43$ $R^2 = 0,95; p < 0,01$	—	$y = 0.06 \cdot x - 9125.81$ $x = 13.28 \cdot y + 191211.7$ $R^2 = 0,82; p < 0,01$

Кроме того, в данном случае наблюдается мультипликативный эффект от произведенных инвестиций, так как инновационная продукция обладает высокой добавленной стоимостью, а прибыль, полученная от ее реализации, при условии направления на цели инновационного потенциала вызывает спиралевидное движение капитала в экономике (рис. 3).

В настоящее время происходит трансформация экономики Российской Федерации с внедрением технологических инноваций, в связи с чем возникает необходимость объективно оценить ее инновационный потенциал, а также сопоставить его с уровнем инновационного потенциала схожих стран. Для проведения исследования были выбраны экономики стран БРИКС, в качестве примера развитой инновационной экономики также рассмотрены США. Для оценки инновационного потенциала страны необходимо идентифицировать группы показателей, определяющих степень инновационного развития. В исследовании были использованы показатели раздела Science and Technology Всемирного банка, определяющие уровень развития инновационного потенциала вышеуказанных стран [4, 5], и использованные ранее в нашей ра-

боте [6] и работах других авторов [7] (список показателей приведен в таблице). Для оценки влияния указанных показателей на темпы развития экономики страны в целом были собраны и проанализированы данные динамики ВВП и ВВП на душу населения в долларах США.

В результате анализа динамики ВВП вышеприведенных стран было выявлено, что лидером выступают США. ВВП Китая, занимающего второе место среди проанализированных стран, растет ускоренными темпами с 2008 г. Остальные страны имеют гораздо более умеренный уровень развития экономики. Кроме того, в отношении Бразилии и России наблюдается негативная динамика — объем их ВВП заметно снизился с 2014 г. (рис. 4).

Зафиксированные явления объясняются недостаточной степенью диверсификации экономик России, Бразилии и Индии, их ориентированность на добывающую отрасль промышленности и производство продукции с низкой степенью переработки [8]. Высокие показатели США и Китая достигаются путем обеспечения поддержки предпринимательской деятельности в виде сниженных налоговых ставок, субсидирования расходов предприятий при производстве товаров.

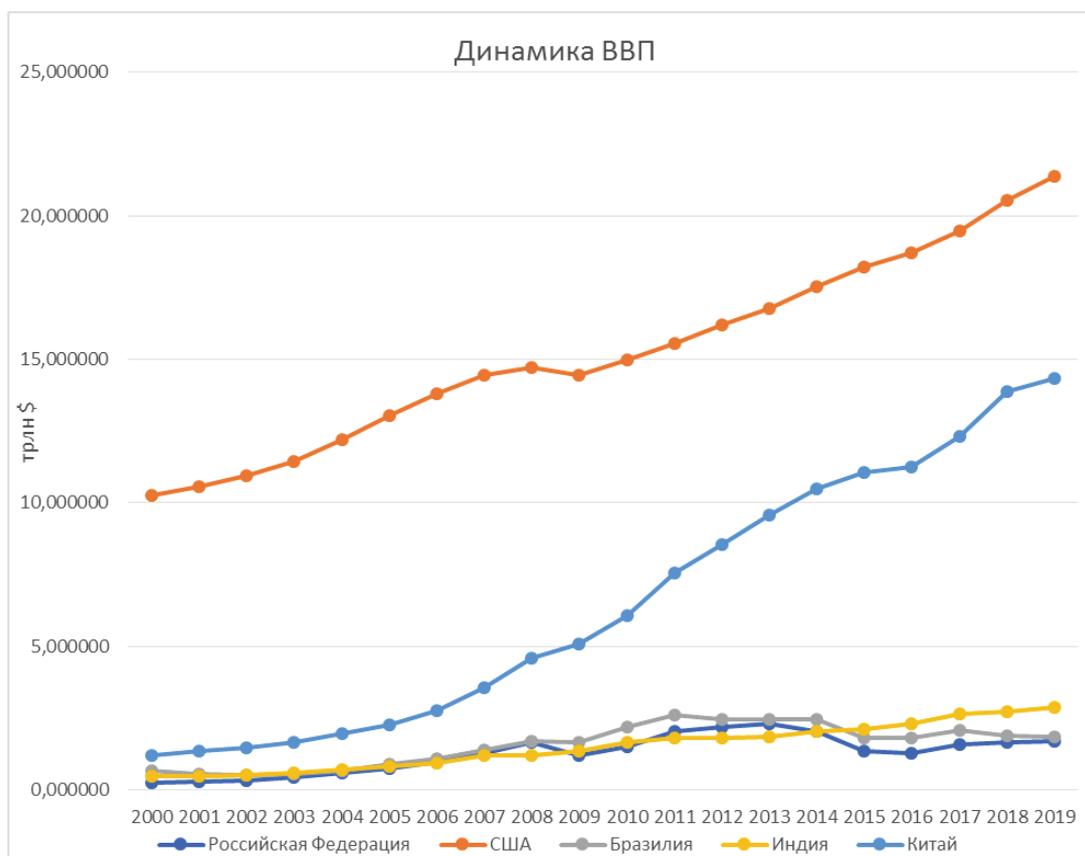

Рис. 4. Динамика ВВП стран БРИКС и США, трлн долл. США.

Источник: подготовлено авторами на основе [4]

В случае расчета ВВП на душу населения ситуация является не столь очевидной. США имеют максимальные значения показателя и в этом случае. Китай из-за высокой численности населения находится на 3 месте. Однако показатель ВВП

на душу населения в Китае стабильно растет с начала 2000-х гг. и почти достиг уровня России и Бразилии, показатели которых снижаются с 2013 г. в основном из-за кризисных явлений, с незначительным повышением к 2019 г. (рис. 5).

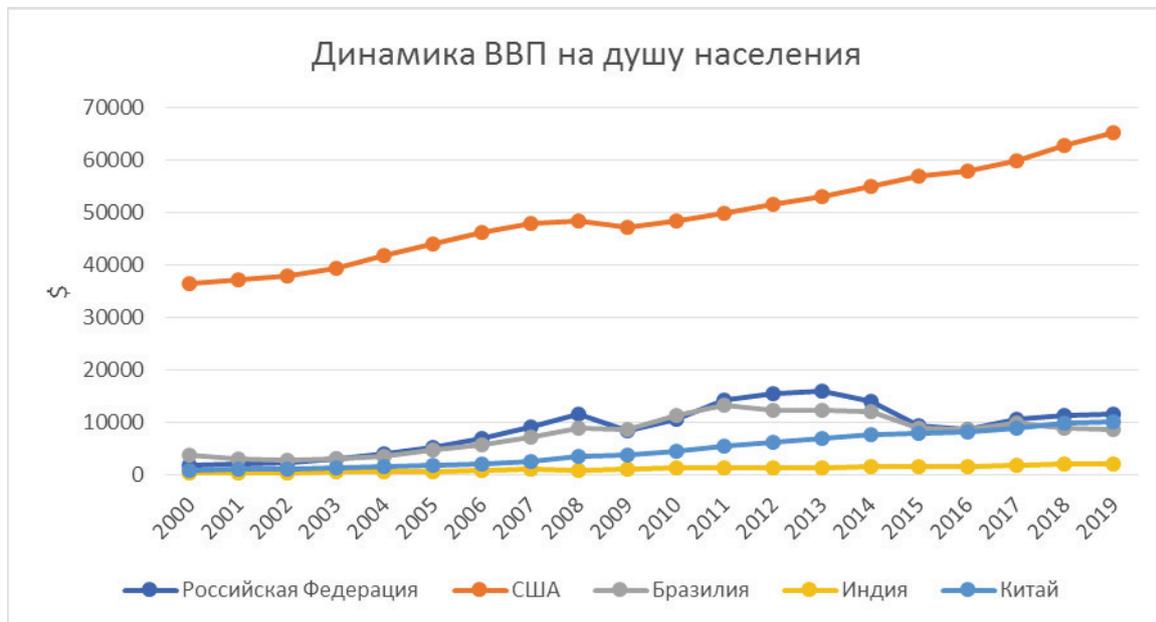

Рис. 5. Динамика ВВП стран БРИКС и США на душу населения, доллары США. Источник: подготовлено авторами на основе [4]

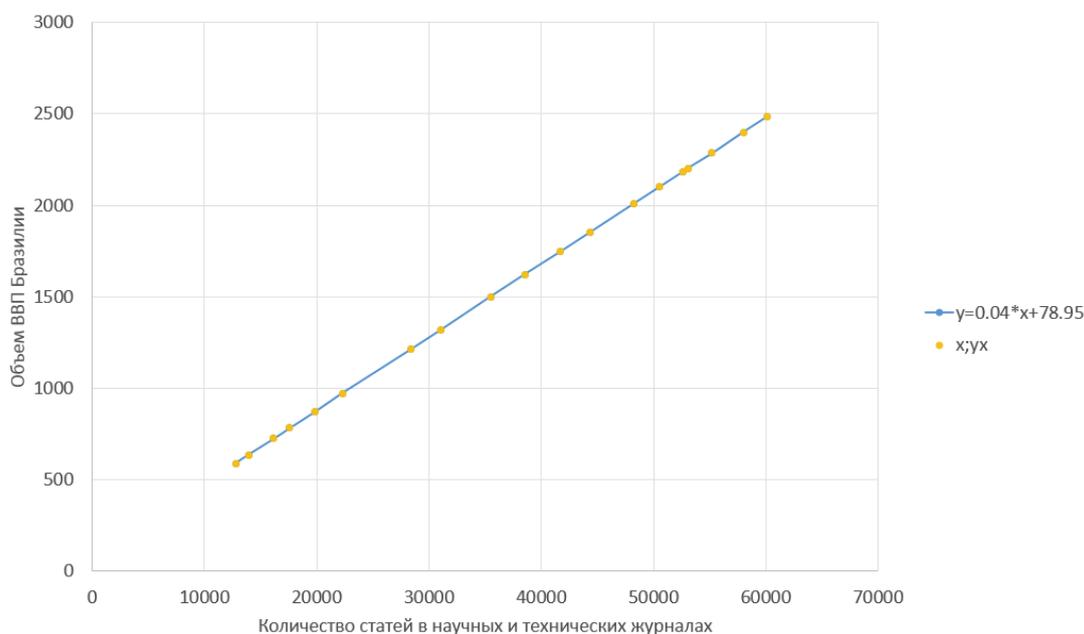

Рис. 6. Регрессионная зависимость между ВВП Бразилии и количеством статей в научных и технических журналах. Источник: составлено авторами на основе данных [4, 5]

Был проведен корреляционно-регрессионный анализ связанности ВВП и показателей иннова-

ционного потенциала рассмотренных стран, в результате которого были определены коэффициен-

ты соответствующих уравнений парной линейной регрессии. В качестве примера рассмотрим связанность объема ВВП Бразилии с количеством статей в научных и технических журналах, а также обратную зависимость (влияние ВВП на количество статей). На основании данных [4, 5] были получены соответствующие уравнения регрессии ($y=0,04*x+78,95$ и $x=19,19*y+7058,6$; $R^2=0,77$; $p<0,01$) и построены линии регрессии по этим уравнениям (рис. 6).

Линии регрессии для других показателей строятся аналогичным образом. Согласно проведенным расчетам, максимальный эффект на ВВП Бразилии оказывает фактор доли расходов на исследования и разработки.

Аналогичные расчеты для других стран определили следующие выводы.

Показатель доли высокотехнологичной продукции в объеме экспорта оказывает наибольший эффект на ВВП Индии (из рассматриваемых показателей). Объем ВВП Китая зависит преимущественно от доли расходов на исследования и разработки в процентах от ВВП и доли возобновляемого электричества. На ВВП России в практически равной степени оказывают влияние факторы количества патентных заявок от нерезидентов страны и резидентов страны, а также объема экспорта высокотехнологичной продукции. Значение ВВП США зависит преимущественно от факторов доли расходов на исследования и разработки в процентах от ВВП и доли возобновляемого электричества.

Статистическая значимость построенных регрессионных моделей представлена в таблице (большинство значений соответствуют уровню $p<0,01$).

В целом, подтверждается гипотеза о наличии статистически значимой и сильной связи между объемом ВВП и выбранными значениями показателей инновационного потенциала национальных экономик рассматриваемых стран.

Согласно полученным результатам, показатели количества патентных заявок от резидентов и нерезидентов страны, объема экспорта высокотехнологичной продукции и количества статей в научных и технических журналах выступают наиболее значимыми факторами развития инновационного потенциала национальной экономики (табл.). Отсюда следует вывод о том, что необходимо обеспечивать качественную правовую защиту актуальных идей, используемых в производственном процессе. Результаты научных исследований, опубликованные в научных статьях, являются основой всей инновационной деятельности, а объем экспорта высокотехнологической продукции является заключительным результатом комплекса мероприя-

тий по развитию передовых технологий в производстве, реализуемого государством.

По значениям коэффициента детерминации (табл.) сделаны следующие выводы [6]. Связанность рассмотренных показателей инновационного потенциала с ВВП наблюдается в наибольшей степени:

- объем экспорта высокотехнологичной продукции — Китай ($R^2=0,92$);
- количество патентных заявок от нерезидентов страны — США ($R^2=0,96$);
- количество патентных заявок от резидентов страны — Индия ($R^2=0,98$);
- расходы на исследования и разработки — Китай ($R^2=0,94$);
- количество статей в научных и технических журналах — Индия ($R^2=0,97$).

Таким образом, экономики США, Китая и Индии являются наиболее восприимчивыми к влиянию факторов инновационного потенциала их национальных экономик. Значения коэффициентов регрессионных уравнений (см. таблицу) позволяют сделать следующие выводы:

- высокие значения коэффициента перед показателем «доля возобновляемого электричества», характеризующее среднее увеличение ВВП страны (1112,33 для США и 1101,41 для Китая) указывают, что этот показатель является одним из определяющих факторов развития при проводимой в большинстве передовых стран мира политики декарбонизации и организации углеродно-нейтральных производств [6];
- с изменением объема экспорта высокотехнологичной продукции в наибольшей степени связан ВВП Китая (на 17,2), далее — ВВП Бразилии (0,29), России (0,14), Индии (0,11), что демонстрирует значительное влияние экспорта высокотехнологичной продукции на экономику Китая;
- с изменением количества патентных заявок от нерезидентов страны в наибольшей степени связано изменение ВВП России (0,2), затем Бразилии (0,14), Китая (0,11), Индии (0,06), США (0,05);
- с изменением количества патентных заявок от резидентов страны в наибольшей степени связано изменение ВВП Бразилии (0,96), Индии (0,17), России (0,16), США (0,07), Китая (0,01);
- изменение расходов на исследования и разработки в большей степени проявляется в экономике США (21755,79), Китая (9507,13), Бразилии (4964,04), что является примером мультипликативного эффекта от реинвестирования полученной прибыли

- ли, обеспечивающего многократный прирост добавленной стоимости [6];
- влияние количества ученых на ВВП в большей степени проявляется в Китае (15,65), США (10,56), Бразилии (4,25);
- влияние публикационной активности на ВВП проявляется сильнее в США (0,06), затем — Бразилии (0,04), Китае (0,03), Индии (0,02).

Полученные результаты объясняются несколькими причинами. Развитые и крупные экономики более восприимчивы к влиянию факторов инновационного развития, чем развивающиеся экономики, в силу построенной и отрегулированной сферы разработки, апробирования и внедрения инновационных продуктов. Важную роль в процессе внедрения инноваций в развитых странах играет их высокая интегрированность в международные цепочки товарооборота и, как следствие, обеспечивает значительный спрос на инновационную продукцию, обладающую высокой добавленной стоимостью, со стороны потребителей по всему миру. Кроме того, обозначенный ранее мультипликативный эффект также проявляется заметнее для крупных экономик. Факторы «доля электричества, получаемого из возобновляемых источников» и «расходы на исследования и разработки» оказали на значения ВВП рассмотренных стран максимальный эффект, поскольку:

- в настоящее время вследствие обеспокоенности уровнем загрязнения окружающей среды и истощением запасов ископаемых источников энергии происходит рост спроса на экологически чистую энергию;
- финансирование сферы НИОКР в США и Китае занимает значительную долю общемировых расходов на данные мероприя-

тия, помимо этого, в указанных странах наблюдается заинтересованность во внедрении инноваций со стороны бизнеса, способствующая увеличению объема инвестиций не только со стороны государства, но и коммерческого сектора.

Увеличение финансирования научно-исследовательской и конструкторской деятельности выступает основой долгосрочного устойчивого развития экономики в настоящее время. Кроме того, стимулирование развития сферы «зеленой» энергетики влечет за собой комплексное развитие научных и промышленных отраслей и отдельных предприятий, конструирующих и производящих продукцию для организации систем сбора и передачи возобновляемой энергии.

Результаты проведенного исследования указывают на то, что ключевыми направлениями инвестирования в развитие инновационного потенциала страны выступают инвестиции в сферу научно-исследовательской деятельности и развитие системы производства экологически чистой энергии.

Дальнейшее развитие данного исследования может осуществляться по таким направлениям, как сравнение результатов множественного регрессионного анализа, анализа панельных данных, анализа среды функционирования (Data Envelopment Analysis) (см., например, [9]) с целью сравнительной оценки экономической эффективности использования инновационного потенциала национальных экономик, а также расширения массива данных по странам и временным периодам. Также представляется перспективным с научной и практической точек зрения оценка эффектов взаимодействия и сотрудничества при использовании инновационного потенциала нескольких стран в различных форматах (см., например, [10]).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Варакса А. М. Национальная экономика как система: понятие, характеристики, содержание и структура // Модели, системы, сети в экономике, технике, природе и обществе. 2012. №3 (4). С. 33–37.
2. Ерохина Е. А. Теория экономического развития. Томск, 1999. С. 26–27.
3. Алексеев С. Г. Экономические проблемы регионов и отраслевых комплексов. Проблемы современной экономики. 2009. №2 (30).
4. Всемирный банк. URL: <http://data.worldbank.org/> (дата обращения: 01.10.2020).
5. Затраты на исследования и разработки (% от ВВП) // Всемирный банк. URL: <http://data.worldbank.org/topic/science-and-technology?view=chart> (дата обращения: 01.10.2020).
6. Тарасов Д. О., Дубина И. Н. Сравнение инновационного потенциала национальных экономик стран БРИКС и США с использованием математических методов // Экономическое развитие региона: управление, инновации, подготовка кадров. 2020. №7–2. С. 46–52.
7. Sidorova E. The innovation development of the BRICS countries: preconditions and prospects for cooperation. International Organisations Research Journal, 2018. URL: iorj.hse.ru (дата обращения: 03.06.2021).
8. Gassiolato J. E., Vitorino V. BRICS and development alternatives: Innovation systems and policies. London, New York, 2009.

9. Vechkinzova E., Petrenko Y., Benčić S., Ulybyshev D., Zhailauov Y. Evaluation of regional innovation systems performance using data envelopment analysis (DEA). *Entrepreneurship and sustainability issues*. 2019. Vol. 7 (1). URL: <https://jssidoi.org/jesi/article/383> (дата обращения 03.06.2021).

10. De Prato G., Nepelski D. A framework for assessing innovation collaboration partners and its application to BRICs // *International Journal of Technology Management*. 2013. Vol. 62 (2/3/4). Pp. 102–127.

REFERENCES

1. Varaksa A. M. National economy as a system: concept, characteristics, content and structure // *Models, systems, networks in economics, technology, nature and society*. 2012. No. 3 (4). Pp. 33–37.

2. Erokhina E. A. *The theory of economic development*. Tomsk, 1999. Pp. 26–27.

3. Alekseev S. G. Economic problems of regions and industry complexes. *Problems of the modern economy*. 2009. No. 2 (30).

4. World Bank. URL: <http://data.worldbank.org/> (date of access: 01.05.2021).

5. Research and development expenditure (% of GDP) // World Bank. URL: <http://data.worldbank.org/topic/science-and-technology?view=chart> (date of access: 01.05.2021).

6. Tarasov D. O., Dubina I. N. Comparison of innovation potential of the national economies of the BRICS countries and the United States using mathematical methods // *Economic development of the region: management, innovation, training*. 2020. No. 7–2. Pp. 46–52.

7. Sidorova E. The innovation development of the BRICS countries: preconditions and prospects for cooperation. *International Organisations Research Journal*, 2018. URL: iorj.hse.ru (date of access 06.08.2021).

8. Gassiolato J. E., Vitorino V. *BRICS and development alternatives: Innovation systems and policies*. London, New York, 2009.

9. Vechkinzova E., Petrenko Y., Benčić S., Ulybyshev D., Zhailauov Y. Evaluation of regional innovation systems performance using data envelopment analysis (DEA). *Entrepreneurship and sustainability issues*. 2019. Vol. 7 (1). URL: <https://jssidoi.org/jesi/article/383> (date of access: 06.08.2021).

10. De Prato G., Nepelski D. A framework for assessing innovation collaboration partners and its application to BRICs // *International Journal of Technology Management*. 2013. Vol. 62 (2/3/4). Pp. 102–127.

Поступила в редакцию: 23.07.2021.

Принята к печати: 10.08.2021.

ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В РАБОТАХ РОССИЙСКИХ РЕГИОНАЛИСТОВ: НАРРАТИВНЫЙ ОБЗОР¹

А. Я. Троцкий

Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН
(Новосибирск, Россия)

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

Цель настоящей статьи — упорядочить сравнительно новую (за последний десятилетний период) информацию в области региональных и пространственных исследований для лучшего понимания предметного поля регионалистики. Статья выполнена в форме обзора как одного из перспективных видов научной публикации и в целом отвечает международным критериям и традициям их составления.

С учетом первоначального этапа исследования социально-экономического пространства среди обширной типологии обзоров, применяемых в международной практике, выбран наиболее часто встречающийся вид — нарративный обзор, одной из характерных черт которого является субъективный отбор информации.

Предпочтение при отборе статей отдавалось работам известных регионалистов; при этом в обзор попали не только публикации, «прямо» отражающие тенденции развития социально-экономического пространства, но и исследования, выполненные по сопряженным тематикам и дисциплинам.

Структуризация статей проведена по различным основаниям. Главные из них — группировка публикаций: 1) в разрезе научных школ и персоналий; 2) в зависимости от направленности публикаций, раскрывающих те или иные тенденции развития социально-экономического пространства («дифференциация — нивелирование» различий, «сжатие — расширение», «интеграция — фрагментация»).

Раскрыты трудности и проблемы формирования обзоров региональных и пространственных исследований, показаны перспективные направления анализа информации по пространственной тематике, связанные с подготовкой систематического обзора.

Ключевые слова: нарративный обзор, социально-экономическое пространство, региональные и пространственные исследования, научные школы, проблемы пространственного развития, направления региональных исследований, экономическая интеграция.

SPATIAL STUDIES IN THE RUSSIAN REGIONALISTS WORKS: A NARRATIVE REVIEW

A. Ya. Trotskovsky

Institute of Economics and Industrial Engineering SB RAS (Novosibirsk, Russia)
Altai State University (Barnaul, Russia)

The purpose of this article is to streamline relatively new (over the last ten-year period) information in the field of regional and spatial research for a better understanding of the subject field of regionalistics. The article was implemented in the form of a review as one of the promising types of scientific publication and generally meets international criteria and the traditions of their compilation.

Taking into account the initial stage of the study of the socio-economic space among the extensive typology of reviews used in international practice, the most common appearance is a narrative review, one of whose characteristic features is subjective selection of information.

---

¹ Статья подготовлена по плану НИР ИЭОПП СО РАН, «Движущие силы и механизмы развития кооперационных и интеграционных процессов в экономике Сибири» (0260–2021–0005).

Preference in selection of articles was given to the works of famous regionalists; At the same time, not only publications, “directly” reflect the trends in the development of socio-economic space, but also studies made by conjugate topics and disciplines.

Structuring articles were carried out on various reasons. The main grouping of publications: 1) in the context of scientific schools and personalities; 2) depending on the direction of publications disclosing certain trends in the development of socio-economic space (“differentiation — leveling” differences, “compression — expansion”, “Integration — fragmentation”).

The complexity and problems of the formation of regional and spatial research reviews are revealed, promising directions for analyzing information on spatial subjects associated with the preparation of a systematic review are shown.

Keywords: narrative review, socio-economic space, regional and spatial research, scientific schools, spatial development problems, areas of regional research, economic integration.

Введение. Цель настоящей статьи заключается в том, чтобы в первом приближении очертить границы предметного поля региональных и пространственных исследований, позволив тем самым широкому кругу читателей приблизиться к пониманию их тематики.

Актуальность представленного вниманию читателей обзора обусловлена беспрецедентным ростом объемов научной информации по проблемам регионалистики, с учетом многочисленных публикаций, выполненных в рамках научных дисциплин, входящих в ее состав (экономики, социальной и экономической географии, демографии, социологии и др.).

В статье обобщена и проанализирована лишь малая толика множества эмпирических исследований российских регионоведов за последний десятилетний период. Огромный пласт работ зарубежных ученых в рассматриваемой предметной области, с учетом целей обзора, остался за его рамками.

Обзор статей для обзора проводился с помощью широко распространенных в российской науке приемов — путем анализа содержания ведущих российских журналов в области регионалистики и пространственных исследований, а также посредством Интернета по ключевым словам.

Валидность и релевантность большинства отобранных для обзора статей отчасти обеспечивалась поиском авторов, принадлежащих к известным в России школам региональных и пространственных исследований.

Методология, положенная в основу настоящего обзора, подразумевала анализ статей в трех аспектах: во-первых, в разрезе ведущих региональных школ и персоналий; во-вторых, в контексте ключевых направлений трансформации экономического пространства: «дифференциация — нивелирование», «сжатие — расширение», «интеграция — фрагментация»; в-третьих, с учетом

региональной специфики, отражающей, с одной стороны, регионы России, вносящие наибольший вклад в «копилку» региональных и пространственных исследований, а с другой — территории, являющиеся приоритетным объектом исследований.

Результаты и их обсуждение. Последние десятилетия развития отечественной региональной науки характеризуется неослабевающим и, более того, возрастающим интересом ученых к изучению проблем развития пространственной экономики. Не претендуя на полноту охвата всех причин роста актуальности «описания, объяснения и прогнозирования различных проявлений экономической деятельности и ее результатов в пространстве» (П. Минакир, А. Демьяненко), укажем, прежде всего, на две причины — существенный рост с начала 90-х гг. неоднородности экономического пространства, с одной стороны, и низкую эффективность региональной политики, направленной на нивелирование необоснованных различий в уровне развития территориальных социально-экономических систем, — с другой.

Различия в концентрации экономической активности в регионах России, угрожающие целостности ее экономического пространства¹, побудили федеральные органы власти к разработке Стратегии пространственного развития Российской Федерации, способствовали стимулированию научных разработок в области исследования пространства [1].

Особую роль в активизации и систематизации результатов комплексных пространственных и региональных исследований сыграла программа Президиума РАН «Фундаментальные проблемы пространственного развития Российской Федерации: междисциплинарный синтез» [2]. Действие программы распространялось на 2009–2011 гг. По ее

¹ Очень метко и образно высказался по этому поводу А. Трейвиш, указав на то, что «реформаторы хотели опередить свое время, но увязли в пространстве».

окончанию работа в этом направлении продолжилась. Новая программа фундаментальных исследований пространственного развития России была рассчитана на реализацию в 2012–2014 гг.² [3].

Междисциплинарный синтез пространства как один из базовых принципов формирования и исполнения упомянутых программ обусловил привлечение трех десятков академических институтов различной направленности. В их составе признанные центры региональных исследований в России (Институт географии РАН, Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН³, Институт проблем региональной экономики РАН, Институт экономики УрО РАН и др.). Особо выделим Институт экономических исследований ДВО РАН в силу его заметной роли в становлении нового научного направления — пространственной экономики, чему, в немалой степени, способствовали издаваемые институтом журналы — «Пространственная экономика» и «Регионалистика» [11–15].

В разрезе персоналий обзор и систематизация ключевых направлений, используемых методик и полученных результатов анализа пространственной неоднородности в работах российских ученых регионоведов представляет собой довольно сложную задачу⁴. Тому немало причин, в числе которых многочисленность работ, разнообразие используемых в них методик, изучение пространственных систем различного уровня (мирового, национального, регионального экономического пространства), широкий охват регионов России, различия в изучаемых аспектах — от измерения и объяснения причинно-следственных связей наличия и роста территориальных неравенств до оценки мер государственного воздействия, направленных на их преодоление и т. д.

Существенно затрудняет аналитический обзор «пространственных» научных работ (не формальный, а с содержательных позиций) разноречивость в использовании понятий. Можно даже констатировать, что применение различных понятий для ха-

рактеристики одних и тех же пространственных явлений и процессов (синонимия) стало «ахиллесовой пятой» регионалистики. Предпринимаемые в отдельных работах попытки систематизации ключевых понятий, используемых для оценки неравномерности развития экономического пространства, с нашей точки зрения, малорезультативны [18, с. 61; 19, с. 371; 20, с. 812].

В целом можно выделить несколько взаимосвязанных направлений исследований социально-экономического пространства, соответствующих основным тенденциям его развития. В числе ключевых — развитие социально-экономического пространства по осям:

- «дифференциация (поляризация) — нивелирование (сглаживание)» территориальных социально-экономических различий в территориальных системах;
- «сжатие — расширение» пространства территориальных социально-экономических систем;
- «интеграция — дезинтеграция (фрагментация)» экономического пространства⁵.

Работы, выполненные в контексте «дифференциация — нивелирование» социально-экономических различий в развитии территориальных систем, представлены в научной литературе наиболее полно. В качестве объекта исследования во многих из них выступает сельская местность в силу того обстоятельства, что рассматриваемые процессы проявились в сельском пространстве наиболее выпукло и зримо [24, 25, 26 и др.]. Особо выделим изучение социально-экономических различий в территориальных системах с различным центро-периферийным положением, чему в немалой степени способствовало широкое распространение идей основателя теории «центр-периферия» Дж. Фридмана [17, 27, 28 и др.]⁶.

Второе из ранее выделенных направлений пространственных исследований касается процессов «сжатия — расширения» экономического пространства. Снова-таки, в подавляющем большинстве исследований в качестве объекта наблюдения выступает сельская местность, где наиболее явно проявляются очаги и «черные дыры» (по образно-

² Отметим в связи со сказанным, что научное сообщество регионалистов проявило удивительное единодушие в вопросе о необходимости формирования пространственной стратегии России, что, впрочем, не исключает различных, в том числе критических, взглядов ученых на оценку разработанного документа [4–6].

³ Основные результаты исследований ИЭОПП СО РАН по проблемам пространственного развития России в рамках упомянутой программы представлены в [7–10].

⁴ Несколько упрощает ситуацию сделанный нами анализ методических подходов и содержательных результатов региональной политики в научных работах, изданных в период 2000–2013 гг. [16, с. 9–36; 17, с. 20–28].

⁵ Авторы отдают себе отчет в определенной условности предложенной группировки основных направлений пространственных исследований. Она (условность) порождена взаимообусловленностью и взаимозависимостью анализируемых процессов, сложной диалектикой причинно-следственных связей, что нашло свое отражение в ряде научных работ [21, 22, 23]. Однако в целях систематизации направлений исследований такая группировка представляется нам приемлемой.

⁶ Более полный список научных работ по этому направлению приведен в [17, с. 20–28].

му выражению Т. Г. Нефедовой) развития сельского пространства [29–33]. Напротив, формирование и развитие агломераций сопровождается концентрацией экономической активности и расширением агломерационного пространства [34].

Наконец, третье направление исследований развития экономического пространства связано с процессами его интеграции (дезинтеграции). На наш взгляд, это наименее изученный (не на глобальном, а на национальном уровне) аспект трансформации социально-экономического пространства. Оценивая ситуацию в этой области исследований, А. Н. Демьяненко отмечает: «Обычно в экономической литературе «интеграция» (или, точнее, «экономическая интеграция») ... рассматривается в контексте взаимодействия национальных экономик» и, далее, «удивительно, но экономическая интеграция (сюжет столь популярный в исследованиях проблем глобальной экономики) сходит на нет, когда в исследовательском фокусе оказываются регионы — пространственно обособленные части национальной экономики» [35, с. 6–7].

Тем не менее в научной литературе к настоящему времени опубликован ряд статей и монографий, в той или иной мере раскрывающих процессы межрегиональной интеграции. Укажем, прежде всего, на исследования процессов село-городской интеграции, имеющих глубокие исторические корни¹ [36, 37] и близкие по содержанию исследования трансформации системы расселения России [38, 39].

Вышеназванные научные работы, как правило, выполнены авторами, проживающими в центральной части России. В последние несколько лет гео-

графия пространственных исследований расширилась, охватив и периферию страны [40–44 и др.]².

Резюме. В настоящей статье изначально не ставилось амбициозных задач. Ее цель — дать общее описание предметного поля региональных и пространственных исследований.

В соответствии с поставленной целью был выбран тип обзора — нарративный с присущими ему чертами: ограниченным объемом научной литературы; отсутствием сложного, многоступенчатого алгоритма ее отбора, по преимуществу описательным характером привлеченных источников [45, с. 134].

Очевидно, что в статье сделан лишь первый шаг, точнее даже, попытка обозреть множество разнородных, преследующих различные цели, использующих широкую палитру методических подходов региональных и пространственных исследований. Вся серьезная работа в этом направлении, на взгляд автора, впереди. Ее конечным результатом должен стать анализ научной литературы, позволяющий выявить тенденции в развитии пространственной науки, имеющиеся пробелы в знаниях и, главное, направления будущих исследований.

Этого нельзя сделать без усиления объективности отбора источников, охвата сопряженных тематик и дисциплин, повышения актуальности и релевантности обзореваемых статей, глубины их анализа и прочих требований, соответствующих систематической форме обзора. Только в этом случае обзор будет выступать в качестве интегратора современных знаний о тенденциях и закономерностях развития социально-экономического пространства.

² В ракурсе рассматриваемой проблемы г. Хабаровск, как место дислокации Института экономических исследований ДВО РАН, относится к периферии России лишь по географическим критериям.

¹ Имеются в виду исследования процессов «сращивания» города и села, проводимые в советский период.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Минакир П. А. Стратегия пространственного развития в интерьере концепций пространственной организации экономики // *Пространственная экономика*. 2018. № 4. С. 8–20.
2. Гранберг А. Г. О программе фундаментальных исследований пространственного развития России // *Регион: экономика и социология*. 2009. № 2. С. 166–182.
3. Котляков В. М., Глейзер О. Б., Трейвиш А. И., Швецов А. Н. Новая программа фундаментальных исследований пространственного развития России // *Регион: экономика и социология*. 2012. № 2. С. 24–44.
4. Минакир П. А. Национальная стратегия пространственного развития: добросовестные заблуждения или намеренные упрощения? // *Пространственная экономика*. 2016. № 3. С. 7–15.
5. Швецов А. Н., Демьяненко А. Н., Украинский В. Н. Деструктивные стереотипы российского стратегического планирования и их возможные последствия для практики регионального стратегирования (часть I) // *Регионалистика*. 2016. Т. 3. № 3. С. 48–60.
6. Швецов А. Н., Демьяненко А. Н., Украинский В. Н. Деструктивные стереотипы российского стратегического планирования и их возможные последствия для практики регионального стратегирования (часть II) // *Регионалистика*. 2016. Т. 3. № 6. С. 69–79.

7. Кулешов В. В., Селиверстов В. Е., Суслов В. И., Суспицын С. А. Сибирская школа региональных исследований в программе Президиума РАН «Фундаментальные проблемы пространственного развития Российской Федерации: междисциплинарный синтез» // Регион: экономика и социология. 2012. № 2 (74). С. 3–23.
8. Кулешов В. В., Селиверстов В. Е. Роль Сибири в пространственном развитии России и ее позиционирование в стратегии пространственного развития РФ // Регион: экономика и социология. 2017. № 4 (96). С. 3–24.
9. Пространственное развитие современной России: тенденции, факторы, механизмы, институты / под ред. Е. А. Коломак. Новосибирск, 2020. 502 с.
10. Инфраструктура пространственного развития РФ: транспорт, энергетика, инновационная система, жизнеобеспечение / под ред. О. В. Тарасовой. Новосибирск, 2020. 456 с.
11. Минакир П. А., Демьяненко А. Н. Очерки по пространственной экономике. Хабаровск, 2014. 272 с.
12. Минакир П. А. Пространственная неоднородность России и задачи региональной политики // Журнал новой экономической ассоциации. 2011. № 10. С. 150–153.
13. Минакир П. А. Системные трансформации в экономике. Владивосток, 2001. 536 с.
14. Минакир П. А., Демьяненко А. Н. Экономическая интеграция в территориальном аспекте // Экономическая интеграция: пространственный аспект / общ. ред. П. А. Минакира. М., 2004. С. 14–26.
15. Вардомский Л. Б. Постсоветская интеграция и экономический рост нового приграничья России в 2005–2015 гг. // Пространственная экономика. 2017. № 4. С. 23–40.
16. Троцкий А. Я., Наземцева Ю. Ю. Исследование и регулирование пространственных аспектов развития экономики на региональном уровне. Барнаул, 2014. 200 с.
17. Троцкий А. Я., Мищенко И. В. Пространственные аспекты развития социально-экономической среды сельских территорий Алтайского края: методика, результаты, регулирование. Барнаул, 2013. 176 с.
18. Волчкова И. В., Данилова М. Н., Подопратора Ю. В., Селиверстов А. А., Уфимцева Е. В., Шадейко Н. Р. Методические подходы к оценке дифференциации на уровне социально-экономического развития муниципальных образований агломерации // Вопросы управления. 2017. № 2 (45). С. 57–69.
19. Гатаулин Р. Ф., Каримов А. Г. Теоретико-методологические аспекты понятия нивелирования гетерогенности экономического пространства // Фундаментальные исследования. 2017. № 8. С. 368–372.
20. Васильева Л. В. Оценка уровня межрегиональной дифференциации // Устойчивый экономический рост: политические и социальные предпосылки: сб. трудов под ред. С. В. Приходько. Орел, 2017. С. 144–147.
21. Коломак Е. А. Пространственное развитие России в XXI в. // Пространственная экономика. 2019. Т. 15. № 4. С. 85–106.
22. Поляризация российского пространства: экономико-, социально- и культурно-географические аспекты / отв. ред. В. Н. Стрелецкий. М., 2018. 416 с.
23. Данилова И. В., Богданова О. А., Телюбаева А. Ж. Влияние внешних институциональных шоков на дифференциацию экономического пространства РФ // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Экономика и менеджмент. 2019. Т. 13. № 3. С. 23–32.
24. Нефедова Т. Г. Усиление поляризации сельского пространства и интеграционно-дизинтеграционные процессы в нечерноземной полосе России (на примере Костромской области) // Россия и ее регионы в полимасштабных интеграционно-дизинтеграционных процессах: материалы Междунар. науч. конф. в рамках VIII Ежегодной научной ассамблеи Ассоциации российских географов-обществоведов. Пермь, 2017. С. 52–55.
25. Нефедова Т. Г. Развитие постсоветского аграрного сектора и поляризация сельского пространства европейской части России // Пространственная экономика. 2019. Т. 15. № 4. С. 36–56.
26. Калугина З. И., Фадеева О. П., Братющенко С. В. Социально-экономическая поляризация сельского пространства России // Регион: экономика и социология. 2015. № 3 (87). С. 123–145.
27. Тургель И. Д., Победин А. А. Территориальная дифференциация социально-экономического развития муниципальных образований в субъекте Российской Федерации: опыт вариационного анализа (на примере Свердловской области) // Региональная экономика: теория и практика. 2007. № 12. С. 12–23.
28. Буфетова А. Н. Пространственные аспекты концентрации экономической активности в России // Пространственная экономика. 2016. № 3. С. 38–56.
29. Грицай О. В., Иоффе Г. В., Трейвиш А. И. Центр и периферия в региональном развитии. М., 1991. 168 с.
30. Буфетова А. Н. Пространственные аспекты концентрации экономической активности в России // Пространственная экономика. 2016. № 3. С. 38–56.
31. Лукин Е. В. Тенденции развития социально-экономического пространства России // Экономика территорий. 2014. Вып. 7 (17). С. 1–8.

32. Нефедова Т. Г. Сжатие внегородского освоенного пространства России — реальность, а не иллюзия // Сжатие социально-экономического пространства: новое в теории регионального развития и практике его государственного регулирования / под ред. С. С. Артоболевского и Л. М. Синцера. М., 2010. С. 128–145.
33. Сжатие социально-экономического пространства: новое в теории регионального развития и практике его государственного регулирования / под ред. С. С. Артоболевского и Л. М. Синцера. М., 2010, 428 с.
34. Городские агломерации в стратегии пространственного развития // Регионалистика. 2020. Т. 7. № 3. С. 43–78.
35. Демьяненко А. Н. Российское экономическое пространство: диалектика процессов интеграции и дезинтеграции // Регионалистика. 2017. Т. 4. № 2. С. 5–10.
36. Никифоров Л. В., Кузнецова Т. Е. Город и село: особенности интеграции в советский и постсоветский периоды // Журнал исследований социальной политики. 2007. Т. 5. № 2. С. 179–200.
37. Троцкий А. Я. Социально-территориальная структура региона: строение и основные тенденции трансформации. Новосибирск, 1997. 249 с.
38. Горюнов А. П., Белоусова А. В. Процессы интеграции и фрагментации экономического пространства: структура систем расселения // Пространственная экономика. 2017. № 4. С. 81–89.
39. Лексин В. Н. Настоящее и будущее системы расселения — главная проблема России // Федерализм. 2011. № 1 (61). С. 57–74.
40. Бородин В. А., Гагарина Г. Ю. Экономическая интеграция регионов как механизм выравнивания и роста их потенциалов // Федерализм. 2020. № 2 (98). С. 76–91.
41. Экономическая интеграция территорий: теоретические и прикладные аспекты. Барнаул, 2016. 245 с.
42. Условия расширения и оценка уровня региональной интеграции в целях обеспечения экономической безопасности (на материалах Сибирского федерального округа). Барнаул, 2020. 245 с.
43. Ли Н. О., Кибиткин А. И. О пространственном развитии экономики регионов России // Вопросы инновационной экономики. Т. 10. № 2. С. 753–755.
44. Ибрагимов З. Ф., Франц М. В. Неравенство возможностей: роль пространственного фактора // Пространственная экономика. 2020. Т. 16. № 4. С. 44–67.
45. Раицкая Л. К., Тихонова Е. В. Обзор как перспективный вид научной публикации, его типы и характеристики // Научный редактор и издатель. 2019. № 4 (3–4). С. 131–139.

REFERENCES

1. Minakir P. A. Spatial development strategy in the interior of the concepts of the spatial organization of the economy // Spatial economy. 2018. No. 4. Pp. 8–20.
2. Granberg A. G. On the program of fundamental studies of the spatial development of Russia // Region: Economics and Sociology. 2009. No. 2. Pp. 166–182.
3. Kotlyakov V. M., Glezer O. B., Treivish A. I., Shvetsov A. N. A new program of fundamental research on the spatial development of Russia // Region: Economics and Sociology. 2012. No. 2. Pp. 24–44.
4. Minakir P. A. National Strategy of Spatial Development: Good deliberations or intentional simplifications? // Spatial Economy. 2016. No. 3. Pp. 7–15.
5. Shvetsov A. N., Demyanenko A. N., Ukrainian V. N. Destructive stereotypes of Russian strategic planning and their possible consequences for the practice of regional strategy (part I) // Regionalistics. 2016. T. 3. No. 3. Pp. 48–60.
6. Shvetsov A. N., Demyanenko A. N., Ukrainian V. N. Destructive stereotypes of Russian strategic planning and their possible consequences for the practice of regional strategy (part II) // Regionalistics. 2016. T. 3. No. 6. Pp. 69–79.
7. Kuleshov V. V., Seliverstov V. E., Suslov V. I., Suspitsyn S. A. Siberian School of Regional Research in the Program of the Presidium of the Russian Academy of Sciences “Fundamental Problems of Spatial Development of the Russian Federation: Interdisciplinary Synthesis” // Region: Economics and Sociology. 2012. No. 2 (74). Pp. 3–23.
8. Kuleshov V. V., Seliverstov V. E. The role of Siberia in the spatial development of Russia and its positioning in the spatial development strategy of the Russian Federation // Region: Economics and Sociology. 2017. No. 4 (96). Pp. 3–24.
9. Spatial development of modern Russia: trends, factors, mechanisms, institutes / ed. E. A. Kolomak. Novosibirsk, 2020. 502 p.

10. Infrastructure of the Spatial Development of the Russian Federation: Transport, Energy, Innovative System, Life Supply / ed. O. V. Tarasova. Novosibirsk, 2020. 456 p.
11. Minakir P. A., Demyanenko A. N. Essays in spatial economy. Khabarovsk, 2014. 272 p.
12. Minakir P. A. Spatial heterogeneity of Russia and the task of regional policies // Journal of the New Economic Association. 2011. No. 10. Pp. 150–153.
13. Minakir P. A. System transformations in the economy. Vladivostok, 2001. 536 p.
14. Minakir P. A., Demyanenko A. N. Economic integration in the territorial aspect // Economic integration: spatial aspect / total. ed. P. A. Minakira. M., 2004. Pp. 14–26.
15. Vardomsky L. B. The post-Soviet integration and economic growth of the new border of Russia in 2005–2015 // Spatial Economy. 2017. No. 4. Pp. 23–40.
16. Trotskyovskiy A. Y., Nazemzva Yu. Yu. Research and regulation of spatial aspects of the development of the economy at the regional level. Barnaul, 2014. 200 p.
17. Trootskovskiy A. Ya., Mishchenko I. V. Spatial aspects of the development of the socio-economic environment of rural territories of the Altai Territory: technique, results, regulation. Barnaul, 2013. 176 p.
18. Volchkova I. V., Danilova M. N., Podprigor Yu. V., Seliverstov A. A., Ufimtseva E. V., Shadeko N. R. Methodical approaches to the evaluation of differentiation at the level of socio-economic development of municipal formations of agglomeration // Management issues. 2017. No. 2 (45). Pp. 57–69.
19. Gataullin R. F., Karimov A. G. Theoretical and methodological aspects of the concept of leveling of heterogeneity of economic space // Fundamental studies. 2017. No. 8. Pp. 368–372.
20. Vasilyeva L. V. Evaluation of the level of interregional differentiation / Sustainable economic growth: political and social prerequisites: collection of works ed. S. V. Prikhodko. Orel, 2017. Pp. 144–147.
21. Kolomak E. A. Spatial development of Russia in the XXI century // Spatial Economy. 2019. T. 15. No. 4. Pp. 85–106.
22. Polarization of the Russian Space: Economic and Social and Cultural and Geographical Aspects / d. ed. V. N. Streletsky. M., 2018. 416 p.
23. Danilova I. V., Bogdanova O. A., Telulubayeva A. Zh. The influence of external institutional shocks on the differentiation of the economic space of the Russian Federation // Bulletin of the South Ural State University. Series: Economics and Management. 2019. T. 13. No. 3. Pp. 23–32.
24. Nefedova T. G. Strengthening the polarization of rural space and integration-disintegration processes in the non-black-space band of Russia (on the example of the Kostroma region) // Russia and its regions in polymage integration and disintegration processes: mater. Interddes scientific conf. in the framework of the VIII Annual Scientific Assembly of the Association of Russian Geographers-Socialists. Perm, 2017. Pp. 52–55.
25. Nefedova T. G. The development of the post-Soviet agricultural sector and the polarization of the rural space of the European part of Russia // Spatial economy. 2019. T. 15. No. 4. Pp. 36–56.
26. Kalugina Z. I., Fadeeva O. P., Bratzchenko S. V. Socio-economic polarization of rural space of Russia // Region: Economics and Sociology. 2015. No. 3 (87). Pp. 123–145.
27. Turgel I. D., Pobedin A. A. Territorial differentiation of the socio-economic development of municipalities in the subject of the Russian Federation: the experience of variational analysis (on the example of the Sverdlovsk region) // Regional Economics: Theory and Practice. 2007. No. 12. Pp. 12–23.
28. Buffetova A. N. Spatial aspects of the concentration of economic activity in Russia // Spatial economy. 2016. No. 3. Pp. 38–56.
29. Gritsai O. V., Ioffe G. V., Treivish A. I. Center and peripherals in regional development. M., 1991. 168 p.
30. Buffetova A. N. Spatial aspects of the concentration of economic activity in Russia // Spatial economy. 2016. No. 3. Pp. 38–56.
31. Lukin E. V. Trends in the development of the socio-economic space of Russia // Economics of the territories. 2014. Vol. 7 (17). Pp. 1–8.
32. Nefedova T. G. Compression of the Volodorodsky Last Space of Russia — Reality, not an illusion // Compression of socio-economic space: new in the theory of regional development and the practice of its state regulation / ed. S. S. Artobolevsky and L. M. Soshitrova. M., 2010. Pp. 128–145.
33. Compression of socio-economic space: new in the theory of regional development and the practice of its state regulation / ed. S. S. Artobolevsky and L. M. Soshitrova. M., 2010. 428 p.
34. City agglomeration in spatial development strategy // Regionalistics. 2020. T. 7. No. 3. Pp. 43–78.
35. Demyanenko A. N. Russian Economic Space: Dialectics of Integration and Disintegration Processes // Regionalistic. 2017. T. 4. No. 2. Pp. 5–10.
36. Nikiforov L. V., Kuznetsova i. e. City and village: Features of integration into the Soviet and post-Soviet periods // Journal of Social Policy Research. 2007. T. 5. No. 2. Pp. 179–200.

-
37. Trotskovsky A. Ya. The socio-territorial structure of the region: the structure and main trends of transformation. Novosibirsk, 1997. 249 p.
  38. Goryunov A. P., Belousova A. V. Processes of integration and fragmentation of economic space: structure of resettlement systems // Spatial economy. 2017. No. 4. Pp. 81–89.
  39. Lexin V. N. The present and future of the settlement system is the main problem of Russia // Federalism. 2011. No. 1 (61). Pp. 57–74.
  40. Borodin V. A., Gagarina G. Yu. Economic integration of regions as a mechanism for alignment and growth of their potentials // Federalism. 2020. No. 2 (98). Pp. 76–91.
  41. Economic integration of territories: Theoretical and applied aspects. Barnaul, 2016. 245 p.
  42. Expansion conditions and assessment of regional integration in order to ensure economic security (on the materials of the Siberian Federal District). Barnaul, 2020. 245 p.
  43. Lee N. O., Kibitkin A. I. On the spatial development of the economy of the regions of Russia // Questions of the innovation economy. T. 10. No. 2. Pp. 753–755.
  44. Ibrahimova Z. F., Franz M. V. Inequality of opportunities: the role of spatial factor // Spatial economy. 2020. T. 16. No. 4. Pp. 44–67.
  45. Raitskaya L. K., Tikhonova E. V. Review as a promising type of scientific publication, its types and characteristics // Scientific editor and publisher. 2019. No. 4 (3–4). Pp. 131–139.

Поступила в редакцию: 16.03.2021.

Принята к печати: 25.06.2021.

ЗАРАБОТНАЯ ПЛАТА СПОРТСМЕНОВ: ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ И РЕГУЛИРОВАНИЯ¹

О. А. Шавандина, Е. Ю. Коваленко

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

В статье рассматриваются особенности формирования заработной платы профессиональных спортсменов в Российской Федерации. Зарубежные и российские исследователи, анализируя формирование контрактных вознаграждений, приходят к заключению, что доходы атлетов зависят от вида спорта, результативности игрока в прошлом и настоящем, популярности у болельщиков данного спортсмена, страны его рождения, интереса команды к данному игроку, его индивидуальных особенностей, финансовых возможностей команды/клуба и др. Для анализа факторов, влияющих на величину доходов атлетов, предложена интегральная модель, основу которой составляют индивидуальные показатели спортсмена и финансовые нормативы, трансформирующие соответствующий персонифицированный показатель в денежный эквивалент. Кроме того, авторы предлагают дополнить методику анализа фонда оплаты труда показателями концентрации заработной платы по средней величине, энтропии и коэффициентом дисперсии.

Предлагаемые аналитические процедуры, по мнению авторов, позволят менеджменту спортивной организации обеспечить соизмеримость индивидуальных показателей (достижений) спортсмена с его заработной платой, повысить ее прозрачность, сгладить диспропорции при распределении доходов внутри команды/клуба и эффективно использовать финансовые и материальные ресурсы организации.

Ключевые слова: спортсмен, заработная плата, стимулирующие выплаты, премиальные выплаты, бонусы, правовое регулирование, интегральная модель, концентрация заработной платы по средней величине, энтропия, дисперсия.

SALARIES OF ATHLETES: FEATURES OF FORMATION AND REGULATION

O. A. Shavandina, E. Y. Kovalenko

Altai State University (Barnaul, Russia)

The article discusses the features of the formation of wages of professional athletes in the Russian Federation. Foreign and Russian researchers, analyzing the formation of contractual remuneration, come to the conclusion that the income of athletes depends on the sport, the performance of the player in the past and present, the popularity of the fans of this athlete, the country of his birth, the interest of the team in this player, his individual characteristics, the financial capabilities of the team/club, etc. To analyze the factors that affect the amount of income of athletes, an integral model is proposed, which is based on individual indicators of the athlete and financial standards that transform the corresponding personalized indicator into a monetary equivalent. In addition, the authors propose to supplement the methodology for analyzing the wage fund with indicators of the concentration of wages by the average value, entropy, and the coefficient of dispersion.

The proposed analytical procedures, according to the authors, will allow the management of a sports organization to ensure the comparability of individual indicators (achievements) of an athlete with his salary, increase its transparency, smooth out the disproportions in the distribution of income within the team/club and effectively use the financial and material resources of the organization.

---

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РФФИ. Научный проект № 20-011-00053 А «Правовое регулирование спортивных отношений в Российской Федерации»).

Keywords: athlete, salary, incentive payments, bonus payments, bonuses, legal regulation, integral model, concentration of wages by the average value, entropy, dispersion.

Введение. В настоящее время профессиональный спорт многие ученые-исследователи рассматривают как отрасль мировой экономики. Финансовая привлекательность определенных видов спорта обеспечивает ведущим мировым спортсменам высокий уровень заработной платы, формирование, анализ, правовое и финансовое обеспечение которой способствует интересу научного сообщества. Актуальные вопросы трансформации доходов профессиональных спортсменов обсуждаются на ежегодных конференциях различного уровня (от регионального до международного) и на страницах российских и зарубежных журналов. Наиболее значительный интерес вызывают следующие темы: управление спортом, факторы, влияющие на доходы профессиональных спортсменов и определяющие их конкурентоспособность, система и проблемы трансфера в спорте, индикаторы финансовой привлекательности определенных видов спорта, влияние ведущих мировых атлетов на спрос в спорте и др. [1–4].

Проблемы, связанные с особенностями и критериями формирования заработной платы спортсменов, требуют от руководителей организации проведения аналитических процедур с целью эффективного использования финансовых и материальных ресурсов. Урегулирование данных проблем обуславливает решение следующих вопросов и задач:

- сравнительный анализ правового регулирования трудовых отношений спортсменов, тренеров и др. работников спортивных организаций (клубов, федераций, лиг) в Российской Федерации с целью совершенствования нормативно-правовой базы [5–7];
- анализ особенностей формирования доходов атлетов различных видов спорта за рубежом и их зависимость от результативности спортсменов [1–3];
- вопросы совершенствования систем оплаты труда спортсменов и тренеров с целью определения основных индикаторов трансформации доходов профессиональных спортсменов и их продвижения на спортивном рынке [8–11];
- совершенствование анализа заработной платы спортсменов клуба (федерации, лиги) для повышения ее прозрачности и сглаживания диспропорций при ее распределении внутри команды/клуба [12–15].

Таким образом, повышенное внимание научного сообщества должно быть привлечено к вопросам совершенствования нормативного регулирования и финансового обеспечения оплаты труда спортсменов различного уровня. Гармонизация и унификация российского и международного законодательства в области трудового права будет способствовать продвижению российских атлетов на международном спортивном рынке и обеспечит им гарантии их представительства в зарубежных клубах/командах.

Заработная плата в Российской Федерации регулируется Трудовым кодексом Российской Федерации (ТК РФ) и представляет собой вознаграждение за труд в зависимости от квалификации работника, сложности, качества, количества и условий выполняемой работы, а также выплаты компенсационного и стимулирующего характера (ст. 129 ТК РФ). Что касается спортивного сектора, то ст. 348.1 ТК РФ регулирует трудовые отношения с работниками, трудовая функция которых состоит в подготовке к спортивным соревнованиям и участии в спортивных соревнованиях по определенным видам или видам спорта (далее — спортсмены), а также с работниками, трудовая функция которых состоит в проведении со спортсменами тренировочных мероприятий и осуществлении руководства состязательной деятельностью спортсменов для достижения спортивных результатов (далее — тренеры). Особенности каждого вида спорта, критерии оплаты, стимулирования, премирования и другие факторы находят отражение в локальных актах спортивных организаций, (федераций, лиг, ассоциаций и пр.).

Инструменты и результаты исследования. Заработная плата спортсменов в Российской Федерации регулируется главой 54.1 ТК РФ и представляет собой вознаграждение за выполнение трудовой функции, которая состоит в подготовке к спортивным соревнованиям и участии в них по определенным видам спорта. Заработная плата спортсмена зависит от большого количества факторов: вид спорта, эффективность системы подготовки (методика тренировки, материально-техническое обеспечение, научно-методическое обеспечение, медико-биологическое обеспечение, информационное обеспечение, рациональность системы соревнований), спортивные достижения (индивидуальная одаренность, степень подготовленности к спортивному достижению, нали-

чие спортивных кадров), конкурентоспособность спортсмена. Влияние указанных параметров на величину заработной платы спортсмена можно отразить, построив интегральную модель, которая в общем виде может быть представлена следующим образом.

$$\begin{cases} w_1 = \sum c_{1i} \cdot s_i \\ w_2 = \sum c_{2i} \cdot s_i \\ \dots\dots\dots \\ w_k = \sum c_{ki} \cdot s_i \end{cases}, \quad (1)$$

где $1 \leq i \leq n$, n — количество слагаемых (составных), определяющих заработную плату каждого спортсмена;

k — количество спортсменов в команде и/или спортивной организации;

c_{ji} — индивидуальный показатель (фактор, характеристика) j -го спортсмена, определяющий i -ое слагаемое его заработной платы;

s_i — финансовый норматив, определяющий i -ое слагаемое заработной платы спортсмена в денежном выражении;

w_j — заработная плата j -го спортсмена.

Ежемесячный фонд оплаты труда в целом представляет собой сумму начисленных заработных плат спортсменов организации/клуба:

$$W = \sum w_j = \sum \sum (c_{ji} \cdot s_i). \quad (2)$$

Формулы 1 и 2 имеют общий характер, то есть финансовые нормативы (s_i) являются унифицированными для спортивной организации/клуба, а коэффициенты c_{ji} отражают индивидуальные особенности спортсмена и специфику трудоустройства (объем в ставках, коэффициент стимулирующих выплат и их количество, коэффициент конкурентоспособности, персональный повышающий коэффициент, объем бонусов (в %) или коэффициент премиальных выплат, коэффициент разовых выплат и пр.).

Структура заработной платы каждого спортсмена линейная, но сложная. Это обусловлено тем, что бонусная ее часть для некоторых видов спорта значительно превышает постоянную составляющую (оклад) заработной платы. Размер премии (бонуса) зависит не только от вида спорта (например, премиальные выплаты в футболе, хоккее существенно выше, чем в плавании, фехтовании и пр.), а также от профессионального уровня спортсмена (футболисты высшего дивизиона имеют выплаты несравнимо большего объема, чем футболисты регионального уровня). Премиальные выплаты (бонусы) в спорте рассчитываются очень индивидуально или имеют договор-

ную основу. Размер переменной части заработной платы определяется исходя из достижений каждого в отдельности спортсмена. Спортивные достижения могут быть оценены количественно, данная оценка, представляя собой спортивный результат, обуславливает размер бонусной части или премии [16, 17].

Следующая особенность формирования заработной платы спортсменов заключается в том, что представители одной команды, имеющие одинаковый уровень спортивных достижений, могут получать существенно различные суммы заработной платы. Этому есть большое количество причин (договорные отношения, спортивные достижения прошлого периода, личное отношение руководства, спонсоров и пр.), которые могут иметь негативные последствия (например, социально-психологическая напряженность в команде/клубе, нарушение спортивной дисциплины). В связи с этим менеджерам команды (клуба), используя данные учетных регистров, необходимо регулярно анализировать заработную плату спортсменов.

По мнению авторов, методику анализа фонда оплаты труда можно дополнить показателями: концентрации заработной платы по средней величине; коэффициентом дисперсии и энтропии [12–15].

1) показатель среднего по команде/клубу арифметического значения заработной платы (формула 3) отражает меру центральной тенденции и необходим для расчета предлагаемых коэффициентов и показателей:

$$\bar{w} = \frac{1}{k} \cdot \sum w_j. \quad (3)$$

2) показатель концентрации заработной платы по средней величине ($\bar{w}$) является арифметической суммой тех значений заработных плат, которые превышают среднюю заработную плату, а количество слагаемых отражает количество спортсменов, имеющих заработную плату выше средней:

$$CW = \sum w_m', \quad (4)$$

w_m — заработная плата спортсменов, для которых выполняется условие ($w_m \geq \bar{w}$);

— коэффициент дисперсии отражает степень неравенства размеров заработных плат внутри команды/клуба:

$$\sigma = \sqrt{\frac{1}{k} \cdot \sum (w_j - \bar{w})^2} \quad (5)$$

— коэффициент энтропии измеряет неупорядоченность распределения заработной платы в долях внутри команды/клуба:

$$\varepsilon = \sum \left[\frac{w_j}{W} \cdot \ln\left(\frac{1}{\frac{w_j}{W}}\right) \right] \quad (6)$$

$\frac{w_j}{W}$ — доля заработной платы j -го спортсмена

в общем фонде заработной платы.

Предлагаемые показатели и коэффициенты способствуют распространению методов экономико-математического моделирования на область практического применения. Указанные аналитические процедуры позволят менеджерам спортивной организации своевременно сглаживать диспропорции при распределении заработной платы внутри команды, способствуя повышению эффективности их (менеджеров) деятельности.

Результаты исследования. Корректировка методики анализа заработной платы в спортивной организации проведена на основе элементов математической статистики и приемов математического моделирования экономических систем.

Волейбольный клуб «Л» («Локомотив») выступает в Суперлиге, неоднократно завоевывал Кубок России, был призером чемпионата России, а также добивался победы в Европейской Лиге Чемпионов. Организационно-правовая форма — автономная некоммерческая организация. Генеральный спонсор волейбольного клуба — ОАО «РЖД» (ОАО «RZD»); основные партнеры-спонсоры: Правительство НО (G NO); Всероссийская Федерация волейбола (RVF); Государственное унитарное предприятие НО «Радио 54» (SUE «R 54»); Группа компаний «Ч» (GC «BH»); АО Транспортная компания «РК» (TC «RC»). В состав клуба, помимо администрации, входят: главный тренер, старший тренер, 3 тренера, 2 врача, 2 массажиста и 15 игроков.

Менеджер команды имеет доступ к личным данным учетных регистров, которые являются коммерческой тайной спортивной организации, и может выполнить анализ зарплат спортсменов клуба. Условная информация для проведения аналитических процедур представлена в таблице 1.

Таблица 1

Данные о заработной плате спортсменов волейбольного клуба «Л»

Табельный номер	Постоянная часть зарплаты (оклад)		Стимулирующие выплаты		Премияльные выплаты				Итого начислено, ден. ед.
	$C_{j1} \cdot S_1$ ден. ед.	доля %	$C_{j2} \cdot S_2$ ден. ед.	доля %	эффективность системы подготовки $C_{j3} \cdot S_3$ ден. ед.	спортивные достижения $C_{j4} \cdot S_4$ ден. ед.	доплата по условиям договора $C_{j5} \cdot S_5$ ден. ед.	доля %	
	w_j								
00001	180,0	4,5	450,0	11,3	550,0	800,0	2000,0	84,2	3980,0
00002	180,0	6,4	400,0	14,3	320,0	400,0	1500,0	79,3	2800,0
00003	180,0	6,4	400,0	14,3	320,0	400,0	1500,0	79,3	2800,0
00005	180,0	4,6	450,0	11,5	500,0	770,0	2000,0	83,9	3900,0
00008	180,0	3,5	550,0	10,8	550,0	820,0	3000,0	85,7	5100,0
00011	180,0	4,7	450,0	11,8	470,0	700,0	2000,0	83,5	3800,0
00014	180,0	3,7	500,0	10,3	670,0	800,0	2700,0	86,0	4850,0
00015	180,0	3,5	550,0	10,6	670,0	800,0	3000,0	85,9	5200,0
00016	180,0	9,7	300,0	16,2	170,0	200,0	1000,0	74,1	1850,0
00018	180,0	6,1	400,0	13,6	370,0	500,0	1500,0	80,3	2950,0
00022	180,0	5,0	450,0	12,5	470,0	500,0	2000,0	82,5	3600,0
00027	180,0	4,0	500,0	11,0	570,0	600,0	2700,0	85,0	4550,0
00032	180,0	4,6	450,0	11,5	570,0	700,0	2000,0	83,9	3900,0
00041	180,0	7,1	400,0	15,7	270,0	200,0	1500,0	77,2	2550,0
00049	180,0	5,0	450,0	12,5	370,0	600,0	2000,0	82,5	3600,0
ИТОГО	2700,0	4,87	6700,0	12,09	6840,0	8790,0	30400,0	83,04	55430,0

Каждое слагаемое модели определяется как произведение i -го индивидуального показателя (c_i) j -го спортсмена на соответствующий финансовый норматив (s_i). В качестве индивидуального фактора может выступать количественный показатель,

выраженный в процентах, в часах, в баллах и других натуральных единицах, а под финансовым нормативом понимается стоимость единицы количественной величины (индивидуального фактора). Стимулирующие выплаты могут быть установлены

в процентном отношении к постоянной (окладной) части заработной платы, а премиальные выплаты (бонусы) — в балльной системе с дальнейшим преобразованием в стоимостной показатель. Все количественные оценки индивидуальных факторов, критерии их начисления и расчета стоимости должны быть отражены в локальных документах спортивной организации и договорах (контрактах), осуществляющих индивидуальное регулирование некоторых отношений.

Постоянная часть заработной платы у членов команды составляет незначительную долю в итоговом начислении и изменяется от 3,5 до 9,7%. Переменная составляющая включает стимулирующие и премиальные выплаты, которые начисляются и выплачиваются ежемесячно в соответствии с действующим в спортивной организации положением об оплате труда. Стимулирующие выплаты могут устанавливаться на определенный период, например, не менее чем на три месяца, в то время как премиальные выплаты носят разовый характер. Количество стимулирующих выплат (одна, две и более) регламентируются локальными актами спортивного клуба. Критерии премирования разрабатываются организацией самостоятельно и утверждаются руководителем. Доля итоговой суммы стимулирующих выплат в общей сумме начисленных денежных средств составляет около 12%, в то время как индивидуальные стимулирующие начисления изменяются от 10,3% (у спортсмена с табельным номером 00014) до 16,2% (у спортсмена с табельным номером 00016). Существенная доля заработной платы приходится на поощрительные выплаты (в среднем 83%), которые отражают эффективность работы спортсмена на тренировках и сборах в процессе подготовки к чемпионатам, турнирам; его достижения в период соревнований, состязаний и особые условия, прописанные в договоре (контракте) каждого спортсмена. Стоит отметить, что в положении об оплате труда нет снижающих критериев, позволяющих уменьшать бонусные выплаты в случае нарушения спортивного режима, условий договора, неэтичного поведения с товарищами по команде, тренерами, врачами, соперниками и во вне тренировочного и соревновательного процесса. Наименьшие бонусы начислены спортсмену с табельным номером 00016, что соответствует наименьшей итоговой сумме начислений (1850,0 ден. ед.), так как стаж спортсмена в клубе составляет менее года, большая часть игр прошла без его участия (был запасным игроком). Члены команды с табельными номерами 00015 и 00008 имеют самые высокие премиальные выплаты, что обусловлено их значимостью для команды/клуба, большим игровым стажем, опытом, популярностью и спортивными достижениями (наибольшая результативность в пе-

риод соревновательной деятельности). Доля бонусной части указанных спортсменов составляет 85,9 и 85,7% соответственно. Однако наибольшее доленое значение (86,0%) приходится на премиальные выплаты игрока с табельным номером 00014. Это связано с трансфером данного спортсмена и условиями договора, заключенного с ним. Кроме того, в период подготовки к турниру и во время соревнований новый член команды проявил высокую конкурентоспособность, что количественно обусловило высокие бонусы по всем позициям.

Индивидуальные показатели стимулирующих и премиальных выплат имеют разрывы, которые определяют совокупный разрыв (3350 ден. ед.) между наименьшим (1850 ден. ед.) и наибольшим (5200 ден. ед.) значениями зарплат спортсменов команды.

Средняя заработная плата (формула 3) спортсменов в команде составляет:

$$\bar{w} = \frac{1}{15} \cdot 55430 = 3695,3 \text{ ден. ед.}$$

Данное значение отражает меру центральной тенденции, то есть наблюдаемые величины (индивидуальные зарплаты) колеблются около вычисленного среднего показателя — 3695,3 ден. ед. Около 6 членов команды (40%) из 15 имеют заработную плату близкую по значению к $\bar{w}$.

Используя формулу 4 вычислим показатель концентрации заработной платы по средней величине ($\bar{w}$):

$$CW = 3980 + 3900 + 5100 + 3800 + 4850 + 5200 + 4550 + 3900 = 35280 \text{ ден. ед.}$$

Большая часть членов команды (8 человек, или 53%) имеет заработную плату выше среднего значения, доля сконцентрированного фонда оплаты труда указанных спортсменов составляет около 64%. Это свидетельствует об умеренном распределении заработной платы среди спортсменов. Однако данный показатель не отражает степень неравенства размеров зарплаты внутри команды. Для оценки разброса значений индивидуальных зарплат спортсменов вычислим показатель дисперсии, используя возможности Microsoft Office.

$$\begin{aligned} \sigma &= \sqrt{\frac{1}{15} \cdot 13370573,35} = \\ &= \sqrt{891371,5567} = 944,12 \text{ ден. ед.} \end{aligned}$$

Степень неравенства размеров заработной платы внутри команды достигает 944,12 условных ден. ед. Данный показатель отражает «разброс» величин индивидуальных зарплат около меры центральной тенденции или среднее значение величины разрыва между оплатой каждого спортсмена

и средней заработной платой в команде. С другой стороны величина σ составляет более 25% среднего значения заработной платы (3695,3 ден. ед.), то есть колебания начисленной заработной платы спортсменов около $\bar{w}$ в среднем достигают четверти ее значения.

Для анализа неупорядоченности распределения долей зарплат спортсменов внутри команды рассчитаем показатель энтропии

$$\varepsilon = 2,674 .$$

Коэффициент энтропии показывает среднюю долю заработной платы спортсменов команды, взвешенную по натуральному логарифму обратной ей (доле зарплаты) величины. Значение энтропии достаточно высокое, следовательно, концентрация зарплат спортсменов внутри команды низкая, что подтверждает сделанный ранее вывод об умеренном распределении заработной платы среди спортсменов и отсутствии явных фаворитов по ее уровню.

Стимулирующие и премиальные выплаты представляют собой факторы первого уровня, их детализация позволит определить характеристики или факторы второго уровня и выполнить аналитические процедуры с использованием предложенных авторами показателей, при условии правового обеспечения индикаторов (характеристик, факторов) второго уровня.

Таким образом, показатели концентрации заработной платы по средней величине, дисперсии, коэффициент энтропии и интегральная модель способствуют повышению качества анализа заработной платы спортсменов команды/клуба с целью своевременного, адекватного принятия управленческих решений и дальнейшего развития правового регулирования спортивных отношений.

Различные аспекты формирования заработной платы спортсменов обсуждаются зарубежными и отечественными экономистами. Исследуя влияние производительности игрока во время матчей на премиальные выплаты, Р. Терри и др. обращают внимание менеджеров команды на необходимость механизмов контроля с целью гарантии соизмеримости вознаграждения игрока и его ценности (результативности). В данном исследовании проанализированы второстепенные факторы, влияющие на размер контрактных премий, а именно: интерес команд к данному игроку, успешность команды, финансовые возможности команды-покупателя, степень свободы агента и пр. Ученые-исследователи обосновывают необходимость отражения указанных факторов в контрольных процедурах при формировании контрактных вознаграждений [2].

Большие исследования проводятся на материалах Высшей футбольной лиги (MLS), учитывая огромную популярность данного вида спорта и одни из самых высоких зарплат, получаемых спортсменами-футболистами. Оценивая уравнение заработной платы футболистов MLS, группа исследователей установила отрицательную корреляцию между фиксированными премиями к заработной плате игрока и их успехами в лиге и посещаемостью домашних игр. Однако зависимость премиальных выплат от показателей выступлений на поле носит сильно выраженный (положительный) корреляционный характер, результатом которого явилась положительная сортировка игроков команды. По мнению исследователей, это обусловлено тем, что часть успеха команды MLS заключается в способности менеджеров занижать цену, которую они платят за талант и результативность своих игроков [1]. Исследуя роль страны рождения спортсменов в определении заработной платы, их результативности во время игр и посещаемости болельщиков в MLS, был сделан вывод о том, что игроки иностранного происхождения имеют меньшее влияние на командную игру на поле, но в большей степени положительно воздействуют на посещаемость болельщиков [3]. Правила MLS предусматривают некоторую связь между результативностью футболистов и структурой их заработной платы. Используя коэффициенты Джини и вариации, Коутс, Фрик и другие исследователи выполнили оценку неравенства в заработной плате игроков. В результате сделан вывод, что производительность игроков (в виде забитых голов) негативно отражается на увеличении разрыва зарплаты спортсменов, который (разрыв) ограничивался верхним ее пределом. В 2007 г. MLS изменила правила заработной платы, чтобы команды имели возможность превысить ее верхний предел при подписании контракта с высококвалифицированным игроком (например, Дэвид Бекхэм). При этом результаты исследований показали, что лишь некоторые высокооплачиваемые спортсмены генерировали избыточное повышение посещаемости матчей болельщиками, более того, эти эффекты привлечения поклонников игрока-суперзвезды с течением времени снижались [8, 9].

Исследуя продвижение спортсменов по смешанным боевым искусствам (ММА) по временным и событийным параметрам, П. Гифт приходит к заключению о том, что на бойцов существенно не влияют уровни бонусов в пределах некоторого диапазона, так как являются элементом механизма «лотерейной» компенсации фактического вознаграждения за содействие в продвижении спортсменов на спортивном рынке. Результаты исследования имеют практическое значение для при-

нения стратегических решений промоутеров ММА и менеджеров по экономике персонала [4].

Российские ученые, рассматривая вопросы правового регулирования трудовых отношений с участием спортсменов и тренеров, предлагают использовать государственно-частное партнерство при формировании их заработной платы. Это повысит эффективность решения вопросов данной сферы, так как за каждым уровнем регулирования будут закреплены определенные функциональные рамки [5–7].

Другие разработки исследователей направлены на совершенствование систем оплаты труда спортсменов и тренеров, с целью повышения прозрачности заработной платы и минимизации количества стимулирующих доплат. Авторы предлагают перейти к ступенчатой системе оплаты труда, каждая ступень определяется в зависимости от уровня квалификации, имеющихся спортивных и почетных званий, оценки уровня развития компетенций, занимаемой должности и пр. Переход на следующую ступень определяется результатами аттестации один раз в год [10]. Стоит отметить, что локальные акты спортивной организации, регламентирующие данную систему оплаты труда, не должны противоречить федеральному и региональному законодательству.

Кроме того, российские ученые, исследуя вопросы развития спортивной отрасли, выявили тенденции финансовой привлекательности определенных видов спорта. Используя регрессионную модель формирования заработной платы ведущих спортсменов, установили экспоненциальный вид ее (зарплаты) роста и определили основные индикаторы трансформации доходов профессиональных спортсменов. А методы кластерного анализа позволили ученым установить сходные признаки в уровнях конфликтности и предпочтениях зрительской аудитории в зависимости от видов спорта [11].

Таким образом, обсуждаемые вопросы формирования и правового регулирования оплаты труда спортсменов достаточно актуальны и дискуссионны и могут быть реализованы через специальные и/или локальные нормы. Задачи анализа индивидуальных заработных плат спортсменов и фонда оплаты труда в целом по организации могут быть решены с помощью приемов экономико-математического моделирования, элементов статистического, регрессионного, корреляционного анализа, и других математических методов, использование которых позволит повысить эффективность и качество аналитических процедур.

Заключение. Методика анализа фонда оплаты труда в спортивной организации, по мнению авторов, может быть дополнена формированием интегральной модели и показателями концен-

трации заработной платы по средней величине, дисперсии, коэффициентом энтропии. Правомерность применения аналитических процедур обуславливает необходимость корректировки локальных актов спортивных клубов (организации, лиг, федераций и пр.). Положения об оплате труда, о премировании и др. должны содержать полный перечень индивидуальных показателей, которые участвуют в формировании заработной платы спортсмена, и финансовый норматив, который трансформирует индивидуальный показатель в стоимостной. Кроме того, если какие-либо индикаторы имеют ограничения, то это тоже должно быть отражено в нормативно-распорядительной документации.

Стоит отметить основные особенности интегральной модели и предлагаемых к использованию показателей:

- моделирование осуществляется на основе данных учетных регистров, что обеспечивает интегральной модели достоверность, надежность, объективность, значимость и беспристрастность;
- количество индивидуальных показателей, участвующих в формировании заработной платы спортсмена, определяются спортивной организацией (например, использование «спортивного звания, разряда» в качестве показателя, влияющего на стимулирующие выплаты);
- индивидуальные заработные платы в интегральной модели могут быть объединены в группы (например, по амплуа), чтобы проанализировать разрывы в оплатах по скомпонованным группам;
- моделирование и анализ можно проводить по различным временным интервалам (за месяц, за квартал, за полугодие, за 9 месяцев, за год, а внутри года объединять любые периоды), за которые сформированы учетные регистры;
- алгоритм вычисления не требует специального программного обеспечения, достаточно стандартного пакета Microsoft Office.

Предлагаемая интегральная модель и совокупность коэффициентов расширяет аналитические возможности менеджмента спортивной организации и способствует персонифицированному анализу заработной платы спортсменов. Показатель концентрации заработной платы по средней величине, коэффициент энтропии и показатель дисперсии позволят руководству своевременно реагировать на необоснованные разрывы в индивидуальных заработных платах, сглаживая диспропорции в ее распределении и, как следствие, социально-психологическую напряженность в команде/клубе.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Scarfe R., Singleton C., Telemo P. Do High Wage Footballers Play for High Wage Teams? The Case of Major League Soccer // *International Journal of Sport Finance (IJSF)*. 2020. Vol. 15 (4). Pp. 177–190. DOI: 10.2139/ssrn.3297644.
2. Terry R. P., McGee J. E., Kass M. J. The not-so-free agent: Non-performance factors that contribute to free agent compensation premiums // *Sport Management Review*. 2018. Vol. 21 (2). Pp. 189–201. URL: <https://doi.org/10.1016/j.smr.2017.06.006>.
3. Medcalfe S., Smith R. The Effect of Foreign Players on Pay and Performance in Major League Soccer // *International Journal of Sport Finance (IJSF)*. 2018. Vol. 13 (4). Pp. 297–318. URL: https://www.researchgate.net/publication/331439430_The_effect_of_foreign_players_on_pay_and_performance_in_major_league_soccer
4. Gift P. Performance Bonuses and Effort: Evidence from Fight Night Awards in Mixed Martial Arts // *Int. J. Financial Stud.* 2019. Vol. 7 (1). P. 13. DOI: 10.3390/ijfs7010013.
5. Агузаров А. М. К вопросу об оплате труда спортсменов и тренеров и его правовому регулированию // Пробелы в российском законодательстве. *Юридический журнал*. 2013. № 3. С. 97–100.
6. Вавилкин Д. С., Ташиян А. А. Особенности трудового договора профессионального спортсмена // *Юристъ-правоведъ*. 2017. № 3 (82). С. 200–206.
7. Попов Г. А. Штраф как дисциплинарное взыскание в отношении спортсменов: законность и перспективы // *Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу»*. 2019. № 2.
8. Coates D., Frick B., Jewell R. T. Superstar salaries and soccer success: The impact of designated players in major league soccer // *Journal of Sports Economics*. 2016. Vol. 17. Pp. 716–735. DOI: 10.1177/1527002514547297.
9. Jewel R. T. The Effect of Marquee Players on Sports Demand: The Case of U. S. Major League Soccer // *Journal of Sports Economics*. 2017. Vol. 18 (3). Pp. 239–252. DOI: 10.1177/1527002514567922.
10. Бондаренко М. П. Разработка новой системы оплаты труда спортивных тренеров // *Фундаментальные исследования*. 2014. № 12 (часть 4). С. 788–793.
11. Андреев А. В., Дудник Е. М., Корольков А. Н. Доходы ведущих спортсменов как индикатор развития современного профессионального спорта // *Спорт: экономика, право, управление*. 2019. № 3. С. 9–13.
12. Нефедов В. И., Смерчинская С. О., Яшина Н. П. Построение агрегированного отношения, минимально удаленного от экспертных предпочтений // *Прикладная экспертная математика*. 2018. № 42. С. 120–132.
13. Тырсин А. Н., Соколова И. С. Энтропийно-вероятностное моделирование гауссовских стохастических систем // *Матем. моделирование*. 2012. Т. 24. № 1. С. 88–102.
14. Bartolucci C., Devicienti F., Monzon I. Identifying sorting in practice // *American Economic Journal: Applied Economics*. 2018. No. 10 (4). Pp. 408–438.
15. Richman J. S., Moorman J. R. Physiological timeseries analysis using approximate entropy and sample entropy // *Am. J. of Physiol. — Heart and Circulatory Physiol.* 2000. Vol. 278 (6). Pp. 2039–2049. DOI: 10.1152/ajpheart.2000.278.6. H2039.
16. Malcata R. M., Hopkins W. G. Variability of Competitive Performance of Elite Athletes: A Systematic Review // *Sports Med.* 2014. Vol. 44. Pp. 1763–1774. DOI: 10.1007/s40279-014-0239-x.
17. Матвеев Л. П. Общая теория спорта и ее прикладные аспекты. М., 2019. 342 с.

REFERENCES

1. Scarfe R., Singleton C., Telemo P. Do High Wage Footballers Play for High Wage Teams? The Case of Major League Soccer // *International Journal of Sport Finance (IJSF)*. 2020. Vol. 15 (4). Pp. 177–190. DOI: 10.2139/ssrn.3297644.
2. Terry R. P., McGee J. E., Kass M. J. The not-so-free agent: Non-performance factors that contribute to free agent compensation premiums // *Sport Management Review*. 2018. Vol. 21 (2). Pp. 189–201. DOI: 10.1016/j.smr.2017.06.006.
3. Medcalfe S., Smith R. The Effect of Foreign Players on Pay and Performance in Major League Soccer // *International Journal of Sport Finance (IJSF)*. 2018. Vol. 13 (4). Pp. 297–318. URL: https://www.researchgate.net/publication/331439430_The_effect_of_foreign_players_on_pay_and_performance_in_major_league_soccer
4. Gift P. Performance Bonuses and Effort: Evidence from Fight Night Awards in Mixed Martial Arts // *Int. J. Financial Stud.* 2019. Vol. 7 (1). P. 13. DOI: 10.3390/ijfs7010013.
5. Aguzarov A. M. On the issue of remuneration of athletes and coaches and its legal regulation // *Gaps in Russian legislation. Legal Journal*. 2013. No. 3. Pp. 97–100.

6. Vavilkin D. S., Tashchiyan A. A. Features of the employment contract of a professional athlete // *Jurist-legal expert*. 2017. No. 3 (82). Pp. 200–206.
7. Popov G. A. Fine as a disciplinary sanction against athletes: legality and prospects // *Electronic supplement to the «Russian Journal of Law»*. 2019. № 2.
8. Coates D., Frick B., Jewell R. T. Superstar salaries and soccer success: The impact of designated players in major league soccer // *Journal of Sports Economics*. 2016. Vol. 17. Pp. 716–735. DOI: 10.1177/1527002514547297.
9. Jewel R. T. The Effect of Marquee Players on Sports Demand: The Case of U. S. Major League Soccer // *Journal of Sports Economics*. 2017. Vol. 18 (3). Pp. 239–252. DOI: 10.1177/1527002514567922.
10. Bondarenko M. P. Development of a new remuneration system for sports coaches // *Basic research*. 2014. No. 12 (4). Pp. 788–793.
11. Andreev A. V., Dudnik E. M., Korolkov A. N. Income of leading athletes as an indicator of the development of modern professional sports // *Sport: economics, law, management*. 2019. No. 3. Pp. 9–13.
12. Nefedov V. I., Smerchinskaya S. O., Yashina N. P. Construction of an aggregated relation, minimally distant from expert preferences // *Applied expert mathematics*. 2018. No. 42. Pp. 120–132.
13. Tyrsin A. N., Sokolova I. S. Entropy-probabilistic modeling of Gaussian stochastic systems // *Mathematical modeling*. 2012. T. 24, No. 1. Pp. 88–102.
14. Bartolucci C., Devicienti F., Monzon I. Identifying sorting in practice // *American Economic Journal: Applied Economics*. 2018. No. 10 (4). Pp. 408–438.
15. Richman J. S., Moorman J. R. Physiological timeseries analysis using approximate entropy and sample entropy // *Am. J. of Physiol. — Heart and Circulatory Physiol*. 2000. Vol. 278 (6). Pp. 2039–2049. DOI: 10.1152/ajpheart.2000.278.6. H2039.
16. Malcata R. M., Hopkins W. G. Variability of Competitive Performance of Elite Athletes: A Systematic Review // *Sports Med*. 2014. Vol. 44. Pp. 1763–1774. DOI: 10.1007/s40279-014-0239-x.
17. Matveev L. P. *General theory of sports and its applied aspects*. M., 2019. 342 p.

Поступила в редакцию: 12.05.2021.

Принята к печати: 16.06.2021.

НАШИ АВТОРЫ

OUR AUTHORS

1. Алябьева Марианна Владимировна, доктор экономических наук, профессор кафедры экономики Белгородского университета кооперации, экономики и права (Белгород, Россия), e-mail: amb.15@yandex.ru. ORCID: 0000-0002-5236-5197.

2. Алябьева Татьяна Михайловна, кандидат химических наук, заведующий кафедрой естественнонаучных дисциплин Белгородского университета кооперации, экономики и права (Белгород, Россия), e-mail: amb.15@yandex.ru.

3. Ануфриева Ирина Юрьевна, кандидат экономических наук, доцент кафедры менеджмента, организации бизнеса и инноваций Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия), e-mail: anufrieva_irina@mail.ru.

4. Бажанов Виктор Андреевич, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Института экономики и организации промышленного производства СО РАН (Новосибирск, Россия), e-mail: vab@ieie.nsc.ru.

5. Белоусова Светлана Владимировна, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Иркутского научного центра СО РАН (Иркутск, Россия), e-mail: belousova-@mail.ru. ORCID: 0000-0003-4611-169x.

6. Беляев Виктор Иванович, доктор экономических наук, профессор кафедры менеджмента, организации бизнеса и инноваций Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия), e-mail: belyaevvi@mail.ru.

7. Бутакова Марина Михайловна, кандидат экономических наук, доцент кафедры менеджмента, организации бизнеса и инноваций Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия), e-mail: marina.butakova.59@mail.ru. ORCID: 0000-0001-6331-0258.

8. Вдовкина Елена Геннадьевна, кандидат экономических наук, доцент кафедры цифровых технологий и бизнес-аналитики Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия), e-mail: v_elen@mail.ru.

9. Гришина Елена Николаевна, кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики Вятского государственного университета (Киров, Россия), e-mail: grishina_e1955@mail.ru

10. Дубина Игорь Николаевич, доктор экономических наук, профессор кафедры применения математических методов в экономике и планировании Новосибирского национального исследовательского государственного университета, профессор кафедры экономики и эконометрики Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия), e-mail: igor_dubina@yahoo.com.

11. Ермолина Алена Алексеевна, экономист-менеджер АО концерн «ЦНИИ «Электроприбор» (Санкт-Петербург, Россия), e-mail: ermolinaalenska@mail.ru.

12. Землякова Светлана Николаевна, кандидат экономических наук, доцент Донского государственного аграрного университета (пос. Персиановский, Россия), e-mail: zemlyakovasn@rambler.ru.

13. Исаева Ольга Владимировна, кандидат физико-математических наук, доцент кафедры экономики и эконометрики Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия), e-mail: isaeva.olgav@mail.ru.

14. Коваленко Екатерина Юрьевна, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия), e-mail: ekov_@mail.ru. ORCID: 0000-0002-9860-6371.

15. Крылова Наталья Павловна, доцент кафедры экономики и управления Череповецкого государственного университета (Череповец, Россия), e-mail: npkrylova@chsu.ru.

16. Кузнецова Ольга Викторовна, кандидат экономических наук, доцент кафедры менеджмента, организации бизнеса и инноваций Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия), e-mail: olgav.kuznecova@yandex.ru.

17. Лаптева Ирина Павловна, кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики Вятского государственного университета (Киров, Россия), e-mail: irinalapteva2607@mail.ru.

18. Пиньковецкая Юлия Семеновна, кандидат экономических наук, доцент кафедры экономического анализа и государственного управления Ульяновского государственного университета (Ульяновск, Россия), e-mail: judy54@yandex.ru.

---

19. Пяткова Оксана Николаевна, кандидат экономических наук, доцент кафедры менеджмента, организации бизнеса и инноваций Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия), e-mail: ryatkovaon@mail.ru. ORCID: 0000-0002-5630-1772.

20. Самсонов Иван Иванович, кандидат педагогических наук, доцент Центра спортивной подготовки сборных команд Алтайского края (Барнаул, Россия), e-mail: sii2009@yandex.ru.

21. Семиколенова Марина Николаевна, кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической безопасности, учета, анализа и аудита Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия), e-mail: semikmn@mail.ru.

22. Семина Лариса Анатольевна, доктор экономических наук, профессор кафедры экономической безопасности, учета, анализа и аудита Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия), e-mail: seminalarisa@yandex.ru.

23. Соколова Ольга Николаевна, кандидат экономических наук, профессор кафедры менеджмента, организации бизнеса и инноваций Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия), e-mail: son-555@mail.ru. ORCID: 0000-0002-8148-614X.

24. Степаненко Дарья Александровна, кандидат экономических наук, доцент кафедры менеджмента и инноваций Санкт-Петербургского государственного экономического университета (Санкт-Петербург, Россия), e-mail: kadar_77@mail.ru. ORCID: 00000-002-2992-0543.

25. Степанова Анастасия Александровна, студент Бизнес-школы (института) Череповецкого государственного университета (Череповец, Россия), e-mail: stepanova.anastasiya.2017@mail.ru.

26. Тарасов Дмитрий Олегович, аспирант Новосибирского национального исследовательского государственного университета (Новосибирск, Россия), e-mail: d. o.tarasov@mail.ru.

27. Троцкий Александр Яковлевич, доктор социологических наук, профессор кафедры экономики и эконометрики Алтайского государственного университета, заведующий лабораторией социально-экономических исследований Алтайского края ИЭОПП СО РАН (Барнаул, Россия), e-mail: rua@dc.asu.ru.

28. Шавандина Ольга Александровна, кандидат экономических наук, ведущий документовед научно-го отдела юридического института Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия), e-mail: shao07@rambler.ru. ORCID: 0000-0002-5083-2169.

29. Шаповалова Светлана Владимировна, старший преподаватель кафедры цифровых технологий и бизнес-аналитики Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия), e-mail: sveta_sh_a@mail.ru.

ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ СТАТЕЙ В НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ «ЭКОНОМИКА ПРОФЕССИЯ БИЗНЕС»

ARTICLE SUBMISSION GUIDELINES FOR "ECONOMICS PROFESSION BUSINESS"

1. Статья представляется в электронном варианте по адресу: epb@asu.ru:

- Название файла по фамилии автора или первого из авторов.
- Используется одна из последних версий текстового редактора WORD.
- Объем публикации не должен превышать 0,5 п. л. (20 000 знаков с пробелами или примерно 11 страниц, включая список литературы, сведения об авторах и иллюстрации); для кандидатов и докторов наук объем публикаций не должен превышать 1,0 п. л. (40 000 знаков с пробелами или примерно 22 страницы), минимальный объем статьи составляет 0,35 п. л. (14 500 знаков с пробелами или примерно 8 страниц). Таблица или рисунок формата А4 составляет 5 400 знаков с пробелами.
- Публикации принимаются на русском и английском языках.

2. Статьи, поступающие в редколлегию, **проверяются с использованием системы «Антиплагиат»**; авторам рекомендуется перед отправкой проверять свои статьи на степень оригинальности текста.

3. К статье прилагаются:

- рекомендация кафедры (научного семинара кафедры) отсканированная в цвете (по возможности);
- письмо-согласие с заверенной подписью (подписями) автора (авторов) статьи, отсканированные в цвете.
- для аспирантов обязательным документом является справка об обучении в аспирантуре.

4. Структура статьи:

- индекс УДК, который проставляется в левом верхнем углу первой страницы рукописи;
  - название статьи;
  - инициалы и фамилия автора, место работы автора (с указанием города и страны) на русском языке (например, И. И. Иванов, Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия));
  - аннотация на русском языке (объем аннотации от 1000 до 1600 знаков без пробелов, слово «Аннотация» не используется), ключевые слова к публикации на русском языке (от 5 до 10 слов);
  - название статьи на английском языке;
  - инициалы и фамилия автора, место работы автора (с указанием города и страны) на английском языке (например, I. I. Ivanov, Altai State University (Barnaul, Russia));
  - аннотация на английском языке (объем аннотации от 1000 до 1600 знаков без пробелов, слово «Abstract» не используется), ключевые слова к публикации на английском языке (Keywords, от 5 до 10 слов);
  - собственно текст статьи;
  - библиографический список;
  - references;
  - таблицы с заголовками;
  - рисунки с подписями;
  - сведения об авторах (фамилия, имя, отчество, ученая степень, должность, место работы, телефон для связи), адрес с указанием почтового индекса, электронный адрес (e-mail) и ORCID ID (при наличии).
-

5. Для основных текстов на английском языке сначала указываются название статьи, инициалы и фамилия автора, аннотация, ключевые слова к публикации на английском языке, затем все то же самое на русском языке.

6. По содержанию в тексте должны присутствовать:

- вводная часть (введение), содержащая обзор современных публикаций по данной тематике, в том числе зарубежных авторов, и четко формулирующая актуальность и цель работы;
- описание методов и методик проводимого исследования;
- полученные результаты и их обсуждение;
- заключительная часть (заключение) с выводами по работе.

7. Требования к тексту, представленному в WORD:

- формат А4 (21х30 см);
- используемые версии текстового редактора — MSWord 2003 и выше;
- рисунки представляются в виде отдельных файлов в форматах JPG, TIFF, BMP, PNG с разрешением не менее 300 dpi;
- набор формул производится с помощью редактора Math Type;
- интервал между строками — 1,5;
- шрифт — гарнитура Times New Roman;
- размер шрифта — 14 кегль;
- все поля по 2 см;
- текст неформатированный;
- текст должен быть разбит на абзацы, абзацный отступ 1,25 см;
- без переносов;
- возможно выделение текста шрифтами (жирный, курсив);
- возможно употребление спецсимволов (% и др.).

8. Библиографический список кириллицей оформляется следующим образом:

а) статьи в периодических изданиях:

Ермолина Л. Т. Откуда у парня афганская грусть? // Алтайская правда. 2001. №2. С. 2–5.

б) монографии, учебники и учебные пособия:

Антонян Ю. М. Преступность в федеральных округах России: монография. М., 2012. С. 117;

в) сборники статей и труды конференций:

Кубишин Е. С. Гендерные проблемы занятости и рынка труда Москвы // Гуманитарные, экономические и правовые проблемы современного общества: сб. науч. трудов / под общ. ред. В. Хозова. М., 2014. С. 72–87;

г) электронные источники:

Гужвенко Ю. Н. В Алтайском крае активно действует казахская диаспора. URL: <http://www.ferghana.ru/article.php?id=5196/> (дата обращения: 05.10.2018).

Гиперссылку необходимо всегда заканчивать знаком «/».

д) ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

е) если для цитируемого источника существует DOI (Digital Object Identifier), его следует указывать в конце источника после точки в следующем виде: DOI: префикс/суффикс (например: DOI: 10.14258/izvasu (2014) 1.1–01).

Ссылки на цитируемую литературу даются в тексте цифрами в квадратных скобках, здесь же указываются цитируемые страницы: [1, с. 15; 2, с. 45]. Сам список литературы под заголовком «Библиографический список» приводится после основного текста в порядке цитирования (один пункт списка — одно наименование). Один и тот же источник в библиографическом списке указывается один раз, в тексте статьи при повторной ссылке указывается в квадратных скобках номер, который использовался первый раз.

При оформлении списка литературы на английском языке учитывать порядок библиографического списка. Список литературы на английском языке оформлять под заголовком «References».

9. Требования к рисункам (схемам, графикам, диаграммам) и таблицам:

- рисунки должны иметь подписи;
- таблицы должны иметь заголовки;
- сокращения должны быть объяснены;

- сканированные изображения не принимаются;
- размер шрифта в рисунках и таблицах — не менее 10 кегля;
- не допускается использование заливки, цвет контуров — черный.

10. Библиографический список должен содержать, как правило, не менее 10 источников, содержащих ссылки как на отечественные, так и на зарубежные монографии и статьи в ведущих научных журналах.

11. Редакция оставляет за собой право вносить редакторскую правку (в том числе изменять заголовки и сокращать тексты) без согласования с авторами и отклонять статьи в случае получения на них отрицательной экспертной оценки. При соответствующей доработке статья может быть опубликована. Отклоненные редколлегией журнала статьи авторам не возвращаются.

Контакты

Публикацию, оформленную по всем правилам, необходимо выслать на адрес редакционной коллегии: erpb@asu.ru

Адрес редколлегии:

656049, г. Барнаул, пр. Социалистический, д. 68, к. 113

ЭКОНОМИКА ПРОФЕССИЯ БИЗНЕС

2021. № 3

Журнал зарегистрирован
Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций.
Регистрационный номер ПИ № ФС77–77154 от 10 декабря 2019

Литературный редактор *С. И. Тесленко*

Подготовка оригинал-макета *О. В. Майер*

Подписано в печать 06.09.2021.
Дата выхода в свет 13.09.2021.
Формат 60×84/8. Бумага офсетная.
Усл.-печ. л. 17,2. Тираж 500 экз. Заказ 306. Цена свободная.

Издательство Алтайского государственного университета
Адрес издательства: 656049 Алтайский край, г. Барнаул, ул. Димитрова, 66

Типография Алтайского государственного университета
Адрес типографии: 656049 Алтайский край, г. Барнаул, ул. Димитрова, 66

Адрес редакции: 656049, Алтайский край, г. Барнаул, пр. Социалистический, д. 68, ауд. 113
